Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2026 Том 28 № 1

Публичная политика и государственное управление

Приглашенный редактор ***А.А. Дегтярёв***

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1
http://journals.rudn.ru/political-science

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь
Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан
Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай
Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша
Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция
Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада
Када Николя — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция
Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация
Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация
Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация
Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция
Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)
Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).
http://journals.rudn.ru/political-science
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Языки: русский, английский.
Индексация: Белый список РЦНИ, РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): **http://publicationethics.org**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/political-science**

Электронный адрес: **politj@rudn.ru**

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 23.03.2026. Выход в свет 30.03.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2026 VOLUME 28 NO. 1

Public Policy and Public Administration

Guest editor ***A.A. Degtyarev***

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1
http://journals.rudn.ru/political-science

Founded in 1999
Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR
Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY
Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan
Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China
Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland
Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France
Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada
Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France
Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of HSE University, Moscow, Russian Federation
Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)
Publication frequency: quarterly.
http://journals.rudn.ru/political-science
Languages: Russian, English.
Indexation: White List of RCSI, RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's
Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Comission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): **http://publicationethics.org**

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/political-science**

E-mail: **politj@rudn.ru**

Literary Editor ***Irina L. Pankratova***
English Text Editor ***Daria B. Kazarinova***
Computer Design ***Irina A. Chernova***

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Соловьев А.И. Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры 9

Сморгунов Л.В. Трансформация государственного управления в условиях контингентности социальных систем 25

Купряшин Г.Л. Государственное управление и политический менеджмент: взаимодействие сфер, факторов и акторов 40

Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Концептуальная модель взаимодействия правительства и парламента в законотворческом процессе: пример постсоветских стран 59

Нисневич Ю.А. Роль граждан в современном государстве: механизмы и результаты влияния 80

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Сосунов Д.В. Специфика осуществления экспертизы политических решений в региональных органах публичной власти современной России: пример Воронежской области 96

Цыганков П.А. Современные геополитические модели в прикладном исследовании международных процессов: анализ российско-китайского партнерства во французской либерально-консервативной школе 112

Федорченко С.Н. Искусственный интеллект в политическом прогнозировании: возможности и ограничения 129

Попова О.В. Искусственный интеллект в политическом анализе: записки умеренного оптимиста 149

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Амелин В.Н. Электоральные технологии в структуре российского политического менеджмента 169

Дегтярёв А.А., Давыдов П.М., Тетерюк А.С. Корпоративная политическая активность и публичная политика компаний в системе публичного менеджмента 186

Зуйков А.В., Потапкин А.С., Чирков С.С. Лоббирование в федеральном законодательном процессе: «точки доступа» бизнеса..... 201

Шпагин С.А. Партийные системы регионов России на выборах 2024 года: что осталось от конкуренции?..... 217

РЕЦЕНЗИИ

Зазнаев О.И., Зарипова А.Р. Осмысливая испанскую политику. Рецензия на книгу: Баранов А.В. Трансформация партийной системы современной Испании (электоральный аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 300 с. 231

CONTENTS

PUBLIC POLICY AND MANAGEMENT

Solovyev A.I. Making Government Decisions: In Search of a Comprehensive Structure 9

Smorgunov L.V. Transformation of Public Administration in the Context of Contingent Social Systems 25

Kupryashin G.L. Public Administration and Political Management: Interaction of Spheres, Factors, and Actors 40

Pomiguev I.A., Alekseev D.V. Modeling Government-Parliament Interaction: A Post-Soviet Legislative Framework 59

Nisnevich Yu.A. The Role of Citizens in a Modern State: Rights and Mechanisms of Influence 80

POLITICAL EXPERTISE AND CONSULTING

Sosunov D.V. The Expertise of Political Decision-Making in Russia's Regional Authorities: A Case Study of Voronezh 96

Tsygankov P.A. Geopolitical Models of the Russian-Chines Partnership in the Studies of the French Liberal-Conservative School 112

Fedorchenko S.N. Artificial Intelligence in Political Forecasting: Possibilities and Limitations 129

Popova O.V. Artificial Intelligence in Political Analysis: Notes from a Moderate Optimist 149

POLITICAL MANAGEMENT

Amelin V.N. Electoral Technologies in the Structure of Russian Political Management 169

Degtyarev A.A, Davydov P.M., Teteryuk A.S. Corporate Political Activity and Firms' Public Policy in the System of Public Affairs Management 186

Zuykov A.V., Potapkin A.S., Chirkov S.S. Lobbying in the Federal Law-Making Process: Business Access Points. 201

Shpagin S.A. Party Systems of Russian Regions in the 2024 Elections: What is Left of the Competition? 217

BOOK REVIEWS

Zaznaev O.I., Zaripova A.R. Understanding Spanish Politics. Book review: Baranov, A.V. (2024). Transformation of the Party System of Contemporary Spain (Electoral Aspect). Krasnodar: Kuban State University publ., 300 p. (In Russian) 231

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 9–24**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

PUBLIC POLICY AND MANAGEMENT

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24
EDN: JWJRXK

Научная статья / Research article

Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры

А.И. Соловьев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

✉ solovyev@spa.msu.ru

Аннотация. Сложная теоретическая картина, сложившаяся по поводу принятия государственных решений, изобилует множественными противоречиями и риск-рефлексиями, подчас весьма слабо реагирующими на сложившиеся в этой сфере системные практики. Междисциплинарные конфликты, научные традиции, опирающиеся на исследования в различных национальных политиях и поддерживаемые авторитетными академическими школами, а также широкое распространение нормативных подходов, в значительной степени опирающихся на демократические приоритеты государственной эволюции, сохраняют и приумножают эпистемические размежевания в данной сфере научных изысканий. Концептуальные разногласия и разночтения относительно даже базовых параметров данного процесса сходятся только в понимании необходимости его постоянного теоретического доопределения. Но существуют ли основания надежды на разработку относительно целостной и одновременно комплексной теоретической модели государственных решений, отражающей специфический характер государственного целеполагания? В данном исследовании движение в этом направлении связывается с дальнейшим атрибутированием данного процесса, отражающим современные и одновременно специфические практики принятия этого типа решений. Методологически корректно осуществить такую атрибуцию предложено на основе сочетания принципов агентского подхода (позволяющего отобразить реальный состав участников этого процесса вкупе с используемыми ими ресурсами, стратегиями и типичными паттернами), а также сетевого измерения механизма государственного целеполагания (отображающего многосоставную логику взаимодействия политических и административных, публичных и латентных коммуникаций). Преодолевая ограничения нормативного подхода и принципов индивидуальной методологии, такая аналитическая рамка позволяет раскрыть субстантивные параметры принятия государственных решений, отражающих взаимную адаптацию реальных участников

© Соловьев А.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

данного процесса, обусловливающую подвижность их позиционирования на публичных и латентных аренах современного государства, возможности и ограничения использования административно-правового инструментария.

Ключевые слова: принятие государственных решений, политика, управление, администрирование, сетевые коалиции, гибкий рационализм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Соловьев А.И.* Принятие государственных решений: в поисках комплексной структуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 9–24. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24 EDN: JWJRXK

Making Government Decisions: In Search of a Comprehensive Structure

Alexander I. Solovyev

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ solovyev@spa.msu.ru

Abstract. The complex theoretical picture that has developed around public decision-making is replete with multiple contradictions and risk-reflections, which are sometimes quite poorly responsive to the systemic practices that have developed in this area. Interdisciplinary conflicts, scientific traditions based on research in various national polities and supported by authoritative academic schools, as well as the widespread use of normative approaches that heavily rely on democratic priorities for state evolution, all contribute to the persistence and expansion of epistemic divisions in this field of research. Conceptual disagreements and discrepancies regarding even the basic parameters of this process converge only in the understanding of the need for its constant theoretical refinement. But are there any grounds for hope in developing a relatively holistic and comprehensive theoretical model of government decisions that reflects the specific nature of government? In this article, the movement in this direction is associated with further attribution of this process, which reflects the current and at the same time specific practices of making this type of decision. Methodologically, such attribution is proposed to be carried out on the basis of a combination of the principles of the agent-based approach (which allows us to display the real composition of the participants in this process, along with the resources, strategies, and typical patterns they use), as well as the network measurement of the mechanism of state goal-setting (which reflects the multi-component logic of the interaction between political and administrative, public, and latent communications). Overcoming the limitations of the normative approach and the principles of individual methodology, this analytical framework allows us to reveal the substantive parameters of state decision-making, which reflect the co-adaptation of the actual participants in this process, and the resulting flexibility of their positioning in the public and latent arenas of the modern state, as well as the possibilities and limitations of using administrative and legal tools.

Keywords: public decision-making, policy, management, administration, network coalitions, flexible rationalism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Solovyev, A.I. (2026). Making government decisions: In search of a comprehensive structure. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 9–24. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-9-24 EDN: JWJRXK

Жизнь это «ловушка для логиков»,
а «ее дикость стережет их в засаде».
Г.К. Честертон

Принятие государственных решений: базовые модели и противоречия концептуальных подходов

Первые попытки описания принятия решений предприняли еще древние греки, которые хотя и не разработали соответствующую *теорию,* тем не менее заложили традицию рациональной интерпретации этого процесса, впоследствии стимулировавшей и изучение механизмов целеполагания, характерных для государства. Интеллектуально разнообразная история изучения государственных решений постоянно демонстрировала столкновения «стандартного мышления» обывателей (связывающих цели лиц, принимающих решения (ЛПР) с «убеждениями, желаниями или ценностями») со сложными представлениями об условиях этого выбора, задававших множественные взаимосвязи «различных установок» и «предпочтений»[1]. В последние полтора-два столетия устойчивой интеллектуальной платформой теоретического поиска, раскрывающего содержание принятия государственных решений (далее — ПГР), были убеждения ученых, сформировавшиеся в русле западной ветви политической науки, утверждавшей рациональность и гуманизм Homo politicus, в конечном счете убежденного в превосходстве демократии и принципиальной роли гражданского сектора, стимулирующих ответственность элитарного правления[2]. Возможно, по этой причине в эпистемическом плане в основном доминировали подходы, складывавшиеся в рамках методологического индивидуализма, предлагавшего широкий спектр логических интерпретаций персональных и групповых форм активности ЛПР. Но хотя и этот мейнстрим не позволил выработать какую-либо общепризнанную концепцию ПГР, в науке все же сложились два наиболее общих подхода, не только прослеживающихся в различных интерпретациях этого процесса, но и позволяющих осуществлять систематическое сопоставление разных теоретических моделей.

[1] *Decision Theory* // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/decision-theory/ (accessed: 15.10.2025).

[2] Эти, по сути, мировоззренческие параметры ПГР, находя определенное подтверждение в функционировании западных политий, последовательно увеличивали удельный вес надежд и ожиданий, соответствующих демократическим замыслам. В этом русле даже ООН со дня своего основания стремилась к установлению прочного мира посредством совместных действий свободных народов. И хотя работы теоретиков-элитистов (начиная с Ч. Миллса), а впоследствии сторонников сетевого подхода предупреждали об эгоизме правящих кругов, они не сломали доминирующие формы политической экзистенции, масштабирующие политическую онтологию демократизации.

В данном случае речь идет о *нормативном* (прескриптивном) *и поведенческом* (дескриптивном) подходах. Первый, объясняя целеполагающую форму активности человека, делает акценты на его рациональной мотивации, способности к разумному поиску и переработке информации, взвешенной оценке средовых условий и понимании позиций контрагентов, Такой подход, породив разнообразные модели рационального отношения человека к неопределенности и разработке альтернатив (предупреждению рисков, социальному выбору, поиску предпочтений, осознанию средовых ограничений), позволил заявить о себе на этом предметном поле многим выдающимся математикам, использовавшим для объяснения этого процесса формализованные модели, описывавшие соотношение логической и условной истины, субъективной и объективной вероятности, а также иные аспекты активности человека, действующего в направлении ожидаемой полезности и результативности воплощаемых целей. Применительно к ПГР такая позиция утверждала приоритет публично-институциональных отношений, отражавших «рационально обоснованные принципы и интегральные цели» государства как единого (и в этом смысле «закрытого») целого [Дегтярев 2004, с. 20]. В этом русле государственная политика по преимуществу трактовалась как исполнение легальными институтами своих функционально-ролевых нагрузок (что не только отрицало существенную роль культурно заданных «девиаций» человеческой активности, но и тяготело к пониманию ПГР как отдельной интеллектуальной *функции* государственного управления). Одновременно в русле этого подхода сформировались идеи «объединенного», «универсального» и «активирующего» управления, сохранявшие общественно-гуманистическую традицию в трактовке изучаемого процесса.

Сегодня наряду с популярной моделью ограниченной рациональности Г. Саймона, теорией Э. Даунса (делающей упор на экономических приоритетах и внутриаппаратных механизмах государства), У. Нисканена (отождествляющего работу госаппарата с системами управления частных фирм, направленными на получение прибыли), М. Фармера (утверждающего статус политических решений в качестве результата агрегирования индивидуальных «выборов», связанных с совокупными или общественными результатами), а также стадиальными моделями и теориями социологического и политического институционализма нормативные идеи оказывают самое существенное влияние на теории конструирования целевых групп (SCTG), организационного поведения, институционального анализа и развития (IAD), исследования политических инноваций, групповой репрезентации (в ее парламентско-партийной, функциональной и корпоративной формах), а также на другие авторитетные теории.

В то же время нельзя не видеть, что в русле этой традиции политика превратилась в формализованный компонент системы управления государством[3].

[3] Даже при оценке перехода от структурных к динамическим (процессуальным) характеристикам принятия решений приоритет отдается механизмам, направленным «сверху вниз», где «инициатива исходит от институциональных лидеров», а инициируемые снизу социальные процессы «воспринимаются ими как угроза собственным ценностям и интересам» [Dye 2001].

Иначе говоря, она приняла форму интерактивной коммуникации власти и населения, играющей едва ли ни решающую роль в сближении государственного регулирования с корпоративным и многоуровневым управлением, обтекающим проблему гражданского выбора и потребности государства в поддержании баланса общественных сил.

В свою очередь, у сторонников *поведенческого* подхода (оспаривающих главный тезис оппонентов, что теоретики «в первую очередь интересуются рациональными, а не правильными решениями» [Peterson 2017, 1–2]), основной фокус исследований предполагает доминирующую роль интересов участников целеполагания. Такой подход делает акцент на многочисленных гранях ПГР, раскрывающих роль социокультурных, психологических и иных когнитивных факторов, определяющих не только стимулы и установки разрабатываемых стратегий и акций ЛПР, но и обусловливающих характер их коммуникаций со стейкхолдерами, а также согласование и корректировку целей, выработку приоритетов государственной политики и т.д. [4] Определившие содержательный профиль этого направления бихевиоралистские подходы Ч. Мерриама и инкременталистские идеи Ч. Линдблома убедительно показали, что динамично изменяющиеся в*и*дения человеком своих интересов обладают решающей ролью в проектировании целей и их практическом воплощении. В логическом пределе такая парадигмальная платформа тяготеет к пониманию ПГР как формы управленческого искусства, чье теоретическое истолкование неразрывно связано с когнитивными стимулами и ограничениями активности участников.

В рамках такого подхода в науке сформировались концепты, утверждающие *открытый* характер ПГР, утверждающие «комплексно-компонентный» подход к этому процессу и аттестующие организационно-поведенческую основу взаимодействия конкурирующих акторов, представляющих государство и гражданский сектор [Дегтярев 2004]. Утвердилось здесь и понимание того, что государство, не будучи монолитным актором, разрабатывает целевые конструкции, опираясь на внутренние размежевания обладающих своими интересами участников целеполагания, что демонстрировало условность (многозначность) понимания ими общественных благ, а также множественность критериев оценивания эффективности воплощенных целей. По сути, здесь было заложено исключительно важное для ПГР понимание *разрозненного характера рациональности.* То есть того типа рефлексии, который демонстрировал не однозначность «взвешенного» подхода к решению проблемы, а гибкость и вариативность «разумного» истолкования целей в зависимости от ожиданий действующих акторов результатов их воплощения.

Многочисленные комбинации обозначенных идей повлияли на формирование множества оригинальных политико-административных моделей,

[4] Как пишут ученые, принятие решений «это не только теория выбора, но и теория убеждений, желаний и других соответствующих установок; важно то, как эти различные установки (назовем их „установками предпочтений“) связаны друг с другом» (Decision Theory // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/decision-theory/ (accessed: 15.10.2025)).

раскрывающих природу данного процесса: теории множественных потоков [Kingdon 1984], коалиций поддержки [Sabatier, Jenkins-Smith 1994], прерывистого равновесия [Baumgartner, Jones 1993] мусорной корзины [Cohen, March, Olsen 1972], раундов [Teisman 2000] и других влиятельных конструкций. С одной стороны, интенсивность развития этого теоретического направления, чем дальше, тем больше, расширяла основания изучения государственных решений, делая акценты на различных формах практического взаимодействия участников ПГР, провоцирующих еще и увеличение лингвосемантических инструментов анализа. Сегодня типичным способом теоретического расширения предметного поля становится выделение различных «профилей», «модусов», «контуров», «субкомплексов», «подсистем» или особых поведенчески заданных континуумов со своей логикой и набором акторов. В этом же русле разрабатывались и разрабатываются многочисленные классификаторы, дифференцирующие активность конкретных участников, типы решений, выдвигаемые государством задачи, стили деятельности ЛПР и т.д. Так что, в отличие от середины XIX в., когда Ч. Барнард «импортировал… термин (принятие решений. — *А.С.*) в мир бизнеса», заменивший такие «дескрипторы», как «распределение ресурсов» и «разработка политики» [Buchanan, O'Connell 2006: 32], эти частные параметры — наряду с разработкой правительственной повестки и другими характеристиками ПГР — превратились в отдельные направления исследований.

Однако выполненные в рамках различных дисциплин и направлений компоненты ПГР, даже частично пересекаясь между собой, весьма слабо поддерживают логическую корреляцию друг с другом, не способствуя тем самым усилению синергии эвристического потенциала науки. Описание и систематизация различных параметров этого процесса (разделяющих проектирование и использование ресурсов, принудительные и поощряющие стили императивной координации, специфицирующие инструменты разработки повестки и оценивания результатов и т.д.) порождают постоянные и углубляющиеся конфликты сторонников различных подходов и методологий. В основе этих разногласий были и остаются трактовки государства как института делового и общественного управления; прав и фактических полномочий управляющих и управляемых; сочетания иерархических и гетерархических связей; соотношения власти и политики, управления и администрирования; согласования между разными уровнями целеполагания, роли и содержания когнитивных параметров ЛПР и т.д. Сохраняется и скепсис относительно понимания ПГР как эпицентра государственного управления, центрирующего все отношения политического господства (гегемонии и монополии) и усилия политических конкурентов, заинтересованных в доминировании при распределении (перераспределении) ресурсов. При этом немалое количество авторов усматривают в ПГР «основную компоненту разработки и осуществления публичной политики» [Дегтярев 2024: 17] и даже исключительно «публичный процесс» [Васильева, Колеснева, Иншаков 2017: 248], что неизбежно совмещает *форму* легализации принятых решений с ее субстантивными параметрами.

Коротко говоря, эпистемические размежевания, совмещенные с онтологическим равноправием дисциплинарных (фундаментальных и прикладных) оснований, во многих случаях сохраняющих приоритет невалидированных сведений, позволяют трактовать ПГР в рамках «семейного сходства» близких по смыслу понятий, означающих отсутствие у референтов «единой сущности» и исключающих его сингулярные толкования [Wittgenstein 1969: 118]. В то же время признание отсутствия у исследователей информации, отражающей «массив контролируемого опыта… в части его получения, перепроверки, приращения» (что, хотя и «отличает науку ото всего остального» [Степанцев 2017: 104], но неизбежно выводит из рассмотрения невалидированные сведения), ведет к постоянному нарастанию логических допущений, усложняющих, но редко проясняющих теоретическую картину ПГР.

Строго говоря, эпистемическая разнородность противостоящих друг другу подходов и теоретических моделей (включая непримиримый конфликт структурных и агентских приоритетов), обладающих собственной дистрибуцией на различных уровнях анализа, исключает создание некоей комплексной теории ПГР способной сблизить принципиально различные идеи, придав этому процессу некую логическую целостность и завершенность. Иначе говоря, сведение воедино в рамках особого концепта диверсифицированных параметров ПГР становится весьма отдаленной и интеллектуально неисполнимой задачей. Впрочем, возможно, что в случае качественного обновления процедур и результатов полученных знаний (к примеру, с использованием ИИ или сложных исследований когнитивного поля человека) теоретическая форма ПГР сможет обрести определенную гомогенность.

Однако даже такая познавательная ситуация не исключает возможностей дальнейшего атрибутирования принципиальных параметров этого процесса, позволяющих разглядеть в «смутном пространстве» целеполагания очертания логически взаимосвязанных конструкций, исключающих неопределенность «книжных» объяснений сложной комбинаторики ПГР. Другими словами, у науки существуют возможности корректно и логически непротиворечиво сопоставить определенные идеи и подходы, раскрывающие различные грани этого сложносоставного и политико-управленческого (и в известной степени — административного) процесса. Это тем более необходимо, поскольку трансформация мировых порядков в сочетании с итогами многолетних (и не очень успешных) реформ государственного управления неизбежно отражается на трансформации института государства и механизмов принятия государственных решений, меняющих свои очертания в условиях нарастающей конкуренции крупных бизнес-игроков и изменений транснациональных коммуникаций [Cerny 2012]. Свою роль в уточнении знаний о ПГР играют и новые системы аналитической поддержки принятия решений, сложившиеся в крупных корпорациях, постоянно взаимодействующих с государством.

Коротко говоря, для уточнения методологических оснований теоретической рефлексии по поводу ПГР следует атрибутировать ряд характерных для сегодняшнего времени параметров фактического целеполагания, противопоставленных ригидной логике теоретической схематики, слабо связанной

с фактическими коммуникациями политических структур и действующих акторов. Это позволит повысить релевантность теоретического материала, а в ряде случаев исключить наиболее очевидные заблуждения в отображении данного процесса. В этом контексте основной упор следует сделать на спецификации государства как института, действующего в формате принятия решений, в известной степени перестраивающего его внутреннюю архитектуру и меняющего принципы отбора участников этого процесса.

Основания комплексной атрибуции ПГР

Первостепенным шагом, в известной степени позволяющим преодолеть смысловую поливариативность и множественность значений ПГР, является уточнение предметного поля, создающего ограничения для открытого набора гетерогенных практик выработки и реализации целей, включающего как антропную логику продвижения интересов, так и нормативно заданные акции и интеракции. Такое совмещение теоретических версий ПГР предполагает «упрощение» базовых конструкций этого процесса (Sabatier 1994), в первую очередь, ориентированных на отображение активности повседневно действующих акторов, но при этом отвлекающихся от значений культурных стилей целеполагания, автономных форм проявления политической воли и т.д. Принципиальным характером здесь обладает «ключевая оппозиция — между наблюдаемым… что лежит на поверхности и ненаблюдаемым, скрываемым… что требует изучения, интерпретации и объяснения» [Степанцев 2017: 106]. Неслучайно Г. Райл рассматривал практико-ориентированные акции («знание *как*») в виде набора компетенций, несущих скрытые, закладываемые в решения смыслы и зачастую даже не сопряженные с рефлексией [Райл 1999].

Иначе говоря, атрибутирование базовых параметров ПГР, сопряженное с практико-ориентированными практиками государственного целеполагания, не только позволяет обнаружить фактическую конструкцию этого механизма, складывающуюся во взаимодействии реальных участников, но и «схватывать» (grasping) смысл их деяний и отношений [Hutchinson 2008]. Это, собственно, и позволяет достичь смыслового единства при теоретической интерпретации государственного целеполагания. По крайней мере, такой подход позволяет нащупать ту модальность долженствования, которая будет в большей степени релевантна фактическому процессу разработки и осуществления решений.

Определение референта, очерчивающего предметное поле ПГР, в первую очередь отражает *характер* решаемых государством задач. В частности, решения, связанные с повседневным предоставлением гражданам государственных услуг и товаров, являются рутинными практиками администрирования, предполагающими осуществление институтами своих функционально-ролевых нагрузок в рамках действующих норм (учитывающих влияние представительных механизмов гражданского волеизъявления) и аппаратного согласования полномочий. Данный режим применения власти превращает политические составляющие государственного целеполагания в постоянную грань проактивного

и интерактивного взаимодействия правящих структур с населением, в значительной степени игнорирующую проблему выбора (подтверждения) политического курса, регулирования баланса сил и идейной идентификации госслужбы.

Наряду с этим решения принципиального свойства (оказывающие влияние на положение государства в мире, изменение социальных диспозиций различных слоев населения или конфигурации правящего слоя как каркаса национальной и региональной политики и т.д.) [Zahariadis 2016], обусловливают иной тип взаимодействий при разработке и осуществлении целей. Неслучайно, Дж. Пфеффер [Pfeffer 1992], К. Худ и Х. Маргеттс [Hood, Margetts 2007], а также ряд других ученых резко противопоставляли решения, связанные с борьбой за власть и ее применением, всем иным принимаемым в государстве решениям. Как метко выразились Д. Осборн и Т. Гэблер, лишь один тип государственных решений связан с удержанием политического курса («рулением»), в то время как другие являются всего лишь повседневной «греблей» [Osborne, Gaebler 1992].

С эпистемической точки такой тип решений предполагает обращение знаний, связанных с «каверзными» проблемами, относительно которых нельзя «получить объективные и окончательные ответы» и «которые не могут быть описаны окончательно» [Horst 1973: 155]. Учитывая уникальный характер этих проблем, когнитивные конструкции требуют постоянного обновления знаний и корректировки ранее сделанных выводов.

Однако с политико-управленческой точки зрения выработка соответствующих решений связана с формированием *особого механизма* целеполагания, весьма далекого от рутинных форм повседневного администрирования. По сути, такие решения «запускают» механизмы целеполагания, вовлекающие лишь необходимых государству акторов (структур, институтов, стейкхолдеров), чьи ресурсы и способности позволяют им участвовать в разработке целей независимо от наличия или отсутствия у них прав говорить и действовать от лица государства. В этом аспекте принципиально важно, что политические параметры этого типа целеполагания изначально связаны с определением вектора развития государства и общества, результирующий характер которого выстраивается в острой конкуренции статусных и неформальных игроков, претендующих на участие в распределении крупных общественных ресурсов. Именно в процессе «ко-адаптации» [Infantino 2020] статусных и неформальных игроков ПГР превращается в динамично изменяющуюся конфигурацию согласования интересов, формирования повестки, корректировки целей и определения иных инструментов профилирования институциональных действий, заданных «победителями», олицетворяющими «общественный выбор». В этом контексте политика не только обретает естественную для себя форму конкурентного выбора и определения баланса сил, необходимого для продвижения доминирующих целей, но и превращается в форму «попечительской власти», способную обтекать институциональные нормы и действовать поверх законодательных ограничений и моральных инвектив.

Одним словом, объем распределяемых ресурсов и участие крупных политических инвесторов, влияющих на баланс общественных сил и устойчивость режима правления, формируют особый механизм ПГР, в котором даже административные формы целеполагания зачастую либо не имеют значения, либо играют сугубо формальную и подчиненную роль.

Важнейшим фактором, обусловливающим системные «ограничения» норм и институционального согласования интересов, является давление неформальных коалиций, образующих в государстве «пересекающиеся и конкурирующие трансграничные властные сети, меняющиеся лояльности и идентичности», порождающие «новые источники эндемичных конфликтов» и межэлитарных противоречий [Cerny 2012: 13, 20]. Даже будучи частично встроенными в систему государственного управления, эти неформальные ассоциации провоцируют «предательское поведение» институтов, образующих пространство, где доминируют «приятельские отношения и знакомства» [Хайоз 2011]. Этот фактический патронаж во вновь образующихся «цепочках» человеческих связей позволяет сетевым сообществам получать «непропорциональный контроль над ресурсами или доступ к ним» [Khan 2012: 362] и под видом «общественного управления» предпринимать действия, заменяющие «правительство» как форму осуществления институциональной власти [John, Cole 2000].

Короче говоря, неформальные коммуникации сетевых коалиций как «фактических группировок» (Р. Дарендорф), частично смягчая изъяны аппаратной иерархии, не только ослабляют влияние официальных норм при разработке целей, сколько формируют опирающиеся на каркас из переплетенных институтов и узлов власти фактические правила ПГР. Более того, усиливая дистанцирование и отчужденность граждан от рычагов принятия решений, сетевые коалиции выходят за рамки группового сплочения, растлевая общественное сознание представлениями о доступности общественных ресурсов за счет нелегальных способов их получения.

Главным источником преград, дополняющих существующие у граждан традиционные административные барьеры, являются недекларируемые, скрываемые от общества связи конкурирующих групп и фигур правящего класса. При этом даже «институты и общепринятые ценности (общества. — *А.С.*) могут становиться объектами осуществления скрытых замыслов» правящих группировок [John, Cole 2000: 201], переводя активность государства в латентную сферу, поддерживающую базовые формы каузальности при построении новой архитектуры власти [Kennedy 2011]. При этом в разных правящих режимах архитектура латентной сферы, формирующаяся на приоритетах элитарного потребления[5], может обретать очертания дополнительного, «второго контура го-

[5] Причем «необходимые для улучшения общественного положения и международной конкурентоспособности» интересы элитных группировок жестко связаны с попытками «самообогащения за счет своих соперников и противников», позволяя при этом не обращать внимания даже на «истощение национальных ресурсов» [Goldstone 2016: 481]). Неслучайно ряд ученых главный акцент при идентификации элит делают на их возможностях «присваивать себе ресурсы неэлит» [Лахман 2010: 31–32].

сударственного управления» [Соловьев 2021], и даже «глубинного государства» [Коктыш, Сергеев 2025].

Строго говоря, фактическое доминирование крупных игроков в зоне ПГР (при любых системах политического доминирования и господства) не только обладает решающим фактором принятия решений, но и способно лишать государство его миссии производства общественной жизни, функцию стабилизации политического порядка, а в ряде случаев даже сохранения суверенитета (способного раствориться во множестве соглашений и договоров с влиятельными внешними игроками).

В данном контексте уместно вспомнить, что идея приоритета фактических, а не номинальных участников ПГР была достаточно давно заложена в сетевом подходе, оппонировавшим институциональным и циклическим концептам. Однако приверженцы этого подхода в основном продвигали идею партнерской связи государства и общества, содействующей социальной интеграции власти и населения и повышению эффективности правления. И лишь в последнее время сторонники сетевой методологии стали утверждать, что формальность является всего лишь «привратником, ведущим к узловым точкам институциональных изменений» и принятия решений [Nederveen 2024], в то время как «неформальность» выступает в качестве «новой нормы» политической эпистемологии [Ledeneva et al 2024], заставляющей корректировать понимание ПГР.

Сама практика подтвердила системный характер изменения сетевыми акторами фрагментированных «цепочек власти» (М. Фуко), формирующих встроенные в систему правления узлы политического доминирования, поддерживающих разрозненные связи с внешними игроками (в том числе за рамками национального государства). Системное доминирование «закрытых» сетей не только осуществляет градацию ЛПР на основе их реальной роли при разработке решений, но и образует «сквозные формы власти и влияния» [Kapstein 2006], формирующие в государстве новые «сильные связи» и стимулирующие разнообразные формы политического покровительства [Gerlach, Teodorescu, Hertwig 2019]. Такое положение обусловливает качественное размежевание правящего слоя, с одной стороны, способствуя появлению элитарного корпуса, который «рулит в тени иерархии» [Джессоп 2019], снимая с себя ответственность перед государством и обществом, а с другой — превращая избранных политиков в «одноразовую» элиту, выпадающую из механизмов ПГР, но вынужденную оправдывать перед населением принимаемые решения. В этом контексте «публичная» политика государства может рассматриваться как вспомогательная функция управления, заданная внутри элитарной конкуренцией (сохраняющая латентные смыслы и замыслы политических доминантов), а формы администрирования как способ легализации институтами власти решений и целей, выработанных фактическими ЛПР за рамками аппаратной иерархии.

Как можно видеть, последовательное применение сетевого подхода не только подтверждает центральную роль внутри элитарного соперничества при

разработке целей, но и свидетельствует о наличии *латентной* сферы политики, интегрирующей недекларируемые связи правящего класса и формирующей особые «субъектные составляющие» управленческих правил, «организационные нормы» и функции «политико-административных структур») [Купряшин 2025][6]. Поскольку весь комплекс непубличных структур и отношений обусловлен и опосредован потребностями элитарных групп и фигур в постоянном и повседневном снижении издержек внутренней конкуренции (являющейся главным условием их позиционирования в структурах власти и выполнения ролевых нагрузок), это позволяет рассматривать латентную сферу как *фактическое ядро* ПГР и государственного управления в целом.

Такое положение весьма убедительно показывает, что «невидимая социальная реальность… оказывается сильнее» [Титков 2017: 9], чем публичные формы политической игры, лишь частично обнажающие реальные зависимости участников этого процесса и скрытые замыслы политических доминантов [Соловьев 2022]. Более того, признание субстантивной роли латентной сферы позволяет более определенно отвечать на вопросы — «что происходит» при разработке государственных решений и «что за этим скрывается» [Луман 2002]. Это подтверждает идею С. Лукса, что ученым следует уделять большее внимание менее доступным для наблюдения, но более эффективным с практической точки зрения проявлениям власти [Lukes 2005].

Одним словом, системное сетевое давление на институты власти, совместно с субстанциональной ролью латентных форм выработки государственных целей, свидетельствует о принципиальной зависимости ПГР от способностей элитарных групп и фигур проникать в зону принятия решений (преодолевая административные барьеры, «бутылочные горлышки» аппаратной иерархии, «политические засады» конкурентов). Это не только определяет принципиально «открытый» характер ПГР, обусловленный динамично меняющимся составом ЛПР, но и свидетельствует о принципиальной слабости гражданского сектора как политического партнера государства (чей дефицит ресурсов, компетенций, а главное — механизмов влияния вытесняет его на далекую периферию при разработке важнейших решений). И даже «демократизация демократии» (К. Пэйтмен) не способна устранить непреодолимые для населения функциональные вето-пространства в механизме ПГР.

Итак, можно констатировать, что преимущество неформальных латентных связей в механизмах ПГР определяет ведущую роль не нормативных и рационально-логических алгоритмов целесообразного поведения ЛПР, а различных коллабораций чиновников с группами и фигурами политического влияния. Сложные трансверсальные связи этих микроакторов с пронизанными латентными коммуникациями институтами власти

[6] Неслучайно Домхофф утверждает, что формирование государственной политики начинается неформальным образом в стенах корпоративных совещательных комнат, клубов и дискуссионных групп, где те или иные ситуации идентифицируются как проблемы, требующие политических решений, а конечным пунктом этого процесса являются государственные органы, утверждающие и реализующие эти решения [Domhoff 1998].

выражаются в постоянном воспроизводстве (рекурсивности) меняющегося набора участников (ассамбляжа) базовых государственных решений. В итоге идущие трансформации в системе государственного управления, работающей в режиме принятия принципиальных для власти решений, заменяют административно-организационную иерархию целеполагания на подвижное политико-управленческое *устройство* ПГР. Иначе говоря, эти, по сути, матричные формы госрегулирования, формируя разнообразные арены и площадки целеполагания [Соловьев 2015], сглаживающие (или даже уничтожающие) различия статусных и неформальных претендентов на участие в ПГР, формируют реальные структуры и отношения в постановке и реализации целей, качественно отличающиеся от нормативно заданных конструкций институционального дизайна. Триггером же формирования этих политико-управленческих образований является энергетика элитарных группировок, соревнующихся в закрытом от общества пространстве с целью продвижения своих интересов.

Заключение

Как можно видеть, ПГР в решающей степени складывается как персонально и интеллектуально опосредованные взаимодействия ЛПР, взаимодействующие в слабоинституционализированной среде, где доминируют не заданные нормы их деловых коммуникаций, а подвижные парциальные (складывающиеся по принципу здесь и сейчас) реакции, возникающие в результате «ко-адаптации» основных политических инвесторов. Эти субстанциональные параметры как очерчивают границы ПГР, так и позволяют *специфицировать* реальный характер этого процесса. Центральное место здесь занимает понимание того факта, что распределение крупных общественных ресурсов (изменяющее баланс сил во внутренней и внешней политике государства), сопряженное с систематическим и скрытым от общества влиянием сетевых коалиций на институты власти, преобразует нормативно заданный организационно-административный процесс разработки целей в динамично изменяющееся *устройство* ПГР, где преобладает воля акторов, обладающих фактическими преимуществами в диспозициях, ресурсах и компетенциях. Причем это касается и тех случаев, когда действующие от лица государства акторы не имеют на это общественного мандата. Иначе говоря, ПГР представляет собой зону государственного управления, существенно реконфигурирующую аппаратные связи и создающую внутри системы институционального правления подвижную, но одновременно целостную управленческую конструкцию, основанную на скрытых коммуникациях крупных политических игроков.

Универсализм этой конструкции, складывающейся в любых политических системах, показывает ее относительную автономность от системных (обусловленных связями с обществом) оснований организации государственной власти. Не только авторитарные, но и демократические политические системы

демонстрируют одну и ту же зависимость разработки своих принципиальных целей от наиболее влиятельных политических акторов, предпочитающих разрабатывать цели «общественного» развития со своими партнерами в сфере латентных коммуникаций. Идущие от сетевых коалиций и латентных связей токи преобразований (не исключающих ни деформацию стандартов общественного развития, ни коррупцию, ни рейдерство, ни неправомерное засекречивание расходов) создают в государстве «новые нормы» целеполагания, одновременно порождая и круг элитарных акторов, снимающих с себя ответственность перед населением.

В этом смысле наиболее опасной тенденцией в трактовке ПГР является отождествление реального и номинального характера этого процесса, ведущего к нерелевантному признанию преимуществ институционально-нормативных взаимодействий легальных акторов в публичной сфере и игнорирующего субстантивную роль латентных структур и скрываемых от общества целей и замыслов правящего класса. Сведе́ние содержания ПГР к иерархическим взаимосвязям управленческих институтов, формам кадровой политики и организационной работы, а также иным проявлениям аппаратных коммуникаций «официальных государственных агентов» (пусть даже дополненных формализмом, дезорганизацией и коварством бюрократии), не способно выявить смыслы происходящих в государстве политико-управленческих взаимодействий при постановке и реализации целей.

Возможно, в будущем более релевантной аналитической рамкой для изучения этого процесса и одновременно фактором создания более целостной теории ПГР могут стать нормы *конфиденциального менеджмента,* нацеленного на повышение уровня валидации данных об алгоритмах внутри элитарного соперничества. Это позволило бы довести изучение латентных коммуникаций и идентификационных концептов ЛПР до обобщений, способных прояснить контуры комплексной модели данного процесса.

Поступила в редакцию / Received: 17.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 10.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Васильева В.М., Колеснева Е.А., Иншаков И.А. Государственная политика и управление. Москва : Юрайт, 2017. EDN: ZTAHML.

Дегтярев А.А. Принятие политических решений. Москва : КДУ, 2004.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее. Москва : Дело, 2019. EDN: FXZBWZ.

Коктыш К., Сергеев В. Становление американского глубинного государства // Полис. Политические исследования. 2025. № 3. С. 76–95 https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.06. EDN: WOCKOT.

Купряшин Г.Л. Латентные отношения в государственном управлении // Современное государственное управление / под ред. С. Глазьева, С. Бодрунова. Москва : Ленанд, 2025. С. 278–285.

Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. Москва : Издательский дом. Территория будущего, 2010. EDN: QPOBQR.

Луман Н. «Что происходит» и «Что за этим скрывается?» Две социологии и теория общества // Теоретическая социология : антология : в 2 частях / под ред. С.П. Баньковской. Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Ин-т социологии РАН, Центр фундам. социологии. Москва : Книжный дом университет. CEU, Ч. 2. 2002. С. 319–353.

Райл Г. Понятие сознания. Москва : Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 127–146. https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.78 EDN: TSJZML.

Соловьев А.И. Политика и управление государством. Проблем теории и методологии. Москва : Аспект пресс, 2021.

Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 57–79. https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.03 EDN: GKUKYS.

Степанцев П.А. Семантика и прагматика архитектурного объекта: что может дать витгенштейнианский подход для изучения архитектуры // Социология власти. 2017. Т. 29. № 1. С. 101–121.

Титков А. Социологи и архитекторы: два пути к новым онтологиям // Социология власти. 2017. Т. 29. № 1. С. 8–18.

Хайоз Н. Управление, коррупция и локальные структуры политического влияния в Швейцарии // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. Москва : РОССПЭН, 2011. С. 200–208.

Baumgartner F., Jones B.D. Agendas and Instability in American Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

Buchanan L., O'Connell A. A Brief History of Decision Making // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. Iss. 1. P. 32–41.

Cerny P.G. Globalization and the Transformation of Power: manuscript version of chapter 7 // Political Power: The State of the Art / ed. by M. Haugaard, K. Ryan; International Political Science Association, Research Committee on Political Power. Leverkusen Opladen : Barbara Budrich, 2012. P. 187–215.

Cohen M., March J., Olsen J. A Garbage Can Model of Organizational Choice // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17 P. 1–25.

Domhoff W.G., Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000. Mountain View. Calif.: Mayfield, 1998.

Dye T.R. Top-Down Policymaking. NY. London: Chatham House Publishers, 2001.

Gerlach P., Teodorescu K., Hertwig R. The Truth about Lies: A Meta- Analysis on Dishonest Behavior // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145. Iss. 1. P. 1–44.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England. France. Turkey and China, 1600–1850. Routledge, 2016.

Hood C., Margetts H. The Tools of Government in the Digital Age. London: Palgrave Macmillan, 2007.

Horst W.J. Rittel Webber M. Dilemmas in a General Theory of Planning // Policy Sciences. 1973. Vol. 4. No. 2. P. 155–169 https://doi.org/10.1007/bf01405730 EDN: TGFJKX.

Hutchinson P., Read R., & Sharrock W. There is No Such Thing as a Social Science // Defence of Peter Winch (1st ed.). Routledge, 2008. https://doi.org/10.4324/9781315551135

Infantino L. Infrasocial Power Political Dimensions of Human Action. Palgrave Macmillan, 2020.

John P., Cole A. When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France // Comparative Political Studies. SAGE Publications. 2000. Vol. 33, no. 2. P. 248–268. https://doi.org/10.1177/0010414000033002004 EDN: JRCDHL.

Kapstein E.B. Economic Justice in an Unfair World: Toward a Level Playing Field. Princeton : Princeton University Press, 2006.

Kennedy P., Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // International Politics. 2011. No. 48 (4/5). P. 575–590.

Khan S. Sociology of Elites // Annual Review of Sociology. 2012. No. 38. P. 361–377.

Kingdon J.W. Agendas, alternatives, and public policies. Boston. Toronto : Little Brown. Cop, 1984.

Ledeneva A., Teague E., Matijevic P., Moisé G., Majda P., Toqmadi M. (Eds). Informal care and the end // The Global Encyclopedia of Informality A hitchhiker's guide to informal problem-solving in human life. Vol. 3. UKL Press, 2024.

Lukes S. Power: a radical view. Second ed. London; Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government // A Case for Reform / ed. James Fallows. The Atlantic, 1992.

Nederveen J.P. Concluding remarks: the Big Three and informality // Concluding remarks: the Big Three and informality / ed. by A. Ledeneva [et al.]. London : UCL Press, 2024. Vol. 3. P. 601–606.

Peterson M. An Introduction to Decision Theory. Second Edition. Cambridge University Press, 2017.

Pfeffer J. Managing with Power: Politics and Influence in Organizations. Boston. MA: Harvard University Press, 1992.

Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. Evaluating the advocacy coalition framework // Journal of public policy. 1994. Vol. 14. No. 2. P. 175–203. https://doi.org/10.1017/s0143814x00007431

Theories of the policy process / ed. by P.A. Sabatier. 2nd ed. N.Y. : Routledge, 2007.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford : Blackwell, 1969.

Teisman G.R. Models for Research into Decision-Making Processes: On Phases, Streams and Decision-Making Rounds // Public Administration. 2000. Vol. 78. No. 4. P. 937–956. https://doi.org/10.1111/1467-9299.00238

Zahariadis N. Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts, and controversies // Handbook of Public Policy Agenda Setting / ed. by N. Zahariadis. Rhodes College. USA. Handbook of research on Public Policy. Cheltenham. UK. Northampton. MA. USA.: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 1–24.

Сведения об авторе:

Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: solovyev@spa.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-7146-0299)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 25–39**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-25-39
EDN: JYQXOJ

Научная статья / Research article

Трансформация государственного управления в условиях контингентности социальных систем

Л.В. Сморгунов

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены вопросы трансформации теории и практики государственного управления в новых условиях контингентности социальных систем. Определяется связь бифуркационного развития современного общества с тенденциями административных реформ. Неопределенность и случайность социальных и политических процессов выражается в смешанном характере административных реформ, оперирующих одновременно идеями государственной бюрократии, нового государственного менеджмента, сетевого управления, соуправления, кризисного менеджмента и др. Устойчивость бифуркационных процессов поставила новые проблемы для публичной управляемости, что отразилось в поисках новых подходов и управленческих моделей. Как показано автором, этому способствовало и развитие концепта контингентности и его широкое принятие в управленческой науке. Онтологически контингентность стала пониматься как необходимая изменчивость реальности, которая включалась в рассмотрение условий устойчивого развития социальных систем. В социологии управления стали формироваться концепции кризисного, прототипического, модульного, робастного (надежного) государственного управления. Особое внимание уделено модульному государственному управлению с его принципами декомпозиции, автономности, интероперабельности, рекомбинируемости, масштабируемости и гибкости. Сделан вывод о том, что динамику развития различных моделей государственного управления сегодня необходимо анализировать в контексте социально- и политико-технических систем.

Ключевые слова: государственное управление, публичная управляемость, бифуркация, административные реформы, контингентность социальных систем, модульное государственное управление

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Сморгунов Л.В.* Трансформация государственного управления в условиях контингентности социальных систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 25–39. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-25-39 EDN: JYQXOJ

© Сморгунов Л.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Transformation of Public Administration in the Context of Contingent Social Systems

Leonid V. Smorgunov

Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Abstract. This study examines the transformation of public administration theory and practice in the new context of contingent social systems. The relationship between the bifurcation development of modern society and trends in administrative reforms is determined. The uncertainty and randomness of social and political processes is reflected in the mixed nature of administrative reforms, which simultaneously employ ideas of state bureaucracy, new public management, network governance, public governance, crisis management, and others. The persistence of bifurcation processes has posed new challenges for public governability, which has led to a search for new approaches and governance models. As the research demonstrates, this has also been facilitated by the development of the concept of contingency and its widespread adoption in governance science. Ontologically, contingency has come to be understood as a necessary variability of reality, which has been incorporated into the consideration of the conditions for the sustainable development of social systems. Concepts of crisis, prototypical, modular, and robust public governance have begun to emerge in the sociology of governance. Author focuses on modular public governance with its principles of decomposition, autonomy, interoperability, recombinability, scalability, and flexibility. The conclusion suggests that the development of various public governance models must now be analyzed in the context of socio- and political-technical systems.

Keywords: public administration, public governability, bifurcation, administrative reforms, contingent social systems, modular public governance

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

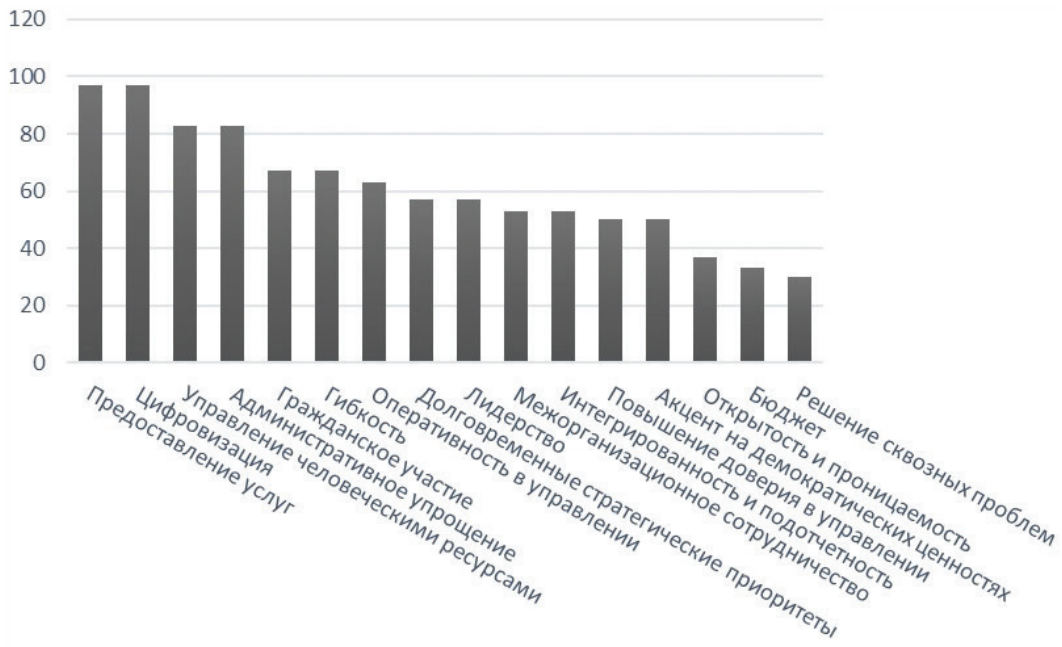
For citation: Smorgunov, L.V. (2026). Transformation of public administration in the context of contingent social systems. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 25–39. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-25-39 EDN: JYQXOJ

Проблема бифуркации и административные реформы

Государственное управление в последние десятилетия было вынуждено реагировать на новые обстоятельства, которые трансформировали его практику и соответственно теорию. Постепенно идеи нового государственного менеджмента (НГМ), сетевого управления, менеджмента публичных ценностей или обновленной бюрократии перестали отражать бифуркационный характер общественного развития [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023; Ansell et al. 2025]. Более того, поскольку наблюдается Глобальная бифуркация, как утверждают некоторые исследователи, то глобальные вызовы — это проблемы беспрецедентной сложности; поэтому необходим сдвиг академической парадигмы от чрезмерного акцента на якобы нейтральных точках зрения, на механистической картине мира

и дедуктивной логике в сторону объяснения эмерджентности, системности, информационности и дружественности, которые в конечном счете дополняют друг друга и вместе создают трансдисциплинарную структуру наук для граждан [Hofkirchner 2020].

Современные административные реформы в различных странах с разной степенью детализации включали в себя общие приоритеты, отвечающие на бифуркационные процессы: предоставление услуг, цифровизацию, управление человеческими ресурсами, упрощение административных функций и структур, гражданское участие, гибкость и оперативность в управлении, ориентация на долговременные стратегические приоритеты, лидерство, межорганизационное сотрудничество, интегрированность и подотчетность, повышение доверия в управлении, акцент на демократических ценностях, открытость и проницаемость, совершенствование бюджетной политики, решение сквозных проблем. Распределение этих приоритетов по значимости в мировом движении за административные трансформации представлено на рис. (данные OECD).

Приоритеты административных реформ в странах ОЭСР, %

Источник: Public governance and administration reforms. (2023). Site OECD: URL: https://www.oecd.org/en/topics/public-governance-and-administration-modernisation.html (accessed: 24.09.2025).

Страны БРИКС за последние три десятилетия в ходе административных реформ заложили основы новой системы государственного управления, которая в целом продемонстрировала свою эффективность высокими темпами экономического роста и более или менее успешными социальными достижениями. Конечно, существуют старые и новые болезни (коррупция, кумовство,

«ручное управление», неуважение к закону и др.), но шаг за шагом, с внедрением новых институтов и механизмов, востребованных реальными проблемами, ситуация меняется. Основные направления текущих изменений касаются повышения стратегической роли государственной политики, интегрированного управления, развития гражданской активности, использования цифровизации и больших данных для государственного управления и разработки политики, повышения уровня подотчетности и ответственности системы государственного управления. Безусловно, все эти изменения направлены на повышение эффективности и результативности экономической и социальной политики государств.

Во всех странах приоритетные цели административных трансформаций определялись стремлением решать проблемы государственной управляемости на основе поиска других концептуальных идей. Шон Голдфинч в монографии по современным административным реформам отмечает многообразие появившихся новых терминов: «третий путь», «новое управление», «пост-НГМ», «публичное соуправление», «создание общественных ценностей», «новое публичное управление», «лидерство общественных ценностей», «управление общественными ценностями», «интегрированное управление», «неовеберианское государство» [Goldfinch 2023: 9].

Возрастающая неопределенность стала выражаться в государственном управлении в поисках новых целей, таких как рост значения политических функций высшей бюрократии, ориентация на проекты, программы и эксперименты, постоянная перекомпоновка структур, уровней и функциональных задач, чрезвычайная подвижность управленческих институтов, сложное соотношение централизации и децентрализации, цифровизация услуг и контроля наряду с гражданским вовлечением в управление, трансформационное лидерство вместо доминирования менеджеров и др. Финансовая неустойчивость экономики, радикализм в политике, переход от глобализма к многополярному миру, природные катаклизмы и экологические угрозы, пандемии последних лет (особенно COVID-19) заставили пересмотреть проблему поддержания устойчивости социальных систем за счет снижения неопределенности в направлении *интеграции устойчивости и изменений*. Известная метафора «Чтобы сохранять равновесие, нужно бежать» только отчасти стала отражать новую ситуацию.

Наряду со скоростью перемен социальное развитие стали определять события контингентной природы, не просто усложняющие социальные системы, а вносящие в них новые требования деконструкции, которые стали рассматриваться как угроза безопасности и риск развития. Предложенная синергетическая концепция «порядка из хаоса» (Пригожин, Стенгерс) послужила основой для поиска условий баланса социальных систем в том числе за счет трансформации государственной управляемости. Начиная с 2008 г. — стартовый момент глобального финансового кризиса — резко возрастает число публикаций о контингентности в публичном секторе. Например, в специальном исследовании было проанализировано 159 статей в диапазоне 1979–2024 гг., включающих 143 журнала, 7 материалов конференций, 6 книг и 3 серии книг, которое

продемонстрировало значимость темы социальной контингентности [Hadiyanti, Jannah, Lutfi 2024: 3].

Выше отмечались тенденции административных реформ, которыми сопровождались последние десятилетия в разных странах. Они были вызваны комплексом практических причин и идейных оснований. Отмечается, что новый государственный менеджмент слабо реагировал на контингентные события, более адекватными в этом смысле были сетевое государственное управление, где горизонтальные отношения, совместность и коммуникация позволяли расширить пространство публичной управляемости, и модель государственной бюрократии, когда рациональное чиновничество стало больше адаптироваться к изменяющимся условиям, соединив нормативную определенность со стратегическим и контингентным планированием. Справедливо указывается также на то, что «в отличие от управления кризисами, которое часто включает в себя несколько лиц, принимающих решения на высшем уровне власти, которых срочность ситуации побуждает к принятию быстрых и смелых решений, реакция на турбулентность, как правило, более распределенная, поскольку в ней участвуют участники из разных организаций и на разных уровнях. Она также представляется более затянутой, поскольку направлена на воздействие на движущуюся цель в виде набора непредсказуемых динамик с неопределенными и непоследовательными последствиями» [Ansell et al. 2025: 5].

Вместе с тем появились специализированные подходы к оценке новых систем и процессов в государственном управлении, которые основываются на концепте контингентности — антикризисное, модульное, прототипическое и робастное (надежное) государственное управление. Антикризисное государственное управление — это система мер и институтов, направленных на диагностику, предотвращение и преодоление кризисных ситуаций в социально-экономической сфере путем разработки и реализации комплексных мер и стратегий для стабилизации обстановки и вывода из кризисного состояния [Kuipers 2022; Hollis, Ekengren 2025]. Прототипическое государственное управление базируется на проектном мышлении, направленном на создание прототипов решения сложных системных задач, их проверку экспериментами и внедрения в практику управления [Johns 2022].

Робастное (надежное) управление, как пишут его разработчики, стремится избежать как Сциллы стратегии устойчивости, ориентированной на прошлое, так и Харибды радикально преобразующей стратегии гибкости, настаивая на том, что в периоды социальной нестабильности modus operandi государственного сектора должен быть трансформирован для поддержания некоторых ключевых государственных функций, целей и ценностей. Следовательно, вместо того чтобы рассматривать изменения и стабильность как взаимоисключающие противоположности, концепция надежности склонна рассматривать изменения и стабильность как взаимно обусловливающие: изменения необходимы для обеспечения определенной степени стабильности, в то время как потребность в стабильности направляет и контролирует процесс изменений [Ansell et al. 2023; Купряшин 2023; Ansell et al. 2025].

Особого внимания заслуживает концепт модульного государственного управления, которое начинает использоваться в политико-административной практике не без влияния менеджмента и цифровизации. Если модульный менеджмент демонстрирует эффективность данной стратегии применительно к экономике, то цифровизация с ее нацеленностью на платформы, большие данные и интероперабельность создает социально-технические условия для модульного управления в публичной сфере. Призыв к модульному управлению в условиях неопределенности и контингентности социальных систем связан с двумя важными обстоятельствами: модульность позволяет охватить разнообразие организационных форм, и она также выглядит релевантной трендам развития современного техносоциального мира.

Принцип социальной контингентности

В политической теории концепт контингентности не является новым. В общем плане он противостоит пониманию политики как действия, основанного на необходимости и постоянстве при повторяемости, и включает в рассмотрение факторы случайности, возможности и неопределенности. Особое значение концепт контингентости приобретает в турбулентные исторические эпохи, характеризующиеся высокой степенью открытости политического действия к будущим результатам.

В отношении настоящего — это проблема поиска путей развития, в отношении будущего — это осознанная неопределенность как основа свободы исторического творчества. Вот почему Кари Палонен во вводной статье к специализированному выпуску журнала о политической контингентности писал: «Почему контингентность так модна сегодня? Было бы бессмысленно „объяснять“ ее какими-то внешними „факторами“. Суть скорее в том, что идея контингентности настолько многогранна, что почти каждый может использовать некоторые из ее граней в своих целях» [Palonen 1999: 5]. Так, например, для представителей структурного функционализма существуют системные процессы, которые значимым образом формируют действия акторов. Однако эти устойчивые процессы — не единственные факторы, которые приводят к социальным результатам. Есть еще случайности, такие как девиантное поведение, которые также играют свою роль. А для критических реалистов существуют более значимые структуры, которые оказывают влияние на социальный мир, формируют результаты и которые могут произойти в любой момент времени. Но есть также и агентность, которая вносит ключевой вклад в случайность событий в социальном мире [Kemp, Holmwood: 2012].

Приведем здесь два характерных высказывания. Всемирный экономический форум проводил опрос 900 экспертов в 2024–2025 гг. по вопросу оценки перспектив развития. Вот общие результаты: «Большинство респондентов (52 %) ожидают нестабильной глобальной ситуации в краткосрочной перспективе (следующие два года), что соответствует показателю прошлого года. Еще 31 % ожидают турбулентности, а 5 % — штормовой перспективы. Суммарный

показатель этих трех категорий ответов показывает общий рост на четыре процентных пункта по сравнению с прошлым годом, что указывает на усиление пессимистичного прогноза на будущее мира до 2027 г.»[1].

Второе же утверждение касается международной ситуации и выражено в очередном докладе Валдайского клуба (2025 г.): «Вероятность каждого из сценариев оценить сейчас невозможно. Призрак всеобщей войны сохранится надолго, если не навсегда. Она всегда возможна, но никогда не предопределена. И это позволяет мыслить в позитивном духе. Отправной точкой для оценки перспектив может стать тезис об исчерпании потенциала кардинальных изменений в международных отношениях»[2]. Первое суждение свидетельствует о распространенности мнения о турбулентных временах сегодня, при этом увеличивается доля людей, которые фиксируют это в своем сознании. Второе суждение прямо указывает на один из значимых моментов этой контингентной ситуации относительно перспектив мировой войны: всеобщая война «всегда возможна, но никогда не определена и задана».

Хотя понятие контингентности сейчас на слуху, однако в разных контекстах оно существовало в политической теории. Уже Аристотель в «Никомаховой этике» связывал политику с рассудительным поступком, касающимся блага и зла для человека, на основе свободного решения, а не необходимости. Он писал: «…Никто не принимает решений о том, что не может быть иначе» [Аристотель 1983: 173]. Макиавелли ядром деятельности государя считал доблесть в сочетании с фортуной. И именно реальная политика, как повествует Джон Покок, способствовала переходу в мышлении его времени от универсальных категорий к партикулярностям политики, подверженной контингентности [Покок 2020: 40–42]. Макс Вебер полагал признание случайности элементом политики. Особенно в последние годы жизни, как полагает Кейт Трайб, он рассматривал развитие капитализма и партийной демократии в конце Первой мировой войны с растущим акцентом на концепции контингентности [Tribe 2022].

Теоретики системного подхода разработали принцип двойной контингентности в качестве условия порождения социальных систем. И если Толкотт Парсонс в своей теории социальных систем связывал его содержание с взаимозависимостью ожиданий и действий «я» и «другого», то Никлас Луман, развивая концепцию автопойетических систем, писал о конфронтации по крайней мере двух противоположных систем альтернативных вариантов возможностей [Vanderstraeten 2002]. Теория структурации Энтони Гидденса описывает социальные системы как рекурсивное взаимодействие между агентством и структурой, где случайные действия агентов могут укреплять или изменять социальные структуры [Гидденс 2003].

---

[1] The Global Risks Report 2025. 20th Edition. Geneva: the WEF., 2025.

[2] *Барабанов О., Беспалов А., Бордачёв Т., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025. 28 с. (URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/doktor-khaos-ili-kak-perestat-boyatsya/) (дата обращения: 13.11.2025).

Предложен также еще и концепт «тройной контингентности» (Пит Страйдом), где учитывается то, что растущая дифференциация и организация коммуникационных процессов привели к признанию эпистемического авторитета общественности, а это, в свою очередь, заставляет концептуализировать новый уровень контингентности. Поэтому необходимо сделать первый шаг к тому, чтобы теоретически охватить роль общественности в коммуникационных обществах с помощью того, что можно назвать такой «тройной контингентностью» [Strydom 1999]. Гэри Ицковиц в 1990-е гг., обращая внимание на концепт контингентности в социальной теории, писал о том, что он должен проистекать из анализа связи между микро- и макромиром. Поскольку два автономных уровня могут возникать как в противоречии, так и одновременно, их взаимосвязь становится случайной и непредсказуемой. В этом отношении теоретикам следует отказаться от поиска универсальных законов, управляющих обществом, и обратить внимание на взаимосвязи автономного развития микро- и макромиров, противопоставляя эту динамику постмодернистскому хаосу [Itzkowitz 1996].

Все варианты рассмотрения контингентности в политической теории учитывали сложный характер политической деятельности и сопровождались обновлением и усовершенствованием практической политики и политической науки посредством разработки ситуационного анализа, теории конфликтов и риска, делиберативной демократии, событийного подхода, концепции трассирования процессов на основе байесовской логики, акторно-сетевой теории с принципом предосторожности и др.

В нынешнем столетии с ростом различных опасностей в условиях развития неопределенности концепт контингентности стал трактоваться более радикальным образом, считая контингентность не просто одним из факторов политической деятельности, а придавая ей более радикальное значение. Данный радикализм связан с очередным онтологическим поворотом в политическом знании и находит выражение в интеллектуальном движении спекулятивного реализма (Квентин Мейасу, Грэм Харман, Рэй Брассье и др.). Отметим при этом также, что в теории управления наблюдается переход от эпистемологического понимания связи контингентности и кризиса к ее онтологии: «Размышления о контингентности как о выражении неопределенности требуют от нас увидеть мир определенным образом. Через онтологическую призму эта реальность подразумевает, что у нас есть свободная воля: способность делать выбор осознанно, не ограничиваясь такими определенными условиями, как история, рождение, судьба или научные законы» [Hollis, Ekengren 2025: 3]. В противоположность предыдущим вариантам рассмотрения контингентности в целом на основе вероятностного мышления нынешний подход включает в себя обоснование ряда положений, направленных против принципа детерминизма и причинной обусловленности возникающих в политике событий.

В своей радикальной форме *контингентность противопоставляется необходимости*: все могло бы быть другим. Этот смысл с высоким уровнем стремления к логической выразительности представил Квентин Мейясу. Обосновывая

объективный взгляд на реальность, как она есть, без соотнесения с универсальностью высказывания о ней (против т.н. «корреляционизма») вместе с критикой принципа достаточного основания, он утверждает абсолютную необходимость контингентности любой вещи: «Полный отказ от принципа достаточного основания требует признать, что и уничтожение, и постоянное сохранение определенного сущего — оба должны иметь возможность произойти без всякого основания. Эта контингентность такова, что может произойти все что угодно — даже то, что ничего не произойдет, и все останется как есть» [Мейясу 2015: 89]. При этом Мейясу считал, что происходящее не должно быть противоречивым, а абсолютно и необходимо контингентным. Доказательство этого весьма спекулятивно и направлено против метафизически-религиозного поиска первопричины всего и фидеистского фанатизма с утверждением первенства истины веры над истиной мышления. В этой смысловой парадигме контингентности просматривается любопытный аспект формирования ответственного поведения человека в контингентной системе: не кантовское долженствование, а некаузальное принятие ответственности [Kim 2018].

Второй аспект контингентности направлен на определение ее смысла в *противоположность случайности*. Говоря о термине *contingens (лат.),* Г.Г. Майоров подчеркивал, что иногда это прилагательное переводится на русский язык как „случайное“, но „случайность“ в русском языке часто ассоциируется с непредвиденностью и самопроизвольностью, которых нет в латинском слове [Майоров 2001: 44]. Контингентность встроена в систему так, что она характеризуется некоторой определенностью, которая проистекает из его отношения с реальной системой, с одной стороны, как его способности быть или не быть, с другой стороны, как его необходимость для самой же системы. Юк Хуэй определял функциональность контингентного для жизни систем не как ошибки или шума, а нацеленного плана системы для ограничения так называемый «негэнтропии» [Хуэй 2020: 32–33].

Отметим ряд идей, составляющих *концептуальную структуру радикальной контингентности.*

Во-первых, необходимость существования контингентных событий для системы, говорящая о том, что они возникают как способности ее развития.

Во-вторых, непротиворечивость событий, т.е. событие не может быть тем, чем оно не является, и его жизнь подвергнута возможному изменению в условиях контингентности.

В-третьих, контингентность означает латентность события, его возникновение не феноменально и не характеризует его потенциальность или вероятность; в этом отношении контингентное событие непредсказуемо по своим последствиям.

В-четвертых, контингентное событие абсолютно необратимо и в том смысле, что оно не имеет повторения, и в том смысле, что оно, произойдя, не может быть отменено.

В-пятых, влияние наблюдателя события, если он имеется, такой же реальный факт, как и само наблюдаемое событие.

Такое понимание концепта контингентности порождает тип знания, обусловленный принципом фактуальности, говорящим о том, что происходящие события не определяемы: то, что могло не произойти, произошло. Рассмотренное в политическом контексте, такое понимание вещей и событий порождает ряд интересных положительных импликаций, но также опасных вызовов политическому. Из положительного, на наш взгляд, отметим функциональность контингентного в системе, возможность нефаталистического отношения к социальному развитию и также актуализацию политики и науки. Из опасностей деполитизации подчеркнем объективизацию политической реальности, отсутствие различий между объективизмом и объективностью, лишение политики ценностно-ориентационной и коммуникационной функции, а также отмечаемую тенденцию роста позитивизма в политической науке. В теории и практике государственного управления вызов контингентности выразился в использовании концепта модульного государственного управления (modular public governance).

Модульное государственное управление для контингентных систем

Идея модульного государственного управления идет от бизнеса, который, отвечая на вызовы неопределенности, строил свое производство и управление на основе различных модулей. Ричард Лэнглуа подчеркивает, что идеи использования модульности не новы и появились в литературе по технологическому проектированию в 1960-е гг., а начиная с 1990-х гг. модульность становится все более важной в связи с возросшей сложностью современных технологий [Langlois 2002: 19–20]. В бизнес-менеджменте модульный принцип управления нашел свое непосредственное выражение в последней четверти прошлого столетия. В анализе развития этой модели в менеджменте отмечается, что «модульность — это свойство сложной системы, которое предполагает проектирование структур, основанных на минимизации взаимозависимости между модулями и максимизации взаимозависимости внутри них, которые можно комбинировать и сочетать для получения новых конфигураций без потери функциональности или производительности системы» [Campagnolo, Camuffo 2010: 259]. При этом степень использования модульности (a) зависит от типа анализируемой системы, (b) может варьироваться в зависимости от единицы анализа, (c) должна измеряться в континууме от интегральной структуры к модульной и (d) может меняться со временем, поскольку модульность также является принципом проектирования [Campagnolo, Camuffo 2010: 260].

Нико Ваеше описывает некоторые принципы и подходы модульного управления бизнесом на основе компонентной бизнес-модели и ее применения в публичной сфере [Waesche 2008]. Данный подход не основан на процессах или подразделениях. Вместо этого он фокусируется на корпоративной деятельности и активах. Это методология, которая разбивает все элементы работы, выполняемые компанией, на «услуги», а затем определяет активы, необходимые для успешного предоставления услуги. Каждая из этих групп активов называется

компонентом, и ее услуга может предоставляться внутри или вне компании. Объединение активов в один общий компонент позволяет одному модулю обслуживать всю компанию, тем самым устраняя избыточную работу и инфраструктуру. Ключевая задача здесь для компонентной бизнес-модели — это определить, какие из компонентов действительно дифференцируют компанию, какие являются вспомогательными, а какие являются общими. Каждый компонент имеет разную степень значимости для стратегии и деятельности компании. Существуют стратегические, контрольные и исполнительные компоненты. В условиях контингентности компанией задействуется тот компонент, или модуль, который способствует решению сложной задачи и способствует устойчивости компании. Значимым является также определение сфер деятельности, которые относятся к внешней среде и формируют компоненты для взаимодействия с нею или передачи ей задач на аутсорсинг. В целом модульное управление — это принцип построения системы управления, согласно которому система состоит из относительно автономных, но взаимосвязанных «модулей» или компонентов. Каждый модуль выполняет отдельные функции, но может быть гибко подключен, рекомбинирован или адаптирован без перестройки всей системы. Применительно к сфере государственного управления Ваеше отмечает многообразие возможностей модуляризации, включая не только модульность во внутренней структуре правительств, но и их взаимодействия с бизнесом и некоммерческим сектором: «Государство, также сталкиваясь с угрозами коммерциализации и конкуренции, а также роста издержек, может принять стратегию модуляризации. Модуляризация позволяет правительствам объединить свои навыки, получить доступ к внешним ноу-хау, накопленным НКО, коммерческими компаниями и даже другими органами власти, более глубоко взаимодействовать с гражданами и снижать издержки. В результате этих стратегий декомпозиции миры государства и бизнеса объединятся и сформируют новые комбинации» [Waesche 2008: 52].

Умножение задач управления в публичной сфере, повышение роли государства в развитии рыночных экономических систем, современная цифровизация государственного управления и ориентация публичной политики на развитие в сложных контингентных условиях способствуют внедрению данной модели в практику. Модульная структура управления обеспечивает мощную основу для реагирования на непредвиденные обстоятельства, поскольку она позволяет системам государственного управления быть гибкими, масштабируемыми и устойчивыми. Разделение системы управления на автономные, но взаимосвязанные компоненты позволяет быстрее и точнее реагировать на непредвиденные события, не парализуя работу всей системы.

Разработчики модульного интерорганизационного и сетевого управления подчеркивают трудности использования модульного подхода к социальным системам. Во-первых, определение модулей социальной системы по задачам или сферам деятельности сложны из-за сложной целостности систем. Во-вторых, определение интерфейса, или комплекса стандартных норм, которые будут определять границы взаимодействия между модулями для сохранения

синергетики систем. В-третьих, ограниченность кибернетического подхода к модулям как «черным ящикам» ввиду того, что модульные агенты лишь формально ограничены сферой модуля. В этом отношении модульность сетевого управления требует дополнительной разработки и эмпирической проверки [Jha et al. 2021: 6–7]. Модульное управление способствует повысить адаптивность социальных систем, укрепить их устойчивость, сформировать эффективно работающий механизм управления сложностью и стимулировать инновации как для публичного управления, так и для контингентных социальных систем.

И в итоге здесь можно обозначить несколько ключевых принципов модульного управления:

Декомпозиция. Сложные управленческие задачи и процессы разбиваются на отдельные модули с четко определенными границами, формализуя или стандартизируя их анализ и решение.

Автономность. Каждый модуль обладает самостоятельностью в принятии решений, что позволяет ему функционировать независимо от других, особенно в сложных непредвиденных обстоятельствах.

Интероперабельность. Модули спроектированы для эффективного взаимодействия через стандартизованные интерфейсы или протоколы связи. Модульная структура облегчает управление зависимостями в сложных социально-экономических системах, изолируя задачи и устанавливая четкие каналы взаимодействия.

Рекомбинируемость. Возможность добавления, удаления или перестановки модулей без нарушения целостности системы. В условиях непредвиденных ситуаций модульное управление предоставляет возможность оперативной замены или корректировки поврежденных модулей, сохраняя функциональность общей структуры. Благодаря децентрализации риска сбой в одном модуле не приводит к выходу из строя всей системы.

Масштабируемость и гибкость. Управляющая система способна адаптироваться к изменениям за счет модификации отдельных модулей в зависимости от потребностей и изменяющейся ситуации. Отдельные модули могут стимулировать создание новых методов и подходов, а успешные решения легко интегрируются или масштабируются в рамках системы.

Приведем некоторые примеры использования модульного подхода в управлении публичной сферой. В России действует Единая государственная цифровая платформа (ГОСТЕХ), которая объединяет различные министерства и региональные администрации посредством совместимых цифровых сервисов; она действует как модульная система, в которой отдельные ведомства сохраняют автономию в своих ИТ-системах (модулях), но используют общие стандарты данных и интерфейсы. Также отмечаются отраслевые государственные агентства (например, «Росатом» по атомной энергии, «Роскосмос» по космическим программам), которые функционируют на основе специализированных, автономных полномочий.

В Сингапуре, например, городское управление делится на специализированные агентства, отвечающие за различные сферы (транспорт, окружающая

среда, здравоохранение, жилищное строительство и др.); они действуют как модули с четкими полномочиями, но взаимосвязаны через интегрированные платформы данных. В США система управления в чрезвычайных ситуациях является модульной; местные органы власти, федеральные агентства и неправительственные организации в этой сфере функционируют как отдельные модули; каждый модуль может действовать независимо, но во время кризисов взаимодействует посредством стандартизированных протоколов. В программах Министерства обороны используются принципы проектирования модульного открытого системного подхода (MOSA) и открытых деловых практик [Zimmerman et al. 2018]. Отмечается также использование модульной логики управления в обеспечении безопасности в Восточном Иерусалиме. В рамках этой модели городская безопасность распадается на различные модули — субъектов безопасности, действия, технологии и практики, которые могут быть привлечены, развернуты, проинструктированы, переплетены, отделены и отозваны по желанию. Выделяются три особенности модульного обеспечения городской безопасности: неоднородность его государственных и частных компонентов, развитие резервных возможностей и дифференцированная многогранность его действий и практик [Volinz 2018].

Заключение

Государственное управление развивается сейчас весьма динамично. Оно вынуждено реагировать самым непосредственным и быстрым образом на изменяющуюся реальность. В свое время оно впитало неолиберальный поворот в сторону доминирования рыночных и менеджериальных тенденций, формируя свою структуру в виде нового государственного менеджмента. Сетевое общество горизонтальных отношений показало узость экономического подхода к управлению публичной сферой и восстановило проблему справедливости, оставив эффективность как экономический критерий оценки деятельности государства. Сетевое государственное управление сделало акцент на взаимодействии государства, бизнеса и граждан, поставив это во главу публичной управляемости. Ясно, что этими двумя подходами государственное управление не ограничивалось, как показано в статье.

Усложнение реальности требовало не только множества подходов, но и междисциплинарности. В условиях развития бифуркационных процессов, связанных с неопределенностью и случайностью, государственное управление затребовало ряд новых механизмов и процессов, чтобы объединить задачи устойчивого развития с социальными и управленческими инновациями. В этом отношении понятие контингентности приобрело категориальный смысл и затребовало онтологического, а не только эпистемического понимания. Публичная управляемость стала рассматриваться через призму контингентных социальных систем и выразилась в ряде новых моделей государственного управления — кризисного, прототипического, модульного, робастного (надежного). Наблюдается и то, что практика государственного управления и политики где непосредственно, а где

интуитивно начинает использовать связанные с этими моделями подходы, институты, механизмы, оценки. Видимо, перспективным будет не просто анализировать эти тенденции в рамках политико-управленческих комплексов, а включать в рассмотрение более широкий спектр проблем управляемости, которые связаны с социальными и политико-техническими системами.

Поступила в редакцию / Received: 27.08.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Аристотель. Никомахова этика. Соч. : в 4 томах. Т. 4. Москва : Мысль,1983.

Гаман-Голутвина, О.В., Сморгунов, Л.В. Политическое в пространстве турбулентного мира // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 7–10. http:10.17976/jpps/2023.01.02 EDN: AMJPQY

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. Москва : Академический проект, 2003.

Купряшин Г.Л. О робастности системы государственного управления в турбулентной среде // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. Т. 4. № 61. С. 236–241. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_241-246 EDN: UTISKR

Майоров Г.Г. Дунс Скот как метафизик // Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / сост. и общ. ред. Г.Г. Майорова. Москва : Изд-во Францисканцев, 2001. С. 28–83.

Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, Москва : Кабинетный ученый, 2015.

Покок Дж. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. Москва : Новое литературное обозрение, 2020.

Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. Москва : V-A-C Press, 2020.

Ansell C., Sørensen E., Torfing J. Public administration and politics meet turbulence: The search for robust governance responses // Public Administration. 2023. Vol. 101. P. 3–22. http://doi.org/10.1111/padm.12874 EDN: RMQDKH

Ansell C., Sørensen E., Torfing J., Trondal J. The challenge of societal turbulence and the need for robust public governance // Robust Public Governance in a Turbulent Era / edited by C. Ansell, E. Sørensen, J. Torfing, & J. Trondal. Cheltenham : Elgar, 2025.

Campagnolo D., Camuffo A. The Concept of Modularity in Management Studies: A Literature Review // International Journal of Management Reviews. 2010. Vol. 12. No. 3. P. 259–283. http:10.1111/j.1468-2370.2009.00260.x

Goldfinch S.F. The challenge of public administration reform: Introduction to the Handbook of Public Administration Reform // Handbook of Public Administration Reform / ed. S.F. Goldfinch. Cheltenham: Elgar, 2023. P. 1–26.

Hadiyanti E., Jannah L.M., Lutfi A. The Development of Contingency Theory in Public Sector: An Overview // Enrichment: Journal of Multidisciplinary Research and Development. 2024. Vol. 2. No. 9. P. 1–14. http://doi.org/10.55324/enrichment.v2i7.169 EDN: XICNUU

Hofkirchner W. A paradigm shift for the Great Bifurcation // Biosystems. 2020. Vol. 197. P. 1–7. https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2020.104193 EDN: IFEOIH

Hollis S., Ekengren M. The Reality of Contingency: Implications for Crisis Management // Risk, Hazards & Crisis in Public Policy. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 1–11. https://doi.org/10.1002/rhc3.70020

Itzkowitz G. Contingency Theory. Rethinking the Boundaries of Social Thought. London : Bloomsbury Publishing, 1996.

Jha S.K., Gold E.R., Dubé L. Modular Interorganizational Network Governance: A Conceptual Framework for Addressing Complex Social Problems // Sustainability. 2021. Vol. 13. P. 1–20. https://doi.org/10.3390/su131810292 EDN: IUCCPN

Johns F. State Changes: Prototypical Governance Figured and Prefigured // Law and Critique. 2022. Vol. 33. No. 3. P. 251–271. https://doi.org/10.1007/s10978-022-09329-y EDN: UKMDLX

Kemp S., Holmwood J. Questioning Contingency in Social Life: Roles, Agreement and Agency. Journal for the Theory of Social Behavior. 2012. Vol. 42, No. 4. P. 403–424. https://doi.org/10.1111/J.1468-5914.2012.00499.x

Kim S. Contingency and responsibility in Confucian political theory // Philosophy & Social Criticism. 2018. Vol. 44. No. 6. P. 615–636. https://doi.org/10.1177/0191453715601465

Kuipers S.L. Crisis management in government // Elgar encyclopedia of public management / K. Schedler (ed.), Cheltenham, UK : Elgar, 2022. P. 217–221. https://doi.org/10.4337/9781800375499

Langlois R.N. Modularity in technology and organization // Journal of Economic Behavior & Organization. 2002. Vol. 49. No. 1. P. 19–37.

Manning S., Reinecke J. A Modular Governance Architecture In-the-Making: How Transnational Standard-Setters Govern Sustainability Transitions // Research Policy. 2016. Vol. 45. No. 3. P. 618–633.

Palonen K. Contingency in political theory // Redescription. Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 1999. Vol. 3. No. 1. P. 5–10.

Strydom P. Triple contingency: The theoretical problem of the public in communication societies // Philosophy & Social Criticism. 1999. Vol. 25. No. 2. P. 1–25. https://doi.org/10.1177/019145379902500201 EDN: JOZKVP

Tribe K. Capitalism, Contingency and Economic Development. The Routledge International Handbook on Max Weber / ed. A. Sica. London: Routledge, 2022.

Vanderstraeten R. Parsons, Luhmann and the Theorem of Double Contingency // Journal of Classical Sociology. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 77–92. https://doi.org/10.1177/1468795X02002001684

Volinz L. Governance through pluralization: Jerusalem's modular security provision // Security Dialogue. 2018. Vol. 49. No. 6. P. 438–456. https://doi.org/10.1177/0967010618789758

Waesche N. Modular Government: An Industry Perspective on Public Innovation // Halduskultuur. 2008. Vol. 9. P. 52–59.

Zimmerman P., Ofori M., Barrett D., Soler J., Harriman A. Considerations and examples of a modular open systems approach in defense systems // The Journal of Defense Modeling and Simulation. 2018. Vol. 16. No. 4. P. 373–388.

Сведения об авторе:

Сморгунов Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН (e-mail: lvsmorgunov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-2581-2975)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 40–58**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-40-58
EDN: KCSKWP

Научная статья / Research article

Государственное управление и политический менеджмент: взаимодействие сфер, факторов и акторов

Г.Л. Купряшин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

✉ gkupryashin@gmail.com

Аннотация. В предмет изучения сфер взаимодействия государственного управления и политического менеджмента обычно включают лоббизм заинтересованных групп, политическую социализацию, электоральные и государственные информационные компании, политико-административные конфликты, когда предметным критерием является политика как объект воздействия (politics and policymaking). Реже сопоставляются сами организации и процессы воздействия, включая акторов и факторов государственного управления (policy of public administration). В исследовании классическая тема взаимодействия административного и политического представлена полиструктурно, посредством выявления специфики субъект-субъектных отношений на разных уровнях государственного управления. Политический менеджмент предстает своеобразной имманентной надстройкой государственного управления как совокупность механизмов (легальных и латентных) процесса принятия и исполнения решений, являясь выстроенной коммуникацией, обеспечивающей обмен властно значимыми ресурсами между управленцами государственных органов и политическими акторами. В результате получается устойчивая управленческая система, в которой наряду с бюрократическими правилами расширяется набор используемых политических инструментов (polity policies). В последних все большую долю занимают договоренности и обязательства, влияющие на мотивацию лиц, принимающих решения (ЛПР), и ориентиры управленческой деятельности. Происходит их трансформация в соответствии с зависимостями, теоретически объясняемыми патронатным, кластерным и агентским типами механизмов взаимодействия политического менеджмента и государственного управления, при этом гражданский механизм превращается в камуфляж. Автором обоснован вывод: политический менеджмент не только усложняет, но и ослабляет реально действующую систему полномочий государственных органов и функционального представительства интересов, если патронатные и кластерные латентные механизмы увеличивают свою сферу действия в государственном управлении.

Ключевые слова: государственное управление, политический менеджмент, принятие государственных решений, группы интересов, латентная сфера

© Купряшин Г.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Купряшин Г.Л.* Государственное управление и политический менеджмент: взаимодействие сфер, факторов и акторов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 40–58. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-40-58 EDN: KCSKWP

Public Administration and Political Management: Interaction of Spheres, Factors, and Actors

Gennady L. Kupryashin

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ gkupryashin@gmail.com

Abstract. The study of the spheres of interaction between public administration and political management usually includes lobbying of interest groups, political socialization, electoral and state information campaigns, political and administrative conflicts, when the object of investigation is politics and policymaking. Less often, the organizations themselves and the processes of influence, including actors and factors of public administration, are compared. In this research, the classical topic of interaction between administration and politics is presented in a polystructural way, by identifying the specifics of subject-subject relations at different levels of public administration. Political management appears as a kind of immanent «superstructure» of public administration as a set of mechanisms (legal and latent) of the decision-making and execution process, being a structured communication that ensures the exchange of powerfully significant resources between public servants and political actors. The result is a stable system in which, along with bureaucratic rules, the set of political instruments used (polity policies) is expanded. In the latter, an increasing share is occupied by agreements and obligations that affect the motivation of decision-makers and the guidelines for managerial activity. They are transformed in accordance with the dependencies theoretically explained by the patronage, cluster and agency types of mechanisms of interaction between political management and public administration, while the civil society mechanism turns into camouflage. The conclusion of the article: political management not only complicates, but also weakens the actually operating system of powers of state bodies and functional representation of interests.

Keywords: public administration, political management, state decision-making, interest groups, latent space

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kupryashin, G.L. (2026). Public administration and political management: Interaction of spheres, factors, and actors. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 40–58. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-40-58 EDN: KCSKWP

Введение

Государственное управление и политический менеджмент обычно различают объектами воздействия. В одном случае объект — общественные процессы, в отношении которых государство выступает регулятором многообразных сфер функционирования и развития и, кроме того, является поставщиком необходимых общественных благ. В другом случае объект — политика,

когда осуществляется воздействие различных акторов (руководителей государственных и общественных организаций, лидеров политических партий, крупных бизнесменов, групп интересов, участников медиапроцессов, глав силовых структур) на политические процессы. Как пишет Г.В. Пушкарева, политический менеджмент включает разнообразные виды управленческих отношений в политике, в том числе управление политическими процессами, укрепление авторитета государственного или политического деятеля, формирование электоральных предпочтений населения, создание политических союзов и блоков и т.д. [Пушкарева 2014: 8]. Очевидно, что сфера политического менеджмента выходит за рамки государственного управления при рассмотрении деятельности по организации и проведению электорального процесса кандидатов в органы государственной и муниципальной власти. Кроме того, политический менеджмент ассоциируется с пропагандистскими кампаниями и информационным манипулированием. В конечном итоге получается, что политический менеджмент — это все виды управленческих отношений, возникающих в политике.

Между тем все большее внимание исследователей привлекают сферы тесного переплетения государственного и политического управления, в частности, в процессе принятия приоритетных государственных решений (принятие госбюджета, формирование госпрограмм и их оценка, подготовка и осуществление инфраструктурных проектов, использование инструментов денежно-кредитной политики), а также при проведении бизнес-интересов в пространство государственного управления (функциональное представительство интересов) [GR-менеджмент бизнес-организаций… 2024]. В данном случае интерес ученых направлен не столько на объект управления, сколько на связанные технологии взаимодействия субъектов, т.е. акторов управленческих процессов, факторы взаимоотношений властных элит и групп интересов, выстраивание конвенциальных механизмов в сфере принятия государственных решений [Антанович 2021; Соловьев 2021; Новиков, Мамаева 2023; Алтыбасарова, Шарипов 2024].

Такие исследования сталкиваются с базовыми вопросами: если специфика политического менеджмента заключается в объекте управления, то каким образом следует идентифицировать механизмы, в которые включены разнообразные акторы государственного управления, реализуя свои политические интересы? Кроме того, многие задачи государственного управления включают оценку политической осуществимости альтернативных предложений, что предполагает анализ спектра политических и административных факторов, формирующих или обеспечивающих различные возможности определенных действий. Можно ли утверждать, что сфера этого анализа является исключительной прерогативой политического менеджмента за рамками государственного управления? И наконец, насколько органично инструменты политического менеджмента вписываются в решение типичных задач государственного управления?

Ответы на данные и другие вопросы политико-административного взаимодействия не только являются предметом теоретических дискуссий специалистов, но и имеют явный практический смысл как при институциональном

проектировании, так и при подготовке методик формирования и осуществления государственных программ и проектов, а также оценки регулирующего воздействия, совершенствовании механизма нормотворчества, выстраивании процедур подотчетности и при решении других существенных для политико-административной системы проблем, обостряющихся в условиях турбулентной среды [Хамидулин 2019: 7–9; Dehkanov 2022: 190–193].

Отсюда цель статьи — дать полиструктурную характеристику факторов и акторов взаимодействия государственного управления и политического менеджмента как властной и провластной модификации управления. В результате можно выявить и описать сферы этого взаимодействия, что позволяет увидеть болевые точки организации продуктивной системы принятия государственных решений. При этом акцент сделан не на экзогенных факторах (наиболее распространенный в литературе подход), а на эндогенных инструментах государственного управления.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: уточнить место государственного управления и политического менеджмента в политико-административной системе; выявить акторов и механизмы взаимодействия политического и государственного управления; определить сферы и факторы эндогенных латентных механизмов государственного управления в связи с политическим менеджментом.

Место государственного управления и политического менеджмента в политико-административной системе

Государственное управление постоянно сталкивается с потребностью согласования усилий ключевых звеньев публичной власти, не стыкующейся с задачей рационализации деятельности по выработке, и, что особенно важно, имплементации отраслевой государственной политики. Успех в удовлетворении этих требований не достигается при ориентации управленческой системы лишь на отношения субъект-объектного типа, во многом завязанными на способности государства к принуждению выполнения правил. За рамками нормативного регулирования возникают иррациональные лакуны (ловушки), где превалируют субъект-субъектные отношения, усиливающие персонализацию и неопределенность властно-управленческих взаимодействий. В данном случае на авансцену выходят политические технологии, сила которых заключается в ориентации на использование инструментов коммуникативного типа (переговоры, информирование, манипулирование, психологическое давление). Тем самым они в большей степени связаны с самим процессом принятия управленческих решений, чем с другими форматами административной деятельности (например, предоставлением госуслуг, обработкой статистической информации, сбором социологических данных, делопроизводством или администрированием сайтов). Кроме того, проведение принятых решений в жизнь способно повлиять на такие элементы, как структура и мотивация государственных служащих. Следовательно, политический менеджмент вторгается в сферу государственного

управления, и эта властно ориентированная сфера может увеличиваться, расширяя набор используемых политических инструментов (polity policies). При этом политическая сфера неизбежно сужается при переходе от верхних стратегических этажей политико-административной структуры к нижним, тактическим и оперативным.

Полиструктурность государственного управления, правда в несколько ином аспекте, подчеркивает А.А. Дегтярев, отмечающий разнопорядковость факторов взаимодействия политических и административных процессов. Он считает, что следует функционально отграничить «менеджмент властвования» как управление политическими процессами «сверху», со стороны госорганов (как исполнительных, так и законодательных), от «менеджмента влияния», со стороны негосударственных организаций «снизу» (НКО и социальных движений, корпораций и ассоциаций бизнеса и т.д.) [Дегтярев 2023: 348–349]. Многоуровневость на примере латентных отношений констатирует и М.В. Вилисов, различая скрытые механизмы «сверху вниз» (аттестующие «клиентелизм» и «кормление»); «снизу вверх» (подчеркивающие зависимость людей от ключевых и наиболее отмобилизованных социальных групп, например, в виде «нового трайбализма»), а также горизонтальные формы взаимодействия (в виде «круговой поруки») [Вилисов 2023: 171].

Конечно, публичность и правовые рамки «менеджмента властвования» могут переплетаться в деятельности государства с «менеджментом влияния», когда легальные формы управленческой деятельности являются лишь своеобразным пологом, за которым скрываются неформальные практики (например, клановая кадровая политика или «силовое предпринимательство»), влияющие на содержание политико-административных отношений. Многообразие взаимодействия политических и административных механизмов формирования государственной стратегии, создающее разрыв между формальными и латентными институтами государственного управления, было в свое время аргументированно показано в классических моделях государственной политики Г. Аллисона на примере процесса принятия государственных решений во времена Карибского кризиса 1962 г. Согласно этим моделям принятие и поуровневое проведение политико-административных решений могут показывать существенную вариативность в зависимости от положенных в их основу принципов: рационального выбора, организационной иерархии или бюрократического торга [Allison 1971].

Таким образом, место политического менеджмента в политико-административной системе определяется не только особенностями его объекта, но и спецификой применяемых способов управленческой деятельности (политических технологий), которые включают его в сферу государственного управления, нарушая автономность последнего. Взаимодействие оказывается многоликим, с полиструктурным дизайном под влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов. При этом, как показано в табл. 1, сопоставляя политический менеджмент и государственное управление, следует иметь в виду их разные базовые принципы и инструменты.

Таблица 1. **Государственное управление и политический менеджмент**

Характеристики	Государственное управление	Политический менеджмент
Универсальность	Высокая	Низкая
Структура	Преимущественно иерархия	Сеть
Тип управленческой системы	Преимущественная ориентация управленческой системы на оптимизацию отношений «субъект-объект»	Преимущественная ориентация управленческой системы на отношения «субъект-субъект»
Рациональность	Высокая	Низкая
Зависимость от персональных связей	Средняя	Высокая
Инструменты	Правила и полномочия	Коммуникативные технологии

Источник: составлено Г.Л. Купряшиным.

Table 1. **Public Administration and Political Management**

Characteristics	Public Administration	Political Management
Versatility	High	Low
Structure	Primarily Hierarchy	Network
Type of governance	The predominant orientation of the management system to optimize the «subject-object» relations	The predominant orientation of the management system to the «subject-subject» relations
Rationality	High	Low
Dependence on personal relationship	Medium	High
Tools of governance	Rules and Authority	Communication Technologies

Source: compiled by G.L. Kupryashin.

Акторы и механизмы взаимодействия государственного управления и политического менеджмента

Классический менеджмент определяется посредством перечисления его функций, направленных, прежде всего, на достижение целей с использованием минимально возможных ресурсов. Применительно к политическому менеджменту функции, реализующие принципы оптимальности, универсальности и рациональности, не работают. Их заменяет целеполагание, программирование, бюджетирование, информирование и другие

управленческие процессы, предстающие не как способы оптимизации использования людских и иных ресурсов для достижения общественно значимых целей, а как специфические объекты воздействия, ориентированного на политический курс или властные задачи внутри системы государственного управления. В этом смысле политический менеджмент предстает своеобразной надстройкой государственного управления («менеджмент процесса управления»), являясь выстроенной коммуникацией, обеспечивающей обмен властно значимыми ресурсами между управленцами государственных органов и политическими акторами. Последние имеют ресурсы, включая возможности влияния на власть, организационный потенциал и инсайд о планируемых проектах. Управленцы имеют свои ресурсы, в частности административные компетенции, финансы и информационную поддержку, которые необходимы для политических акторов. Политический менеджмент в этом смысле регулирует обменные отношения, когда каждая сторона осуществляет сделки с другой стороной по обмену своих нужд и ресурсов. При недобросовестном поведении сторон происходит «торговля влиянием» [Павроз 2005: 246], которая сопровождается сговорами и коррупцией. При регулярном воспроизводстве этих отношений управленцы (администраторы) закрепляют за собой место и роль в «менеджменте властвования», становясь де-факто политическими акторами, т.е. инсайдерами политических решений.

Выстраивание дизайна взаимодействия государственного управления и политического менеджмента происходит в разных институциональных формах, как экзогенных (лоббизм), так и эндогенных (государственная служба, государственные закупки) с использованием как формальных, так и неформальных (параллельных) структур, например кланов. Безусловно, эти формы не охватывают всего многообразия элементов системы государственного управления. Но, когда речь идет о согласовании интересов основных акторов регулятивных процессов (политиков, бюрократии, предпринимателей), выработке стратегии в условиях относительной пассивности гражданского общества, то данные структуры выходят на первый план и без них практически невозможно понять характер деятельности других значимых конструкций.

Сложившийся дизайн взаимодействия частично закрепляется на формальном уровне, в результате возникает двойная система управления (официальная и теневая). В частности, особенностью и неформальным аспектом положения вещей является отсутствие строгого соответствия между формально занимаемым положением в иерархии правящего класса и реальными полномочиями и политическим весом отдельных акторов. Отсюда значимость для понимания функционирования механизмов государственного управления имеющихся групповых (властно-групповых) ценностей, определяющих допустимые ситуации нарушения как неформальных норм, так и формальных предписаний, предлагаемых государством [Handbook on the Politics… 2022: 2].

Следовательно, используя концепцию политического менеджмента, дизайн его взаимодействия с государственным управлением можно представить как пространство для оформления баланса сил и интересов (наиболее влиятельных акторов, включая крупный бизнес, высшую государственную бюрократию, политическую элиту, активных избирателей), который устраивает их на данный момент. Сами же политические факторы выступают в данном случае как инструменты торга и проведения интересов различных групп, имеющих и использующих свои правила игры.

Фактически политический менеджмент связывает взаимодействие формальных и неформальных политико-административных институтов и практик, когда политические задачи целеполагания, программирования, бюджетирования, информирования отягощены административными ограничениями (регламентами разных организационных уровней и административными практиками), а также лидерскими способностями конкретных акторов. Например, государственные программы представляют особый инструмент управления, главной задачей которого выступает возможность увязать политическую повестку с наличествующими у государства ресурсами, что позволяет решать инновационные и комплексные проблемы, требующие к себе системного подхода. При этом государственная программа рассматривается чаще всего как экономический инструмент стратегического планирования, однако более точная характеристика отмечает ее роль как инструмента перераспределения ограниченного объема бюджетных ресурсов между приоритетными направлениями государственных расходов, увязанных с интересами включенных в процесс акторов. Соответственно, разработка и осуществление программ требуют политических решений. Эти решения предполагают согласование целей разных уровней управленческой системы: Президент (национальные цели), Правительство (основные направления деятельности) и субъекты бюджетного планирования (СБП) на федеральном и региональном уровнях. На практике СБП не всегда руководствуются данной иерархией и рационально выстроенными методическими рекомендациями, а действуют, ориентируясь на необходимость увязки целеполагания со своими интересами и ресурсами. Избираются наиболее приемлемые или исполнимые управленческие решения. Иными словами, руководство ведомств стремится закрепить за собой ответственность за достижение тех целей третьего уровня, которые однозначно относятся к их сфере деятельности и которые представляются относительно легко достижимыми [Блинова 2020: 5–37].

Отсюда можно говорить о просчётах при разработке системы государственного политико-административного планирования в случаях неучтённой реально действующей конструкции государственного аппарата. Практический выход из данной ситуации дает политический менеджмент посредством неформальных согласований в процессе целеполагания, лоббирования отраслевых приоритетов либо пересмотра целей Правительства. Очевидно, что сложившиеся неформальные практики взаимодействия,

ориентированные на интересы, а не только на процедуры и регламенты, обеспечивают баланс и своеобразную устойчивость всему управленческому организму.

Следовательно, политический менеджмент может быть как *дополнением*, так и *замещением* рационально выстроенных управленческих процессов. Такая альтернативность наглядно проявляется в последствиях для СБП продолжения сложившихся конвенций. Например, Министерство финансов РФ, как определяющий политический орган правительства в бюджетном процессе, является одновременно министерством, работающим в стиле обычной административной, т.е. бюрократической практики. С одной стороны, это министерство, наряду с Минэкономразвития, есть ключевой орган, дающий заключения Правительству по проектам государственных программ (или их изменениям), предусматривающим новые финансовые обязательства для бюджета. С другой стороны, Министерство финансов исполняет роль «хранителя кошелька», обеспечивая финансовую стабильность государства, контролируя выполнение доходных и расходных обязательств. Для этой роли типичным является ответ «нет» на запросы о незапланированных бюджетных изменениях, даже если они перспективны с точки зрения инновационной экономики или структурных реформ. В данном случае стандартные ответы, получаемые из Минфина, соответствуют его административному предназначению, а не рисковым инновационным предложениям. При взаимодействии с любым из СБП оно достаточно профессионально в выражении скептицизма по поводу тех или иных цифр — затрат, которые могут быть произведены за счет федерального бюджета или трансфертов в региональные бюджеты. Так как никто еще не обращался к Минфину с какими-либо другими предложениями, а лишь об увеличении расходов, субсидиях или снижении налогов, то рефлексы «хранителя кошелька» уже прекрасно отточены в его административной практике. Отсюда вытекают претензии к данному Министерству как органу, где работают консервативные бухгалтеры, слепые к социальной реальности, глухие к инновациям, узурпировавшие функции по «созданию» бюджетной политики под прикрытием фискальной необходимости.

В данной системе отношений у любого СБП, по существу, есть три принципиальные альтернативы:

1) действовать согласно своим полномочиям и соблюдать нормативно установленные процедуры, т.е. встроиться в рациональную бюрократическую иерархию, с которой привычно работать Минфину, согласовывая варианты возможных бюджетных решений;

2) включиться в процесс лоббирования программных, отраслевых или узкосекторальных предложений, т.е. вписаться в латентные, а иногда и коррупционные сети;

3) использовать инструменты политического менеджмента, совмещая разовые официальные и неформальные каналы взаимодействия руководителей с налаженным постоянным обменом профессиональными услугами между

сотрудниками второго плана (заместителями руководителей, помощниками и начальниками департаментов).

В любом случае возникает очевидный конфликт интересов, когда фискальные и административные задачи оказываются весомее инвестиционных, связанных с риском, в том числе политическим. Тем самым инициативные проекты, выходящие за рамки сложившихся процедур взаимодействия и интересов влиятельных политико-административных и бизнес-групп, в нынешних условиях являются обременительными как для Минфина, так и для линейных СБП.

Таким образом, практика государственного управления показывает использование как рационально управленческих, так и политических инструментов, на разных уровнях структурного дизайна, дополняющих друг друга. Однако там, где функциональность управления дает сбои, происходит его замещение политическим менеджментом, что, с одной стороны, тактически помогает решать текущие управленческие проблемы, но, с другой стороны, мешает определению приоритетов развития, подвергает распределение ресурсов влиянию ловушек лоббизма, при этом усиливается неопределенность как результат действия иррациональных эндогенных и экзогенных факторов.

Наборы этих инструментов формируют механизмы взаимодействия политического и административного в системе государственного управления, которые должны обеспечивать баланс публичных и частных интересов, сохранять разграничение компетенций и предметов ведения, не допускать роста коррупции и злоупотребления полномочиями (табл. 2).

Таблица 2. **Акторы и механизмы взаимодействия государственного управления и политического менеджмента**

Сферы взаимодействия	**Акторы**	
	Акторы с политическими возможностями	**Акторы с административными полномочиями**
Легальные	**Гражданский механизм (ограниченное участие в сетевом взаимодействии):** Развернутое социальное сотрудничество акторов на горизонтальном уровне включает представителей гражданского общества (НКО, активные избиратели) в процесс принятия и коррекции решений	**Агентский механизм (бюрократический сговор):** Акторы (администраторы разного уровня) последовательно выступают как агенты, исходя из действующих правил, используют ресурсы, полученные от принципалов, где сохраняется возможность оппортунизма и саботажа
Латентные	**Кластерный механизм (создание устойчивых кластеров связей):** Акторы (политические руководители, профильные чиновники, руководители бизнеса и силовых структур) создают «команды» для доступа к ресурсам госсектора (бюджетные средства, льготы, субсидии, и пр.)	**Патронатный механизм (патрон-клиентские взаимодействия)**: Акторы (госслужащие) в рамках управленческой иерархии исполняют решения заинтересованно, стремясь добиться ожидаемого патронами (начальниками) результата, могут выйти за рамки предписанных процедур, используя дискреционные полномочия и импровизацию

Источник: составлено Г.Л. Купряшиным.

Table 2. **Actors and mechanisms of interaction between public administration and political management**

Sphere interactions	Actors	
	Actors with political capacities	**Actors with administrative authority**
	Citizen mechanism (limited participation in networking): Extensive social cooperation of actors at the horizontal level includes representatives of civil society (NGOs, active voters) in the process of decision-making and correction	Agency mechanism (bureaucratic collusion): Actors (administrators of different levels), acting as agents, consistently, based on the current rules, use the resources received from the principals, but the possibility of opportunism and sabotage remains
Latent	Cluster mechanism (creation of stable clusters of connections): Actors (political leaders, relevant officials, heads of business and law enforcement agencies) create «teams» for access to public sector resources (budget funds, benefits, subsidies)	Patronage mechanism (patron-client interactions): Actors (civil servants) within the managerial hierarchy execute decisions with interest, striving to achieve the result expected by patrons (bosses), they can go beyond the prescribed procedures, using discretionary powers and improvisation

Source: compiled by G.L. Kupryashin.

И теперь отметим некоторые существенные особенности механизмов, которые выше выделены в табл. 2.

Гражданский

Механизм включает создаваемые в сетях онлайн-коммуникации общественные форумы, информационные рассылки, виртуальные социальные сети, блоги, электронную почту и системы мгновенного обмена сообщениями. Властные структуры осознают силу влияния интернет-технологий и активно применяют их (официальные сайты госорганов, аккаунты первых лиц государства в социальных сетях, площадки электронной демократии, разработка и внедрение концепции электронного правительства). Социальные сети позволяют проводить политтехнологические кампании более эффективно и оперативно, чем при традиционных методах. Вместе с тем блоги, форумы, сайты становятся и инструментами артикуляции позиций граждан. С помощью социальных сетей можно проводить мониторинг общественного мнения, оперативно анализировать его изменения и даже управлять общественными настроениями в соответствии с политикой государства. Сохранение позитивного восприятия населением сложившейся системы государственного управления становится основной целью применяемых политических технологий в социальных сетях.

Агентский

В этом механизме «принципал-агент», субъект-субъектные отношения строятся исходя из действующих правил, причем там используются ресурсы, полученные на основе легальных процедур. Данный механизм, хотя и способствует

более четкой иерархизации и формализации целей, как правило, закладывает достаточно серьезную почву для злоупотреблений государственной властью в силу стремления агентов максимально удовлетворить намерения принципала, которые далеко не всегда соответствуют общественным целям. Это может, в частности, проявляться в предоставлении принципалу только позитивной информации, чтобы выглядеть в его глазах хорошими исполнителями и получать за счет этого благосклонность и различные привилегии. Однако агенты взаимодействия сохраняют возможность оппортунизма и саботажа в случае резкого расхождения собственных интересов и целей организаций, в которых работают эти госслужащие. Как следствие, тогда усиливается автономия государственного управления как от исполнительной власти, так и от граждан.

Кластерный

Данный механизм подразумевает формирование группы интересов в виде кластера связей с высокой способностью адаптации к сетевым нормам взаимоотношений. Кластеры связей базируются на стабильном, многократном и многостороннем обмене услугами на основе неформальных правил между руководителями компаний и профильными государственными чиновниками. Целью является обеспечение преимущественного доступа группы к ресурсам госсектора (бюджетные средства, льготы, субсидии), правам и возможностям, кадровым назначениям, которые в ином случае могут быть использованы в интересах других лиц. Член кластера получает свою долю выгод лишь при условии достаточного личного вклада в общее дело и групповой лояльности. В кластере уровень доверия и кооперативного сотрудничества существенно выше, чем вне его, что ведет к значительному сокращению транзакционных издержек, большей открытости к инновациям. Наиболее эффективны «команды», одна часть которых занимает влиятельные позиции в центральном или местном административном аппарате, другая — в силовых структурах, третья — в частном секторе.

Патронатный

Отличается внутренним лоббистским компонентом, являющимся составной частью управленческих структур или интегрированным с ними в процессе подготовки и принятия решений. Хорошо работает в рамках патрон-клиентной модели управления, предполагающей дискреционную деятельность чиновников. Ограниченность акторов и неформальный характер взаимоотношений придает внутреннему лоббированию гибкость и оперативность, обеспечивая быстрые договоренности. Одновременно использование личностно ориентированных каналов наделяет власть реальной, хотя и несовершенной системой обратных связей. Однако данный механизм имеет высокие коррупционные риски и неустойчив, поскольку осуществляется на узком социальном пространстве и при отсутствии формальных процедур и правил.

Сферы и факторы латентных механизмов взаимодействия государственного управления и политического менеджмента

Как было показано выше, функциональная слабость государственных органов обуславливает распространение неформальных практик и правил как в рамках формальных институтов государственного управления, так и вне их. Речь идет, прежде всего, о расширении роли чиновников в принятии политических решений с ориентацией на свои частные интересы или тактические задачи. Происходит изменение границ сферы государственного управления, что проявляется в смешении административных и политических функций бюрократии. Кластеры связей и отношения по линии «патрон — клиент» оказываются решающими факторами процесса принятия решений. В результате затрудняется формирование необходимых для эффективного государства легальных механизмов согласования интересов различных правящих групп. Их отсутствие компенсируется фаворитизмом, доминированием аппаратно-бюрократических методов в процессе принятия и исполнения государственных решений. Тем самым создается эндогенная система сдержек и противовесов путем учреждения многочисленных параллельных служб, управлений, комиссий и т. д. Правительство, как центр принятия государственных решений, оказывается неспособным проконтролировать их реализацию. Если решение принимается в корпоративных интересах какой-либо элитной группировки, его осуществление на практике может саботироваться другими фракциями истеблишмента.

Поскольку в государственном управлении решения имеют значимые поведенческие экстерналии за пределами принявшего решение органа, то естественным образом возникают побудительные мотивы для организационного оппортунизма и саботажа. Отсюда опасность разрыва между политическими целями и административным потенциалом, вытеснение группами специальных интересов публичных политико-административных институтов на задворки общественной и политической жизни, то, что некоторые специалисты назвали «неформальной институционализацией» [Борщевский 2023: 198].

В вертикально организованных иерархических структурах управления благоприятной для возникновения латентных отношений средой является практика межведомственных согласований и межкорпоративных отношений. На среднем уровне управления возникают латентные отношения между должностными лицами, заинтересованными в принятии определенных решений, предполагающих взаимодействие различных ведомств и корпораций.

Латентные отношения возникают во всех сферах, где органы государственного управления имеют дело с расходованием денег и управлением имуществом. Как правило, они сопровождаются коррупцией, борьбой с которой занимаются правоохранительные органы. Отсутствие четких критериев подотчетности должностных лиц исполнительной власти и руководителей государственных корпораций компенсируется плотностью работы с ними правоохранительных органов, которые образуют симбиоз с подконтрольными субъектами. На почве совместного распределения доходов возникают кластеры латентных отношений, камуфлируемые имитацией функций государственного контроля и управления [Барсукова 2015].

Широкое распространение латентных отношений во властно-финансовой сфере государственного управления порождается отсутствием механизмов ответственности обремененных властно-финансовыми полномочиями лиц за объективные результаты работы. Если реальный результат не отличим от его имитации, то вся управленческая вертикаль подвергается быстрой коррозии. На места специалистов набираются лично преданные люди. Кадры оцениваются не по профессиональным качествам, а по принципу «свой-чужой». В результате в системе управления нарастает некомпетентность, оборачивающаяся коррупцией. Место высококвалифицированного персонала занимают «команды», которые на поверку часто оказываются организованными преступными группами [Глазьев, Бодрунов 2025: 295].

Злоупотребление неформальным взаимодействием без опоры на нормативную основу приводит к тому, что государство как самостоятельная система перестает работать, все этапы принятия решений выстраиваются в ручном режиме и держатся на авторитете лиц, принимающих решения. Если авторитет теряется или лицо, принимающее решения, исчезает, то система неформальных связей «провисает» на неопределенный период и оперативное принятие управленческих решений становится затруднительным. Поэтому любое взаимодействие в государственном управлении, будь то формальное или неформальное, должно иметь под собой качественную нормативную основу, гибкую структуру управления и действовать в доверительной среде.

Распространение и влияние политического менеджмента, стимулирующего постоянное воспроизводство латентных механизмов, определяется значительным количеством факторов, среди которых можно выделить следующие:

- многоуровневая административная структура, что создает значительные проблемы в координации и согласованности, особенно с учетом размеров страны;
- регулятивные и правоприменительные полномочия региональных властей, включая утверждение инвестиционных проектов, нормативов по безопасности, выполнение налоговых требований, трудового законодательства и природоохранных норм;
- чрезмерное регулирование, сочетающееся с массой возможностей для индивидуального усмотрения при трактовке применения множества детализированных и часто противоречивых правил;
- персонализация процесса принятия решений, ограничивающая возможности экспертно-аналитического их обоснования и действенность политической и административной подотчетности.

Если общегосударственная нормативно-контрольная система слаба и происходит необоснованная приватизация государственных функций, то усиливается автономизация центров государственной власти, а патронатные и кластерные взаимодействия становятся предпочтительной формой политико-административных отношений. Появляются разнообразные лобби, а законодательная власть оттесняется государственной бюрократией. Личная лояльность в системе патронатных и кластерных связей затмевает общественные интересы.

Такое взаимное переплетение групп интересов и институтов на всех уровнях власти приводит к формированию кластеров связей, образующихся в результате наложения друг на друга формальных и неформальных каналов влияния в ходе взаимодействия международных институтов, национальных государств и регионов, их структур и организованных групп [Selepe, Mehlape 2023: 507–515].

Опасность латентного влияния групп интересов состоит в том, что они могут выйти за рамки присущих им функций, связанных с передачей требований и «менеджментом влияния», и начать осуществлять собственно властные полномочия под прикрытием официальных государственных институтов. В этом случае возникает так называемое «глубинное государство» — сообщество связанных друг с другом общими долгосрочными интересами влиятельных лиц из числа крупных собственников и руководителей силовых структур, которые манипулируют публичной властью. Когда власть концентрируется в глубинном государстве, публичные институты становятся фикцией, не связанной с реальным принятием решений, а фактической властью обладает параллельная власть – неформальная сеть банкиров, чиновников и работников спецслужб, действующая под прикрытием официальных органов. Реальная политика государства входит в противоречие с публично декларируемыми интересами страны [Scott 2017]. Глубинное государство является сетевой альтернативой власти в демократических странах, использующей коррупцию как инструмент стимулирования и компромат как инструмент управления [Коктыш, Сергеев 2024: 134]. Назначаемые «глубинным государством» руководители министерств и агентств, бюрократия в целом тайно преследуют свои собственные цели, фактически узурпируют власть, решая свои задачи и придерживаясь клановых ценностей [Johnson 2021: 62–93].

Заключение

Проведенный анализ показывает не только общие и отличительные черты государственного управления и политического менеджмента, но и механизмы их взаимовлияния.

Во-первых, политический менеджмент, в отличие от государственного управления, не ориентируется на стандартную оценку действий для оптимального способа достижения целей в рамках субъект-объектных отношений. Его акторы имеют различные предпочтения в действиях, предполагающие торг и возможные компромиссы. Поэтому конечное решение является результирующим не рационального выбора альтернатив на основе сопоставления целей и ресурсов с позиций эффективности, а плюрализма властных возможностей. В отличие от государственного управления здесь управленческая система преимущественно ориентирована на отношения типа «субъект-субъект». В них место бюрократических правил занимают персональные связи — договоренности и обязательства, автономные от социального контекста.

Во-вторых, все подсистемы государственного управления в той или иной мере включают политический менеджмент. Политико-административный

дизайн государственного управления нельзя представить без политического менеджмента как набора политических технологий, необходимых для достижения баланса интересов, участвующих в процессе принятия решений акторов. Используя сетевые структуры и коммуникативные инструменты, данный тип управленческой деятельности повышает адаптационные возможности государственного управления, его гибкость и скорость принятия решений.

Тем самым управленческие и политические инструменты на разных уровнях структурного дизайна дополняют друг друга. Политический менеджмент дает инструменты для тактики управления, но ограничивает способности для принятия стратегических решений, что усиливает турбулентность и неопределенность в государственном управлении. Наборы этих инструментов формируют механизмы взаимодействия политического и административного: агентский, гражданский, патронатный и кластерный. Первые два характерны для легальной сферы взаимодействия, вторые два — для латентной. Легальные механизмы в большей степени используют государственные служащие, члены НКО, активные избиратели, латентные — политические руководители, профильные чиновники, руководители бизнеса и силовых структур. Однако, эта акторная специфика условна и быстро исчезает в случае увеличения доли соответствующей сферы взаимодействий.

Изучение латентных практик в процессе взаимодействия государственного управления и политического менеджмента показывает их противоречивый характер. С одной стороны, они дают возможность участникам снизить трансакционные издержки функционального представительства интересов и добиться нужных ресурсов в условиях жестких административных процедур и высоких административных барьеров регулирования хозяйственной и общественной деятельности. Но, с другой стороны, латентные практики усиливают неопределенность в регулятивном механизме, формируются параллельные структуры, где основным инструментом выполнения правил являются переговоры участников, результатом чего является рост исключений к применяемым правилам. Тем самым, существенно меняется и весь общий дизайн государственного управления.

Поступила в редакцию / Received: 17.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 23.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Алтыбасарова М.А., Шарипов Б.К. Роль политического менеджмента в процессе государственного управления // Endless Light in Science. 2024. № 4. С. 65–68.

Антанович Н.А. Исследование государственного управления как направление политической науки // Актуальные вопросы теории государственной политики и управления в современной политологии / редкол.: Н.А. Антанович (гл. ред.), С.В. Решетников, С.Г. Паречина. Минск : БГУ, 2021. С. 75–80.

Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

Блинова Т. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 гг. и истекшем периоде 2019 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 1. С. 5–37.

Борщевский Г.А. Институт государственной службы в политической системе российского общества. Москва : Юрайт, 2023.

Вилисов М.В. Неформальное правление // Политология. Новый Лексикон / под ред. А.И. Соловьева, Москва : Аспект пресс, 2023. С. 164–173. EDN: YOQTUF.

Глазьев С.Б., Бодрунов С.Д. Современное государственное управление. Москва : КРАСАНД, 2025.

Дегтярев А.А. Свой среди чужих: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 348–367. http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367 EDN: YYYTLQ.

Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 134–148. http://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.10 EDN: BVVUQY.

Макарин А.В. Формальные и неформальные отношения в политико-управленческих структурах современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные Отношения. 2008. № 6. С. 33–42. EDN: KWLNKN.

Новиков О.Г., Мамаева Ю.А. Политический менеджмент. Москва : КноРус, 2023. EDN: VCLRQC.

Павроз А.В. Government relations как институт социально-политического взаимодействия // Политическая экспертиза: Политекс. 2005. Вып. 2. С. 238–252. EDN: KVPAZX.

Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. Москва : Юрайт, 2014. EDN: VTURXJ.

Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или игра теней на лике власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70–98. EDN: OHRWPJ.

Соловьев А.И. Политика и управление государством: очерки теории и методологии. Москва : Аспект Пресс, 2021.

Хамидулин В.С. Дизайн-мышление для государства: разрабатывать политику по-новому // Государственная служба. 2019. Т. 21, № 6. С. 7–9. http://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-6-6-10 EDN: XKHRNE.

Allison Gr. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Little Brown, 1971.

Dehkanov N. The Role of Political Management in Public Administration // World Bulletin of Management and Law (WBML). 2022. Vol. 17. P. 190–193.

GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии / под ред. А.А. Дегтярева, А.С. Тетерюка. Москва : Прометей, 2024.

Handbook on the Politics of Public Administration / ed. by Ladner A. and A. Sager. UK, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2022.

Johnson T. Depth Charges: Does «Deep State» Propagandizing Undermine Bureaucratic Reputations? // Journal of Applied Social Theory. 2021. Vol. 1. P. 62–93.

Scott P.D. The American Deep State. Big Money, Big Oil, and the Struggle for U.S. Democracy. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2017.

Selepe M., Mehlape M. Politics-Administration and Public Policy: Some Explanations for Public Administration Community // International Journal of Social Science Research and Review. 2023, Vol. 6, Iss. 7. P. 507–515. http://doi.org/10.47814/ijssrr.v6i7.1341 EDN: BMJBJN.

References

Allison, G. (1971). *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. Little Brown.

Altybasarova, M.A., & Sharipov, B.K. (2024). Role of political management in the process of public administration. *Endless Light in Science, 4,* 65–68. (In Russian).

Antanovich, N.A. (2021). Public administration research as a field of political science. In N.A. Antanovich (Ed.), *Actual issues of the theory of state policy and management in modern political science* (pp. 75–80). Minsk: BSU (In Russian).

Barsukova, S.Yu. (2015). *Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Grey.* Moscow: Izd. Higher School of Economics. (In Russian).

Blinova, T. (2020). Report on the results of the expert-analytical measure "Strategic audit of the formation and achievement of indicators of the activities of federal executive bodies, the management of whose activities is carried out by the Government of the Russian Federation, in 2017–2018 and the past period of 2019". *Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation*, (1), 5–37. (In Russian).

Borshchevsky, G.A. (2023). *Institute of Public Service in the Political System of Russian Society.* Moscow: Yurayt Publisher. (In Russian).

Degtyarev, A.A. (2023). At home among strangers: GR management as a political management in the arsenal of "non-political" agents. *RUDN Journal of Political Science*, *25*(2), 348–367. (In Russian). http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367 EDN: YYYTLQ.

Degtyarev, A.A.(ed). (2023). *Comprehensive analysis of GR management of business organizations in modern Russia: conceptual models and applied technologies*. Moscow: Prometey Publ. (In Russian).

Dehkanov, N. (2022). The role of political management in public administration. *World Bulletin of Management and Law*, *17,* 190–193.

Glazyev, S.B., & Bodrunov, S.D. (2025). *Modern Public Administration.* Moscow: Krasand Publ. (In Russian).

Johnson, T. (2021). Depth charges: Does «deep state» propagandizing undermine bureaucratic reputations? *Journal of Applied Social Theory, 1,* 62–93.

Khamidulin, V.S. (2019). Design-thinking for the state: Develop politics in a new way. *Public Administration*, *21*(6), 7–9. (In Russian). http://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-6-6-10 EDN: XKHRNE.

Koktysh, K.E., & Sergeev, V.M. (2024). The birth of the deep state. *Polis. Political Studies*, *1,* 134–148. (In Russian). http://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.10 EDN: BVVUQY.

Ladner, A., & Sager, A. (eds). (2022). *Handbook on the Politics of Public Administration* UK, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.

Makarin, A.V. (2008). Formal and informal relations in political and administrative structures of modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, *6,* 33–42. (In Russian). EDN: KWLNKN.

Novikov, O.G., & Mamaeva, Yu.A. (2023). *Political Management.* Moscow: KnoRus Publ. (In Russian) EDN: VCLRQC.

Pavroz, A.V. (2005). Government relations as an institution of socio-political interaction. *Political Expertise: POLITEX*, *2,* 238–252. (In Russian). EDN: KVPAZX.

Pushkareva, G.V. (2014). *Political Management.* Moscow: Yurayt Publ. (In Russian). EDN: VTURXJ.

Selepe, M., & Mehlape, M. (2023). Politics-administration and public policy: Some explanations for public administration community. *International Journal of Social Science Research and Review*, *6*(7), 507–515. http://doi.org/10.47814/ijssrr.v6i7.1341 EDN: BMJBJN.

Soloviov, A.I. (2011). Latent structures of state management, or the game of shadows on the face of power. *Polis. Political Studies*, *5,* 70–98. (In Russian). EDN: OHRWPJ.

Soloviov, A.I. (2021). Politics and state management. In *Essays on Theory and Methodology* (pp. 70–98). Moscow, Aspect Press Publ. (In Russian).

Vilisov, M.V. (2023). Informal rule. In A.I. Solovyov (Ed.), *Political Science. New Lexicon* (pp. 164–173). Moscow: Aspect Press. (In Russian). EDN: YOQTUF.

Сведения об авторе:

Купряшин Геннадий Львович — доктор политических наук, профессор, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: gkupryashin@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-0438-7957)

About the author:

Gennady L. Kupryashin — Doctor of Political Sciences — Professor, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gkupryashin@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-0438-7957)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 59–79**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-59-79
EDN: KEOFDP

Научная статья / Research article

Концептуальная модель взаимодействия правительства и парламента в законотворческом процессе: пример постсоветских стран

И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев

Финансовый университет при Правительстве РФ, *Москва, Российская Федерация*
✉ pomilya@mail.ru

Аннотация. Взаимодействие правительства и парламента является одной из распространенных тем в рамках исследований конфигурации политической власти, форм правления, процессов принятия политических решений и т.д. Для эффективного исполнения и корректировки законов, а тем более бюджета, исполнительная власть часто вынуждена брать на себя функции законодателя и непосредственно участвовать в принятии законодательных решений, хотя и в ограниченном формате, — издать закон без принятия его в парламенте не получится. Такая ситуация вынуждает правительство искать все возможные инструменты для влияния на ход и результат рассмотрения законодательных инициатив, что в конечном итоге и определяет его роль в законотворческом процессе. В исследовании сделана попытка определить особенности взаимодействия ветвей власти в законотворческом процессе. Для этого предложена концептуальная модель, основанная на идеях трех основных традиций неоинституционализма: исторического, социологического, и теории рационального выбора. Концептуальный каркас модели включает в себя три основных элемента: институциональный (контекст, ресурсы, правила игры), акторный (партии, эксперты, бюрократические структуры) и прикладной (процессы, технологии, коммуникации). Аналитический потенциал предлагаемой модели подтверждается на примерах взаимодействия ветвей власти в постсоветских странах.

Ключевые слова: законодательный процесс, парламент, правительство, законодательная повестка дня, политические институты, законодательные технологии, постсоветские страны

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10163 «Трансформация роли исполнительной власти в законотворческом процессе: сравнительное исследование постсоветских государств» (URL: https://rscf.ru/project/24-78-10163/) в Финансовом университете при Правительстве РФ.

© Помигуев И.А., Алексеев Д.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Помигуев И.А., Алексеев Д.В.* Концептуальная модель взаимодействия правительства и парламента в законотворческом процессе: пример постсоветских стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 59–79. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-59-79 EDN: KEOFDP

Modeling Government-Parliament Interaction: A Post-Soviet Legislative Framework

Ilya A. Pomiguev ✉, Dmitry V. Alekseev

Financial University under the Government of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

✉ pomilya@mail.ru

Abstract. The interaction of the government and parliament is one of the common topics in the framework of research on the configuration of political power, forms of government, political decision–making processes, etc. In order to effectively implement and adjust laws, and especially the budget, the executive branch is often forced to assume the functions of a legislator and directly participate in legislative decision-making, albeit in a limited format — It will not be possible to pass a law without its adoption in parliament. This situation forces the Government to look for all possible tools to influence the course and outcome of consideration of legislative initiatives, which ultimately determines its role in the legislative process. The study presents an attempt to determine the specifics of the interaction of the branches of government in the legislative process. For this purpose, a conceptual model is proposed based on the ideas of the three main traditions of neo-institutionalism: historical, sociological and rational choice theory. The conceptual framework of the model includes three main elements: institutional (context, resources, rules of the game), actor (parties, experts, bureaucratic structures) and applied (processes, technologies, communications). The analytical potential of the proposed model is confirmed by examples of interaction between branches of government in post-Soviet countries.

Keywords: legislative process, parliament, government, legislative agenda, political institutions, legislative technologies, post-Soviet countries

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-78-10163 “Transformation of the executive’s role in the legislative process of post-Soviet countries: a comparative study” (URL: https://rscf.ru/project/24-78-10163/) at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Pomiguev, I.A., & Alekseev, D.V. (2026). Modeling government-parliament interaction: A post-soviet legislative framework. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 59–79. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-59-79 EDN: KEOFDP

Введение

Взаимоотношения ветвей власти, особенно исполнительной и законодательной, являются популярной темой исследований в политической науке: от классических дискуссий о «лучшем» типе институционального устройства до современных попыток количественного измерения полномочий органов власти [Зазнаев 2014].

В законодательных исследованиях именно вопросы взаимодействия парламентов с различными органами власти являются ключевыми [Помигуев 2023]. Появляются работы, посвященные формированию типологий, индексов, классификаций законотворческих процессов и режимов с количественной оценкой независимости парламента, силы комитетов, удельного веса участников политического процесса и др. [Zubek 2021]. Наибольшую известность получили модели и методики М. Шугарта и Дж. Кэри, А. Кроувела, а среди российских работ следует выделить разработки О.И. Зазнаева [Зазнаев 2007]. Нельзя забывать и об исследовании политических режимов: например, Х.А. Чеибуб, А. Пшеворский и С. Сайе провели большое исследование, посвященное эмпирической проверке гипотез М. Шугарта и Дж. Кэрри о механизмах формирования коалиций и созданию теоретико-игровой модели для их объяснения [Cheibub, Przeworski, Saiegh 2004]. Эти подходы позволяют проследить динамику институциональных изменений и сравнить влияние различных форм правления на особенности политической системы и эффективность государственного управления [Fortin 2013].

Немаловажными остаются вопросы институционального дизайна, особенно распределения полномочий между ветвями власти и механизмы влияния исполнительной власти на процесс принятия законов. В этой связи в политической науке активное развитие получили сравнительные исследования влияния парламента на механизм формирования коалиционного правительства [Martin, Vanberg 2020], конституционных отношений между ветвями власти, механизмов разрешения споров, соотношение административных и политических статусов парламентариев в разных политических системах [Maurice, Kanayo, Nancy 2014].

На основании институциональных характеристик формируются сейчас и новые типологии, и индексы влияния парламентов: силы комитетов [Zubek 2021], бюджетных полномочий [Wehner 2006; Stapenhurst, Jacobs, Eboutou 2019], силы палат парламента в условиях бикамерализма. Получающиеся результаты часто становятся основой для измерения силы государств [Morales Ruvalcaba 2023]. Особую популярность получили индексы парламентского влияния М. Фиша и М. Кройнига [Fish, Kroenig 2012]. Современные работы концентрируются как на анализе возможностей правительства продвигать свои инициативы в парламентах в рамках установки повестки дня, так и на процедурах парламентского контроля над исполнительной властью, а также на взаимодействии министерств и профильных комитетов [Noble 2020].

Таким образом, исследования взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти в рамках законодательных исследований (legislative studies) демонстрируют, что парламент невозможно рассматривать изолированно от остальных игроков. Его роль всегда опосредована взаимодействием с правительством, президентом, судебной властью, общественными структурами, что определяет институциональные границы законодательного процесса и реальные практики принятия решений. Даже в условиях ограничений субъектности в зависимости от особенностей режима парламенты остаются площадкой для согласования политических интересов [Noble 2020]. Это подтверждает необходимость выделения парламентского этапа прохождения законодательных инициатив как ключевого для согласования интересов в общей системе принятия коллективных решений на государственном уровне [Помигуев 2023], а соответственно, именно контроль над этой площадкой является важным условием беспрепятственного прохождения законодательных инициатив.

Одним из популярных направлений в рамках законодательных исследований в настоящее время можно считать определение и даже измерение влияния правительства на парламентскую повестку дня: здесь можно фиксировать как позитивное (продвижение новых инициатив), так и негативное (блокирование нежелательных законопроектов) воздействие [Zubek 2011].

В исследовании предложены концептуальные основания для многомерного анализа влияния исполнительной власти на парламентский этап законодательного процесса, которая в силу своих полномочий является ключевым инициатором изменений. В качестве примеров будут представлены случаи из политических практик постсоветских стран — региона, в котором до сих пор наблюдаются продолжающиеся процессы институционализации органов власти и поиска баланса в их взаимоотношениях [Борисов 2023]. Изучение подобных сюжетов можно считать попыткой проведения «исследований по постсоветской проблематике в связке с перспективами развития современной политической науки и политической компаративистики» [Мельвиль 2020: 26].

Правительство и парламент в законотворческом процессе: концептуальные основы взаимодействия

Парламент в рамках институционализма рационального выбора может рассматриваться с двух сторон: как арена, на которой происходит борьба политических акторов [Noble 2020], или как политический актор, который участвует в борьбе за властные ресурсы на уровне всего процесса принятия решений [Помигуев 2023], — в этом случае «арена» будет трактоваться шире. Здесь следует добавить еще политическую борьбу на уровне комитетов, фракций, партий на выборах и т.д., что является примером так называемых «вложенных игр» (nested games) [Tsebelis 1990]. В нашем случае мы будем рассматривать парламентский уровень принятия законодательных решений как

арену борьбы внутренних и внешних по отношению к законодательному органу акторов [Помигуев 2023]. В этом плане даже верхняя палата парламента может рассматриваться как внешний актор, поскольку традиционно выступает игроком, одобряющим или блокирующим решения, а не площадкой, где законы непосредственно принимаются.

В качестве отправной точки для разработки концептуального каркаса модели взаимодействия исполнительной власти с парламентом в законодательном процессе в представленной работе взята классификация, предложенная Б. Рашем и Дж. Цебелисом [Rasch, Tsebelis 2011]. Ее авторы отмечают, что в президентских режимах законодательной повесткой дня управляет парламент, в то время как в парламентских контроль получает правительство. Подобную разницу обуславливает не характер режима, а способ организации процесса принятия политических решений [Rasch, Tsebelis 2011]. В итоге процесс принятия законодательных решений представляется как политическая игра исполнительной и законодательной власти за возможность повлиять на законодательную повестку дня, осуществляемую в трех измерениях [Rasch, Tsebelis 2011]:

- институциональном — за счет использования норм в конституциях, законах, правилах парламентской процедуры;
- партийном — с помощью контроля за парламентским большинством или коалицией, через которые реализуется воля действующего правительства;
- позиционном — когда правительство формирует в парламенте коалицию поддержки конкретных законодательных инициатив, чаще всего находясь при этом в центре политического спектра.

Однако при всей кажущейся универсальности подхода, фокусирующегося на процессе принятия решений, в указанной монографии предложен вариант только дескриптивного описания политических процессов, что не позволило в должной мере увидеть сравнительный потенциал идеи. Следует отметить, что попытки трансформировать ее для изучения других политических явлений и процессов, в том числе использование в законотворческом процессе специфических технологий, предпринимались, и они показывают большие сравнительные перспективы [Помигуев, Алексеев 2021].

В представленной работе для создания концептуального каркаса взаимодействия с законодательной властью были использованы принципы, используемые в различных традициях неоинституционального подхода:

- *институционализм рационального выбора* в первую очередь помогает определиться с терминологией представленного исследования, а также понять место правил игры в процессе взаимодействия различных акторов [Hall, Taylor 1996];
- *исторический институционализм* акцентирует внимание на временны́х аспектах развития институтов, контекстуальной обусловленности выбора политических акторов, ограниченной рациональности и «зависимости от траектории» (path dependence), взаимодействии формальных и неформальных институтов и накопительном эффекте политических решений, формирующем институциональные режимы [Pierson 2004];

• *социологический институционализм* помогает посмотреть на структуры и правила наряду с другими элементами социальных институтов (когнитивными установками, неформальными практиками, системами значений) как на причины, по которым индивиды (в случае парламента — депутаты) вступают во взаимодействие. Этот фокус был использован для понимания роли акторов, в том числе бюрократических, в законодательном процессе [DiMaggio, Powell 1991].

Выбор такой непростой исследовательской оптики обусловлен задачами создания в дальнейшем комплексной модели влияния на парламент со стороны исполнительной власти, основанной на следующих концептуальных элементах (рис. 1).

1. Институциональный элемент (основной вопрос: в каких условиях осуществляется воздействие?)

1.1. Институциональный контекст — условия, в которых оказываются политические акторы при принятии политических решений. В этом параметре объясняется, почему раз принятые правила и форматы взаимоотношений ветвей власти задают долгую «инерцию» правил и ролей [Pierson 2004]. Отметим, что это только один из видов «контекстов», который непосредственно относится к генезису и функционированию политических институтов. При этом мы признаем, что описание более широкого контекста (внутреннего и внешнего) должно стать неотъемлемой частью сравнительной модели исследования [Goodin, Tilly 2006].

1.2. Институциональные ресурсы — формально закрепленные права и организационные возможности, которыми акторы легально располагают для влияния на политические решения и их исполнение (фактически это права участников процесса, оформленные в виде их формальных полномочий).

1.3. Правила игры — формально закрепленные процедуры взаимодействия акторов друг с другом (фактически это обязанности участников процесса, которым они должны следовать, чтобы решение было принято).

2. Акторный элемент (основной вопрос: через кого осуществляется воздействие?)

2.1. Политики — структуры и индивиды, участвующие в политической борьбе (например, партии/фракции, депутаты, министерства и ведомства).

2.2. Бюрократы — аппаратные структуры, работающие независимо от политических циклов и не являющиеся политическими субъектами принятия решений (например, аппарат парламента).

2.3. Эксперты — структуры и индивиды, участвующие в экспертно-аналитическом сопровождении законодательного процесса и зачастую напрямую не влияющие на принятие решений в ходе парламентского этапа законодательного процесса, хотя и воздействующие на ход и итоговый результат этого процесса (например, аналитические центры, профсоюзы, бизнес-ассоциации).

3. Прикладной элемент (основной вопрос: каким образом осуществляется воздействие?)

3.1. Политические технологии — «целенаправленно сконструированная совокупность приемов и способов достижения результата, использование которых

затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп [Шабров 2012: 328].

3.2. Политический процесс — упорядоченная последовательность единичных действий и взаимодействий политических акторов, как правило, создающих и воссоздающих политические институты [Мелешкина 2001] в определенный промежуток времени.

3.3. Политическая коммуникация — «процесс обмена информацией между политическими акторами, осуществляемый в ходе их формальных и неформальных взаимодействий» [Мелешкина 2001].

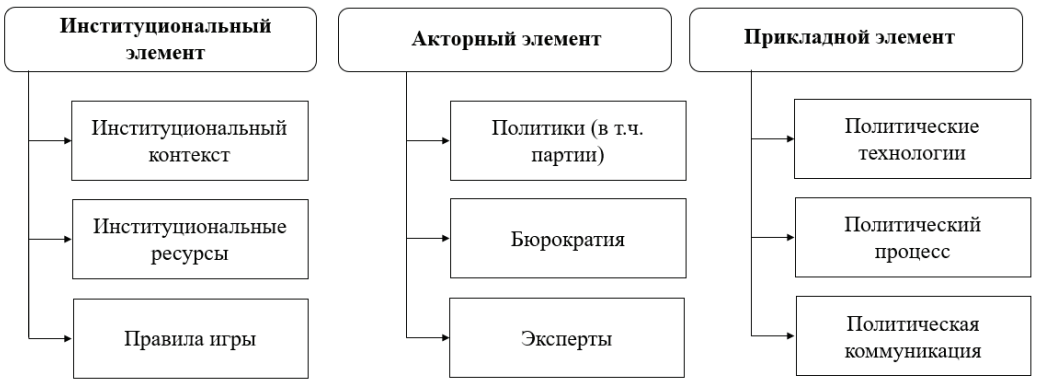

Рис. 1. Концептуальный каркас элементов взаимодействия правительства и парламента в законотворческом процессе

Источник: составлено И.А. Помигуевым и Д.В. Алексеевым.

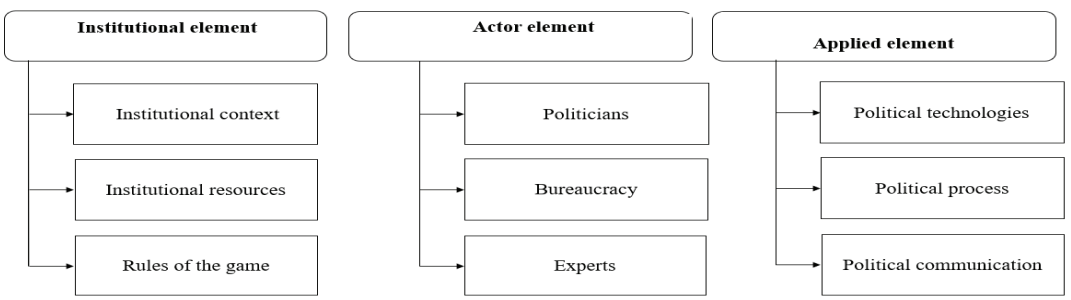

Figure 1. The conceptual framework of the elements of interaction between the government and Parliament in the legislative process

Source: compiled by I.A. Pomiguev and D.V. Alekseev.

Представленные элементы позволяют комплексно посмотреть на структуру парламентской деятельности и определить ключевые направления работы с законодательным органом. Далее последовательно раскроем каждый элемент более подробно, опираясь на опыт постсоветских стран.

Институциональный элемент

Данным элементом определяется баланс сил между ветвями и органами власти. Хотя многие решения принимаются в неопределенных, часто неупорядоченных условиях [March, Olsen 1984], именно институты определяют границы возможного. Речь идет в том числе о стартовых позициях в преддверии торга, процесса согласования итоговых параметров политических решений. При этом изменение принятых правил может сильно влиять на условия, в которых находятся эти акторы.

Институциональный контекст

Законодательный процесс и комплекс взаимодействий (в том числе между исполнительной и законодательной ветвями власти) по вопросам принятия законодательных решений проходят под влиянием внешних обстоятельств, которые имеют в том числе институциональную природу. Речь о форме правления, особенностях избирательного законодательства, принципах формирования законодательных палат, генезисе институционального дизайна и др.

Важной частью институционального контекста являются и параметры сложившейся партийной системы. В развитых демократиях зачастую место партий в законодательном процессе увязывают с вопросом формирования коалиций, и даже в президентских режимах глава государства заинтересован во встраивании как можно большего числа политических акторов в систему власти. В недемократических режимах фактор коалиционности не столь значим, поскольку они в условиях видимой многопартийности зачастую опираются на одну партию (Россия, Казахстан, Белоруссия). В них исполнительная власть подотчетна главе государства, а не законодательному органу. Некоторым исключением здесь является Грузия, где партия большинства сейчас фактически формирует правительство и определяет параметры многих решений.

На законодательный процесс существенным образом влияют принципы формирования парламента. Их во многом определяет избирательная система, соответствующее законодательство и его изменения. Ужесточение правил регистрации партий, повышение порога прохода в Государственную думу, ограничение перехода депутатов из одной фракции в другую — всё это безусловно сказывается на принятии решений в ходе законодательного процесса. Важной предпосылкой формирования устойчивого большинства одной партии стали заложенные принципы конверсии результатов выборов тех партий, которые не были избраны в парламент [Голосов 2005]. Избирательное законодательство нередко используется в качестве инструмента политической борьбы [Cox 2024].

Институциональные ресурсы

Главным ресурсом акторов в ходе законодательного процесса являются их полномочия, то есть права и возможности воздействия на процесс принятия законодательных решений. В политических режимах на постсоветском пространстве периодически происходит перераспределение этих полномочий, что становится ключевым индикатором изменений.

Так, среди кейсов, где относительно недавно также существенным образом были пересмотрены полномочия, следует отметить Грузию и Узбекистан. Изменения, внесенные в конституцию Грузии, сделали ее парламентской

республикой, и глава государства фактически лишился реальных функций в вопросах внутренней политики, однако остался верховным главнокомандующим и ведущим актором в части реализации внешнеполитического курса страны[1]. При этом ранее в Грузии изменения в основной закон страны были направлены на укрепление власти президента [Багаева, Таучелов 2020]: правительство стало подотчетно парламенту, а не президенту, таким образом, он в значительной степени утратил свою субъектность во внутренней политике.

В Узбекистане же, наоборот, изменения в конституцию, принятые в 2023 г., укрепляют положение президента, увеличивая срок исполнения его обязанностей до 7 лет, обнулив сроки действующего главы государства[2]. Причем поправки внесены в форме пакета изменений. Так, в новой версии конституции Узбекистан провозглашен «социальным, правовым и светским государством», запрещен принудительный детский труд и др. [Исраилова 2024]. При этом была достигнута задача по повышению устойчивости института президента.

Правила игры

Правила игры — это те самые границы, за которые участники законодательного процесса не могут переступить, при этом определяющие их формальные обязательства.

Параметры процесса принятия политических решений во многом определяет именно тот, кому подотчетна исполнительная власть и как принимается решение о назначении кабинета. В парламентских странах на постсоветском пространстве (Грузия, Латвия, Эстония), как правило, голосуют по кандидатуре главы правительства, а конкретные члены кабинета либо формально утверждаются президентом, либо премьер и вовсе самостоятельно его формирует[3]. При этом существуют механизмы роспуска парламента, если появляются затруднения при утверждении кандидатуры премьер-министра, однако это чревато политическим кризисом. Таким образом, в парламентских режимах подотчетность исполнительной власти перед правительством нередко балансируется возможностями роспуска парламента со стороны главы государства.

Конкретные процедуры, диктующие ход законодательного процесса, закреплены в соответствующих регламентных документах. При этом их особенности политические акторы могут использовать и в качестве инструментов для того, чтобы законы принимались в наиболее предпочтительной для них редакции[4].

---

[1] У «Грузинской мечты» сбылась конституция // Коммерсантъ. 27.09.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3422165 (дата обращения: 01.08.2025).

[2] Основной закон для меняющейся страны. В Узбекистане прошел конституционный референдум // ТАСС. 30.04.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17650641 (дата обращения: 02.08.2025).

[3] См. подробнее ст. 56 Конституции Латвии. URL: https://www.saeima.lv/en/legislative-process/constitution; ст. 92 Конституции Литвы. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/lit129855.pdf (дата обращения: 02.08.2025); ст. 89 Конституции Эстонии. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Estonia_2011 (дата обращения: 02.08.2025).

[4] *Алексеев Д.В.* Особенности применения политических технологий в законодательном процессе: дис. … канд. полит. наук. Москва : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2024. 331 с.

За изменения в правила игры, определяемые процедурой, идет перманентная борьба, в которой чаще всего перевес оказывается на стороне исполнительной власти. Отметим, что такие процедурные нюансы, работающие в интересах правительства, особенно характерны для режимов с сильной президентской властью.

Акторный элемент

Если в рамках институционального элемента мы рассматривали условия и возможности принятия законодательных решений, границы в которых действуют исполнительная власть и другие акторы, то здесь мы всесторонне раскрываем их самих, а также связи между акторами.

2.1. Политики

В данном случае речь идет не только о политиках, но даже в большей степени об их объединениях — партиях и фракциях. Именно они являются главными участниками законодательного процесса, и даже в недемократических режимах именно за парламентариями последнее слово в рамках парламентского этапа законодательного процесса, так как именно они голосуют по законопроектам.

П. Чейсти писал, что именно партии могут играть ключевую роль в изменении динамики взаимодействия между законодательной и исполнительной властью [Чейсти 2008; Chaisty 2008]. Работа правительства и партии большинства с высоким уровнем дисциплины членов фракции в связке дает исполнительной власти возможности влияния не только на исход голосования, но и на повестку дня законодательного органа, темп принятия решений. Синергия исполнительной и законодательной власти неизбежно ведет к росту воздействия первой на законодательный процесс, следовательно, парламент становится более подверженным правительственному влиянию. В то же время в условиях ослабления одних функций законодательной власти могут появиться или усилиться другие.

На постсоветском пространстве следует отметить высокое влияние исполнительной власти, хотя ситуация в режимах, где парламент имеет широкие полномочия (Армения, Грузия, страны Прибалтики), более комплексная. Министры отчитываются перед парламентом, парламентарии реально корректируют тексты законопроектов, однако в конечном итоге многое упирается в парламентское большинство. Окном возможностей для парламентариев является рассмотрение бюджета, где можно воздействовать если не на общие принципы и приоритеты в части расходов, то на конкретные статьи. Правительство заинтересовано в конструктивном взаимодействии и поэтому готово идти на определенные уступки. Таким образом, именно благодаря парламентскому большинству у исполнительной власти есть возможность проводить необходимые для себя политические решения через все стадии законодательного процесса.

Как уже было упомянуто, законодательные органы остаются ареной противостояния различных акторов, однако подобная конкуренция все меньше носит партийный, идеологический оттенок. При этом парламентарии получают

возможности, в том числе связанные с экономической, коммерческой деятельностью. Политическая система превращается в систему патронажа, главной функцией которой становится распределение ресурсов между органами и уровнями власти [Remington 2008]. В числе ключевых достоинств такой системы с точки зрения автократа — это управляемость, иерархичность и контролируемость, однако на поддержание ее стабильной работы требуется много ресурсов.

2.2. Бюрократы

Бюрократы, в отличие от политиков, не принимают политические решения, однако могут воздействовать на их отдельные параметры и темп принятия. Принципиально важным здесь является взаимодействие между чиновниками, обеспечивающими законодательный процесс внутри парламента, и теми, кто работает в органах исполнительной власти.

Большинство парламентских «аппаратчиков» уже не первый год работают с законопроектами по определенной теме и даже на уровне личных коммуникаций знают своих визави из исполнительной власти. С одной стороны, такая связка делает тексты законов более всесторонне отработанными, поскольку процесс подготовки документов строится на принципе взаимной проверки. С другой — это открывает возможности бюрократизации политической стороны законодательного процесса, когда сущностные параметры политических решений начинают определяться на уровне чиновников, а не политиков.

Следует отметить определенную двуликость аппарата законодательного органа. Он работает по бюрократической модели со строгой вертикалью, централизованной администрацией, несменяемостью вне зависимости от политических циклов. В то же время здесь имеет место и кадровый подход, где чиновники в течение определенного периода времени подчиняются конкретным политикам [Зазнаев 2024], то есть парламентский чиновник находится на перекрестке между политическим и бюрократическим и вынужден балансировать (политический чиновник, если пользоваться терминологией М. Вебера).

Важным фактором в бюрократическом элементе является масштаб аппаратной структуры: министерство — это всегда огромная бюрократическая машина, а аппарат комитета — чаще немногочисленный коллектив профессионалов. Степень воздействия правительства на законодательный процесс определяется и этим фактором.

2.3. Эксперты

В данном случае эксперты — это те, кто играет роль в законодательном процессе, но воздействует на законодательный процесс опосредованно, часто через тех, кто имеет право законодательной инициативы. При этом часто сами политики выступают как носители экспертной функции. Например, членство в парламентских комитетах определяется тем, в какой области депутат может быть экспертом.

Взаимодействие в диаде «парламентский комитет — министерство» также является важным двигателем законодательного процесса. Исполнительная власть нередко напрямую работает не столько с парламентом как таковым, но и с внутрипарламентскими структурами в рамках

своей сферы компетенций. Структура парламентских комитетов даже может дублировать схему министерств и ведомств [Mickler 2017]. Профильные министры, вице-премьеры, руководители федеральных агентств и служб находятся в прямом контакте с председателями соответствующих комитетов. Такая связка способствует синхронизации повесток законодательных и исполнительных органов власти и ускоряет прохождение законопроектов. Министры регулярно встречаются с профильными комитетами перед рассмотрением бюджета, в преддверие правительственных часов и даже перед обсуждением резонансных инициатив.

Важно отметить, что законодательный процесс оставляет немало пространства для взаимодействия с экспертами. Так, при парламентах и комитетах почти повсеместно присутствуют экспертные советы, а в случае рассмотрения резонансных инициатив существуют механизмы масштабного публичного обсуждения потенциальных изменений в законодательство. Механизм парламентских слушаний закреплен, например, в регламентах Государственной думы (Россия) и Жогорку Кенеша (Кыргызстан)[5]. Такие мероприятия носят скорее консультативный характер, однако это площадка для донесения позиции до широкого круга стейкхолдеров и влияния на параметры принимаемого решения.

Прикладной элемент

Выше мы рассмотрели условия, институциональный контекст и возможности, имеющиеся у исполнительной власти в рамках законодательного процесса (институциональный элемент) и основных акторов, на которых направлено воздействие участвующих в законодательном процессе (акторный элемент). Третьей составляющей модели является прикладной элемент, включающий в себя комплекс средств, позволяющий непосредственно воздействовать на ход и результат процесса принятия политических решений в рамках законодательного процесса.

3.1. Политические технологии

Процедуры законодательного процесса могут становиться инструментом политической борьбы [Алексеев 2023]. Вариантов использования норм регламента для регулирования темпа принятия политических решений, а также влияния на их параметры довольно много. Хорошим примером такого механизма является внесение поправок в закон. Правительство часто запоздало вносит их за пределами официальных сроков (хотя часто есть возможность их продлить), а может с помощью депутатов, напротив, внести их в последний момент[6].

[5] Глава 6 Регламента Государственной Думы. URL: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/chapter-6/ (дата обращения: 02.08.2025); глава 20 Регламента Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. URL: http://www.parliament.am/library/kanonakarger/KIRGIZ.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

[6] Такой «попыткой», вызывавшей огромный общественный резонанс, стала поправка на тот момент еще депутата Карелина о досрочных выборах в Государственную Думу в связи с вносимыми Президентом России поправками в Конституцию России.

На постсоветском пространстве распространена практика использования правительством норм, регулирующих законодательный процесс. Одна из самых распространенных — это необходимость позиции правительства по проектам законов, влекущих бюджетные расходы. В регламентах парламентов ряда постсоветских стран также содержатся нормы, которые включают приоритетность рассмотрения инициатив исполнительной власти и главы государства. Отметим и то, что в большинстве случаев у президента есть право наложить вето на уже принятый закон, однако условия его преодоления могут быть разными.

Таким образом, процедура является хотя и не единственным, но важнейшим элементом политических технологий в законодательном процессе[7]. С одной стороны, они задают рамки законодательного процесса, а с другой — предоставляют возможности влияния на процесс принятия законодательных решений.

3.2. Политический процесс

Одной из важнейших категорий политики является время. Идентичное решение может иметь различные последствия и эффекты в зависимости от момента, когда оно было принято. Время может стать инструментом, например, в случае, если норма принимается не сразу, а постепенно, всё больше разворачиваясь в политическом пространстве.

Так, в интересах правительства нередко выгодно растянуть принятие неудобных решений, разбив этот процесс на небольшие шаги. Данная стратегия делает принятие неоднозначных законодательных инициатив менее заметным. Они идут как бы фоном, становясь незаметной частью окружающего политического ландшафта. Один из ярких примеров — трансформация законодательства об иностранных агентах в России. Изначально способ стигматизации организаций, имеющих иностранное финансирование, превратился в полноценный ограничитель для функционирования юридических лиц и работы граждан, по крайней мере в политической и образовательной сферах. При этом в России процесс наращивания таких ограничений занял более 10 лет и продолжается до сих пор. В каком-то смысле такие новации в законодательство экспортированы в некоторые страны СНГ (Грузия, Кыргызстан[8]).

Темп принятия решений и «законодательное время» контролирует тот, в чьих руках находится управление парламентской повесткой дня. Потенциально парламентское большинство и правительство, работающее с ним в связке, могут как блокировать неудобные вопросы, так и насыщать повестку выгодными для себя инициативами [Campbell, Cox, McCubins 2002]. Именно здесь находится ключ к контролю за ходом законодательного процесса, хотя повестка дня пластична и меняется вместе с политическим и институциональным контекстом.

---

[7] *Алексеев Д.В.* Особенности применения политических технологий в законодательном процессе: дис. … канд. полит. наук. Москва : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2024. 331 с.

[8] См., например: Парламент Грузии принял «американскую версию» закона об иноагентах // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/society/534027-parlament-gruzii-prinal-amerikanskuu-versiu-zakona-ob-inoagentah (дата обращения 11.10.2025); Президент Киргизии подписал закон об иноагентах // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/04/2024/660bebdf9a7947997a8f2ef3 (дата обращения 11.10.2025).

3.3. Политическая коммуникация

Коммуникация также является важным инструментом в законодательном процессе, в том числе и для исполнительной власти. Речь идёт прежде всего, во-первых, о тех аргументах, которые использует правительство для эффективного проведения своих инициатив через стадии законодательного процесса и, во-вторых, о неформальных коммуникациях.

Аргументы также становятся оружием политической борьбы, как и вышеописанные политические технологии, основанные на использовании процедур. Важно помнить, что, выступая с трибуны, задавая вопросы докладчикам, говорящие апеллируют не только (и даже не столько) к залу, сколько к избирателям (обществу). При этом многие аргументы имеют технологическую основу, поскольку они зиждятся на тезисах, темах и предложениях, которые повторяются в других вариациях. Например, многие аргументы для инициатив оппозиции, связанных с налоговой или бюджетной политикой, сводятся к необеспеченности потенциальных расходов федеральным бюджетом. Аргументы парламентариев, причем и большинства, и меньшинства, часто обращены к зарубежному опыту, единичным успешным отечественным практикам, статистическим данным. Правительство же нередко рекомендует отклонить законопроекты из-за того, что данный вопрос уже урегулирован иными нормативными актами[9].

Законодательный процесс состоит в том числе и из неформальных практик и договоренностей, которые вписаны в юридические рамки. При этом подобные коммуникации способны значительно сократить временные издержки акторов, но такие взаимодействия непросто поддаются исследованию из-за сложности фиксации. Помочь здесь могут элементы сетевого анализа (см., например, [Помигуев, Алексеев, Зарипов 2024]). Признаки подобных взаимодействий мы можем наблюдать, рассматривая вопросы соавторства законопроектов или исследуя переходы отдельных депутатов в министерство и министров, правительственных чиновников в парламент[10].

Рассмотренные выше элементы концептуального каркаса встраиваются в общую логику взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в законотворческом процессе. Эту логику можно представить в виде модели взаимодействия, в которой каждый элемент играет свою роль (рис. 2). Как видно из диаграммы, политический процесс и институциональный контекст выходят за рамки работы рассматриваемых ветвей власти (как и эксперты). Область пересечения двух кругов, наоборот, показывает сферу их взаимодействия, где у каждого из акторов есть свои ресурсы, а действуют они по установленным правилам игры, составляющим процедуры. Взаимодействие, в свою очередь, рассматривается как политическая коммуникация с использованием специализированных политических технологий. Также необходимо обратить

[9] *Алексеев Д.В.* Особенности применения политических технологий в законодательном процессе: дис. … канд. полит. наук. Москва : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2024. 331 с.

[10] См. например: Абрамченко избрали новым вице-спикером Госдумы // РБК. 17.09.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/09/2024/66e964089a79470ce3b74cfb об иноагентах // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/04/2024/660bebdf9a7947997a8f2ef3 (дата обращения 11.10.2025).

внимание, что работа парламента имеет политическую логику, что показано в виде круга «Политики», смещенного в сторону законодательного органа, а правительство — бюрократическую логику, соответственно, круг «Бюрократы» смещен в сторону исполнительной власти. При этом в работе и того и другого органа все-таки присутствует и бюрократическое, и политическое измерение.

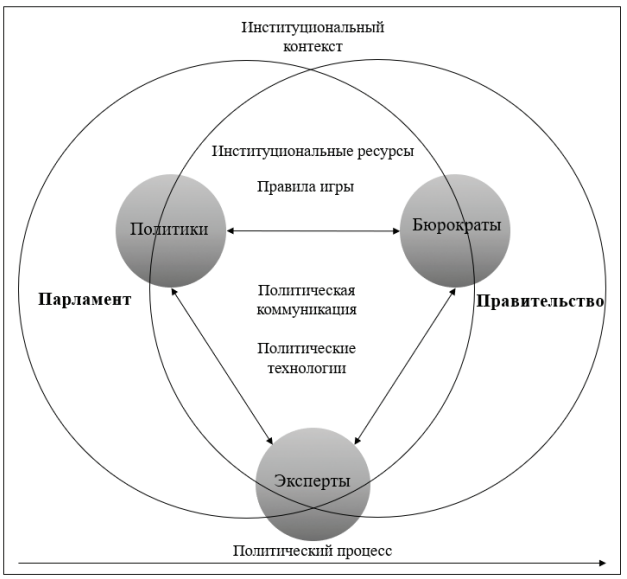

Рис. 2. Концептуальная модель взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в законотворческом процессе

Источник: составлено И.А. Помигуевым.

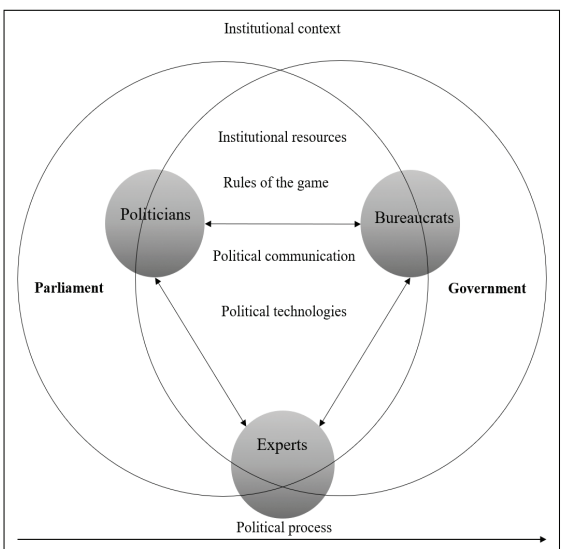

Figure 2. Conceptual model of interaction between the executive and legislative branches of government in the legislative process

Source: compiled by I.A. Pomiguev.

Заключение

Исполнительная власть оказывает значительное, а подчас и решающее воздействие на законодательный процесс. В то же время соотношение исполнительной и законодательной ветвей власти отнюдь не линейное. Парламентское большинство голосует и принимает решение, и правительство с этим вынуждено считаться. Вместе с тем исполнительная власть обладает широким спектром возможностей воздействия на законодательный процесс: от конкретных технологий и использования процедур до неформальных коммуникаций. Взаимодействие исполнительной и законодательной власти, способы их влияния друг на друга нуждаются в дальнейшем научном осмыслении.

История становления парламентаризма на постсоветском пространстве и его анализ в рамках обозначенной в настоящем тексте концептуальной модели выступают значимой для политической науки темой, способной пролить свет на возможности операционализации процедурных факторов режимных трансформаций, определить паттерны институционального развития стран, в том числе с учетом общего советского опыта. Кроме того, это позволит обозначить перспективы переосмысления институциональной трансформации в странах постсоветского пространства как перспективного региона для многомерного изучения политических систем и определения закономерностей их развития.

Предложенная концептуальная модель имеет перспективы стать основой для универсального сравнения и классификации взаимодействия ветвей власти, дополняющей и расширяющей знания о политических режимах и формах государства.

Поступила в редакцию / Received: 17.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 26.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Алексеев Д.В. Возможности применения политических технологий в законодательном процессе (на примере Государственной думы VII созыва) // Политическая наука. 2023. № 1. С. 185–205. https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.08. EDN TQJIRD.

Багаева А.А., Таучелов Б.Г. Проблемы внутриполитического развития Грузии в контексте конституционных реформ в республике в постсоветский период // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 1А. С. 174–179. https://doi.org/10.34670/AR.2020.35.53.019. EDN IEMQXD.

Борисов Н.А. Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. 2023. № 4. С. 15–55. https://doi.org/10.31249/poln/2023.04.01. EDN STWEZS.

Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 108–119. https://doi.org/10.17976/jpps/2005.01.09

Зазнаев О.И. Аппарат парламента: «невоспетые герои» // Политическая наука. 2024. № 3. С. 291–302. https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.13. EDN LDAQNW.

Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 146–164. EDN HYTCBL.

Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. 2014. № 1. С. 10–33. EDN RYZPJJ.

Исраилова З. Конституционные реформы Республики Узбекистан на современном этапе правового развития // Society and Innovations. 2024. Vol. 5. No. 3. P. 132–139. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol5-iss3-pp132-139. EDN VHJAPC.

Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Москва : Издательство «Весь Мир», 2001. 304 с.

Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03

Помигуев И.А. Предметное поле законодательных исследований в политической науке // Политическая наука. 2023. № 1. С. 16–41. https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.01. EDN MKBINE.

Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 176–191. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13. EDN ASPQNF.

Помигуев И.А., Алексеев Д.В., Зарипов Н.А. «Не делом, а словом»: дискурс-сетевой анализ парламентских обсуждений закона о повышении пенсионного возраста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2 (180). С. 116–140. https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2495. EDN FSIJWO.

Чейсти П. Воздействие партийных рычагов власти Президента на законодательный процесс в посткоммунистической России // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / ред.-сост. Е.Ю. Мелешкина, Г.М. Михалева. Москва : ИНИОН РАН. 2009. С. 95-127.

Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328–330. EDN PXADUN.

Campbell A.C., Cox G.W., McCubbins M.D. Agenda power in the U.S. Senate, 1877–1986 // Party, process, and political change in Congress: New perspectives on the history of Congress / D.W. Brady, M.D. McCubbins (eds.). Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. P. 146–165.

Chaisty P. The legislative effects of presidential partisan powers in post-communist Russia // Government and opposition. Oxford: MA: Blackwell publishing. 2008. Vol. 43. No. 3. P. 424–453.

Cheibub J.A., Przeworski A., Saiegh S.M. Government Coalitions and Legislative Success under Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. 2004. Vol. 34. No. 4. P. 565–587.

Cox G.W. Electoral institutions and political competition: coordination, persuasion, and mobilization // Ménard C., Shirley M.M. (eds.), Handbook of new institutional economics. Springer, 2024. P. 105–127.

DiMaggio P.J., Powell W.W. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Fish M.S., Kroenig M. The handbook of national legislatures: a global survey. 1st paperback ed. 2011.

Fortin J. Measuring presidential powers: Some pitfalls of aggregate measurement // International political science review. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore. 2013. Vol. 34. No. 1. P. 91–112. https://doi.org/10.1177/0192512111421357

Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies, 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936–957.

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3. P. 734–749.

Martin L.W., Vanberg G. Coalition government, legislative institutions, and public policy in parliamentary democracies // American Journal of Political Science. 2020. Vol. 64. No. 2. P. 325–340. https://doi.org/10.7910/DVN/YU84D7

Maurice O.U., Kanayo O., Nancy S. A comparative analysis of the interplay of administrative and political Structures of the legislature in the legislative procedures of selected federal systems // Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 41. No. 1. P. 27–35. https://doi.org/10.1080/09718923.2014.11893338

Mickler T.A. Committee autonomy in parliamentary systems — coalition logic or congressional rationales? // The Journal of Legislative Studies. 2017. Vol. 23. No 3. P. 367–391. https://doi.org/10.1080/13572334.2017.1359941

Morales Ruvalcaba D. The distribution of power in the periphery: an approach with the World Power Index // Cambridge Review of International Affairs. 2023. Vol. 36. No. 2. P. 260–295. https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1854178

Noble B. Authoritarian amendments: Legislative institutions as intraexecutive constraints in post-Soviet Russia // Comparative political studies. 2020. Vol. 53. No. 9. P. 1417–1454. https://doi.org/10.1177/0010414018797941

Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Rasch B.E., Tsebelis G. Governments and legislative agenda setting: an introduction // The Role of Governments in Legislative Agenda Setting. London and New York: Routledge, 2011.

Remington T. Patronage and Power: Russia's Dominant Party Regime // Politische Vierteljahresschrift. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 213–228/. https://doi.org/10.1007/s11615-008-0097-y

Stapenhurst R., Jacobs K., Eboutou T. Developing an index of EX-POST parliamentary oversight of public finance // The Journal of Legislative Studies. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 119–142. https://doi.org/10.1080/13572334.2019.1572617

The Oxford handbook of contextual political analysis / R. Goodin , Ch. Tilly (eds.). Oxford : Oxford univ. press, 2006. 869 p.

Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Comparative Politic. University of California Press, 1990. 288 p.

Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective // The Journal of Legislative Studies. 2020. https://doi.org/10.1080/13572334.2020.1843233

Wehner J. Assessing the power of the purse: An index of legislative budget institutions // Political studies. 2006. Vol. 54. No. 4. P. 767–785. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2006.00628.x

Zubek R. Committee strength in parliamentary democracies: A new index // European Journal of Political Research. 2021. Vol. 60. No. 4. P. 1018–1031. https://doi.org/10.1111/1475-6765.12426

Zubek R. Negative agenda control and executive–legislative relations in east central Europe, 1997–2008 // The Journal of Legislative Studies. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 172–192. https://doi.org/10.1080/13572334.2011.574025

References

Alekseev, D.V. (2023). Opportunities for applying political technologies in the legislative process (The case of the State Duma of the 7th convocation). *Political Science (RU)*, (1), 185–205. (In Russian). https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.08

Bagaeva, A.A., & Tauchelov, B.G. (2020). Problems of Georgia's internal political development in the context of constitutional reforms in the republic during the post-Soviet period. *Theories and Problems of Political Research, 9*(1A), 174–179. (In Russian). https://doi.org/10.34670/AR.2020.35.53.019

Borisov, N.A. (2023). Thirty years of post-Soviet studies in Russian political science: Trends and perspectives. *Political Science (RU),* (4), 15–55. (In Russian). https://doi.org/10.31249/poln/2023.04.01

Campbell, A.C., Cox, G.W., & McCubbins, M.D. (2002). Agenda power in the U.S. Senate, 1877–1986. In D.W. Brady & M.D. McCubbins (Eds.), *Party, process, and political change in Congress: New perspectives on the history of Congress* (pp. 146–165). Stanford University Press.

Chaisty, P. (2008). The legislative effects of presidential partisan powers in post-communist Russia. *Government and Opposition, 43*(3), 424–453. https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2008.00266.x

Cheibub, J.A., Przeworski, A., & Saiegh, S.M. (2004). Government coalitions and legislative success under presidentialism and parliamentarism. *British Journal of Political Science, 34*(4), 565–587. https://doi.org/10.1017/S0007123404000195

Chejsti, P. (2009). The impact of the President's partisan power levers on the legislative process in post-communist Russia. In E.Yu. Meleshkina & G.M. Mihaleva (Eds.), *Political competition and parties in the states of the post-Soviet space* (pp. 95–127). INION RAN. (In Russian).

Cox, G.W. (2024). Electoral institutions and political competition: Coordination, persuasion, and mobilization. In C. Ménard & M.M. Shirley (Eds.), *Handbook of new institutional economics* (pp. 105–127). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-97769-1_5

DiMaggio, P.J., & Powell, W.W. (1991). *The new institutionalism in organizational analysis*. University of Chicago Press.

Fish, M.S., & Kroenig, M. (2011). *The handbook of national legislatures: A global survey*. Cambridge University Press.

Fortin, J. (2013). Measuring presidential powers: Some pitfalls of aggregate measurement. *International Political Science Review, 34*(1), 91–112. https://doi.org/10.1177/0192512111421357

Golosov, G.V. (2005). A manufactured majority: The conversion of votes into seats in the 2003 Duma elections. *Polis. Political Studies, 1,* 108–119. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2005.01.09

Goodin, R.E., & Tilly, C., (Eds.). (2006). *The Oxford handbook of contextual political analysis*. Oxford University Press.

Hall, P.A., & Taylor, R.C.R. (1996). Political science and the three new institutionalisms. *Political Studies, 44*(5), 936–957. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x

Israilova, Z. (2024). Constitutional reforms of the Republic of Uzbekistan at the modern stage of legal development. *Society and Innovations, 5*(3), 132–139. (In Russian). https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol5-iss3-pp132-139

March, J.G., & Olsen, J.P. (1984). The new institutionalism: Organizational factors in political life. *American Political Science Review, 78*(3), 734–749. https://doi.org/10.2307/1961840

Martin, L.W., & Vanberg, G. (2020). Coalition government, legislative institutions, and public policy in parliamentary democracies. *American Journal of Political Science, 64*(2), 325–340. https://doi.org/10.7910/DVN/YU84D7

Maurice, O.U., Kanayo, O., & Nancy, S. (2014). A comparative analysis of the interplay of administrative and political structures of the legislature in the legislative procedures of selected federal systems. *Journal of Social Sciences, 41*(1), 27–35. https://doi.org/10.1080/09718923.2014.11893338

Meleshkina, E.Yu. (2001). *Political process: Main aspects and methods of analysis*. Ves' Mir. (In Russian).

Melville, A.Yu. (2020). Breaking out of the "ghetto": On the contribution of post-Soviet studies / Russian studies to contemporary political science. *Polis. Political Studies, 1,* 22–43. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03

Mickler, T.A. (2017). Committee autonomy in parliamentary systems—coalition logic or congressional rationales? *Journal of Legislative Studies, 23*(3), 367–391. https://doi.org/10.1080/13572334.2017.1359941

Morales Ruvalcaba, D. (2023). The distribution of power in the periphery: An approach with the World Power Index. *Cambridge Review of International Affairs, 36*(2), 260–295. https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1854178

Noble, B. (2020). Authoritarian amendments: Legislative institutions as intra-executive constraints in post-Soviet Russia. *Comparative Political Studies, 53*(9), 1417–1454. https://doi.org/10.1177/0010414018797941

Pierson, P. (2004). *Politics in time: History, institutions, and social analysis*. Princeton University Press.

Pomiguev, I.A. (2023). The subject field of legislative studies in political science. *Political Science (RU), 1,* 16–41. (In Russian). https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.01

Pomiguev, I.A., & Alekseev, D.V. (2021). The nullification of bills: Discontinuity as a technology for blocking political decisions. *Polis. Political Studies, 4,* 176–191. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13

Pomiguev, I.A., Alekseev, D.V., & Zaripov, N.A. (2024). "Not by deed, but by word": A discourse-network analysis of parliamentary debates on the law to raise the retirement age in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2*(180), 116–140. (In Russian). https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2495

Rasch, B.E., & Tsebelis, G. (Eds.). (2011). *The role of governments in legislative agenda setting*. Routledge.

Remington, T. (2008). Patronage and power: Russia's dominant party regime. *Politische Vierteljahresschrift, 49*(2), 213–228. https://doi.org/10.1007/s11615-008-0097-y

Shabrov, O.F. (2012). Political technologies. *Knowledge. Understanding. Skill, 4,* 328–330. (In Russian).

Stapenhurst, R., Jacobs, K., & Eboutou, C.T. (2019). Developing an index of ex-post parliamentary oversight of public finance. *Journal of Legislative Studies, 25*(1), 119–142. https://doi.org/10.1080/13572334.2019.1572617

Tsebelis, G. (1990). *Nested games: Rational choice in comparative politics*. University of California Press.

Wegmann, S. (2020). Policy-making power of opposition players: A comparative institutional perspective. *Journal of Legislative Studies, 27*(2), 247–269. https://doi.org/10.1080/13572334.2020.1843233

Wehner, J. (2006). Assessing the power of the purse: An index of legislative budget institutions. *Political Studies, 54*(4), 767–785. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2006.00628.x

Zaznaev, O.I. (2007). Index analysis of semi-presidential states in Europe and the post-Soviet space. *Polis. Political Studies, 2,* 146–164. (In Russian).

Zaznaev, O.I. (2014). Understanding forms of government in foreign political science: Recent discussions. *Political Science (RU), 1,* 10–33. (In Russian).

Zaznaev, O.I. (2024). The parliamentary apparatus: "Unsung heroes". *Political Science (RU), 3,* 291–302. (In Russian). https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.13

Zubek, R. (2011). Negative agenda control and executive–legislative relations in east central Europe, 1997–2008. *Journal of Legislative Studies, 17*(2), 172–192. https://doi.org/10.1080/13572334.2011.574025

Zubek, R. (2021). Committee strength in parliamentary democracies: A new index. *European Journal of Political Research, 60*(4), 1018–1031. https://doi.org/10.1111/1475-6765.12426

Сведения об авторах:

Помигуев Илья Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, заведующий лабораторией парламентских и законотворческих исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3068-5664)

Алексеев Дмитрий Владимирович — кандидат политических наук, ассоциированный исследователь лаборатории парламентских и законотворческих исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: mityaalexeev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0576-0899)

About the authors:

Ilya A. Pomiguev — PhD in Political SciencesAssociate Professor of the Department of Political Science at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Head of the Laboratory of Parliamentary and Legislative Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: pomilya@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3068-5664)

Dmitry V. Alekseev — PhD in Political Science Associate Researcher, Laboratory of Parliamentary and Legislative Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: mityaalexeev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0576-0899)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 80–95**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-80-95
EDN: KEWGWM

Научная статья / Research article

Роль граждан в современном государстве: механизмы и результаты влияния

Ю.А. Нисневич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Российская Федерация*

✉ jnisnevich@hse.ru

Аннотация. Представлен анализ роли граждан в современном государстве, механизмов и результатов их влияния на управление делами государства, того, каким образом и какое влияние они оказывают на деятельность государства. Показано, что граждане демократических государств оказывают определяющее влияние на деятельность государства посредством института выборов, который позволяет им с периодичностью выборов формировать политические команды для управления делами государства. При этом электоральное поведение граждан не всегда способствует формированию профессиональных управленческих команд из-за значимой поддержки как левого, так и правого популизма. В периоды между избирательными кампаниями граждане используют традиционные формы политических действий — петиции, публичные заявления, коллективные и индивидуальные обращения в органы государственной власти. Современные ИКТ создают условия для расширения масштабов и повышения оперативности использования таких действий. В условиях постиндустриального цивилизационного транзита традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть оказываются недостаточно оперативными и эффективными из-за запаздывающей адаптации политических систем к новым условиям. Для компенсации возникшей дисфункции граждане стали использовать инклюзивный политический институт — публичные массовые акции протеста. В государствах с авторитарным правлением, в которых все традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть блокируются, протестные акции становятся институциональным фактором трансформации правящих режимов. При проведении исследования использовался неоинституциональный подход в сочетании с методом фактологического анализа.

Ключевые слова: государство, граждане, государственная власть, институт выборов, популизм, политические действия, массовые акции протеста

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нисневич Ю.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Нисневич Ю.А.* Роль граждан в современном государстве: механизмы и результаты влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 80–95. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-80-95 EDN: KEWGWM

The Role of Citizens in a Modern State: Rights and Mechanisms of Influence

Yuliy A. Nisnevich

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

✉ jnisnevich@hse.ru

Abstract. The study presents an analysis of the role of citizens in a modern state, the mechanisms and results of their influence on the management of state affairs, and how and what influence they have on the activities of the state. It is shown that citizens of democratic states exert a decisive influence on state activities through the institution of elections, which allows them to periodically form political teams to manage state affairs. However, citizens' electoral behavior does not always facilitate the formation of professional management teams due to significant support for both left-wing and right-wing populism. Between election campaigns, citizens utilize traditional forms of political action—petitions, public statements, and collective and individual appeals to government bodies. Modern information and communication technologies (ICTs) create the conditions for expanding the scale and increasing the efficiency of such actions. In the context of post-industrial civilizational transition, traditional institutions and mechanisms for citizen influence on state authorities are insufficiently responsive and effective due to the delayed adaptation of political systems to new conditions. To compensate for the resulting dysfunction, citizens began to use an inclusive political institution — public mass protests. In authoritarian states, where all traditional institutions and mechanisms for citizen influence over state power are blocked, protests become an institutional factor in the transformation of ruling regimes. The study utilized a neo-institutional approach combined with factual analysis.

Keywords: state, citizens, state power, electoral institution, populism, political actions, mass protests

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Nisnevich, Yu.A. (2026). The role of citizens in a modern state: Rights and mechanisms of influence. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 80–95. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-80-95 EDN: KEWGWM

Введение

Начать представляется целесообразным с разграничения понятий «страна» и «государство», которые в российской политической науке часто используются как синонимы, хотя, строго говоря, таковыми не являются.

Понятие «страна» российский академик Дмитрий Лихачев определил следующим образом: «Страна — это единство народа, природы и культуры» [Лихачев 1984: 27]. В этом определении понятие «народ» используется

в значении, принятом в этнологии (этнографии) и сходных дисциплинах, а именно как «историческая общность людей, сообщество, в основе которого лежит общность происхождения, языка, культуры, исторического опыта и т.д.» [Новая философская энциклопедия 2010]. Важно отметить, что страна в представленном определении не имеет однозначной привязки к конкретной территории.

В рамках методологического подхода к определению понятия через его основополагающие атрибуты, использованного академиком Лихачевым, понятие «государство» можно определить как объединение населения, территории и государственной власти. В этом определении под населением понимается совокупность людей, проживающих на определенной территории, которая включает как граждан, т.е. «лиц, принадлежащих к постоянному населению государства, пользующихся его защитой и наделенных политическими и иными правами и обязанностями» [Ожегов 1988: 117], так и лиц без гражданства.

Под территорией понимается «земельное пространство с определенными границами» [Ожегов 1988: 649], в данном случае границами государства. Государственные границы разделяют все условия, свойства и факторы, влияющие на деятельность государства, на внутренние и внешние, относящиеся к внешней среде, в которой функционирует государство, — мировому пространству.

С понятием территории государства и государственных границ неразрывно связано такое базовое свойство государства, как суверенитет, под которым понимается его независимость во внешних и верховенство во внутренних делах, высшая политическая власть на занимаемой им территории.

В институциональной парадигме российский политолог Александр Соловьев определяет государство как «институт, организующий совместную жизнь населения на определенной территории и обеспечивающий там должный социальный порядок, поддержание соответствующих норм и правил человеческого общежития» [Соловьев 2001: 190].

Рассмотренные подходы к определению государства базируются на том, что таким же основополагающим атрибутом государства, как и государственная власть, является его население, люди, живущие в государстве, и, прежде всего, его граждане.

Еще одним обстоятельством, определяющим ключевую роль людей в государстве, служит то, что для большинства современных государств, по крайней мере формально, их конституциями в той или иной форме установлено, что высшей ценностью является человек, его права и свободы.

Следует особо отметить, что такая высшая ценность не противоречит так называемым традиционным ценностям, по поводу которых в настоящее время ведется множество споров и дискуссий. Например, в России в документе «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденном указом Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809, во главе перечня традиционных ценностей (п. 5) стоит «жизнь, достоинство, права и свободы человека».

Триединая стратегическая цель государств, признающих в качестве высшей ценности человека, его права и свободы, состоит в том, чтобы обеспечить своим гражданам: достойную жизнь и благосостояние; безопасность всех и каждого; свободу выбора и развития. Таким образом, граждане государства выступают не только в качестве субъекта, но и главного объекта деятельности государства, наиболее значимой оценкой качества которого должна служить оценка того, насколько эффективно и успешно государство обеспечивает достижение указанной цели.

Для получения такой оценки могут быть использованы результаты государствоведческих исследований, проводимых межгосударственными и неправительственными организациями [Индексы развития государств мира 2016]. Важно отметить, что результатами большинства государствоведческих исследований служат не оценки качества государства как его многофакторной институциональной характеристики, а качества государственного управления. Безусловно, качество государства существенным образом и во многом зависит от качества государственного управления, но эти характеристики не являются идентичными. Неучет этого обстоятельства может привести к тому, что интерпретация результатов политологических исследований, использующих данные государствоведческих исследований, может оказаться не в полной мере корректной. В качестве примера можно привести исследование, использующее понятие качества функционирования государства, которое характеризует «композитный индекс качества функционирования государства», и этот индекс полностью базируется на данных комплексного исследования Всемирного банка «Показатели качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators)» [Локшин 2011]. Таким образом в данном исследовании определяется зависимость качества функционирования государства исключительно от показателей качества государственного управления.

Исследовательский вопрос состоит в том, какую роль граждане играют в современном государстве, каким образом и какое влияние они и состояние общества оказывают на деятельность государства.

Для проведения исследований с целью получить ответ на поставленный вопрос используется неоинституциональный подход в сочетании с методом фактологического анализа.

Институт выборов как основополагающий механизм влияния граждан на деятельность государства

В качестве основополагающего механизма влияния на деятельность государства его граждан конституционно устанавливается институт выборов, которые определяются как высшее непосредственное выражение их власти.

Ключевое предназначение института выборов состоит в избрании гражданами посредством тайного, равного и всеобщего голосование высших политических должностных лиц государства. Эти высшие политические должностные лица в соответствии с теми или иными процедурами и правилами назначают

всех должностных лиц в системе органов государственной власти, должности которых относятся к политическим. Число таких должностных лиц варьируется в широких пределах от государства к государству. Например, в США число федеральных служащих, назначаемых по политическим мотивам, так как их должности считаются «конфиденциальными, определяющими политику, разрабатывающими политику или пропагандирующими политику», составляет около четырех тысяч.[1]

Институт выборов обеспечивает реальное и непосредственное влияние граждан на деятельность государства за счет того, что именно граждане по результатам выборов определяют политическую команду, которая осуществляет управление делами государства, если на практике действительно реализуется такой политический институт представительной демократии, как свободные, честные и регулярно проводимые выборы на избираемые должности публичной власти.

В государствах с авторитарным правлением институт выборов претерпевает трансформационные изменения для сохранения персонифицированной и властно-распорядительной неизменности действующей власти. Длительная пролонгация правления при легитимации плебисцитарного типа по результатам выборов позволяет команде, управляющей делами государства, ситуационно самомодифицироваться без непосредственного воздействия граждан. В государствах с авторитарным правлением абсолютным рекордсменом по длительности сохранения власти пока остается 93-летний президент Камеруна Поль Бийя, который правит более сорока лет с 1982 г. и в 2025 г. был переизбран на восьмой срок[2]. А рекордсмен по плебисцитарной легитимации почти с абсолютным результатом — президент Руанды Поль Кагаме, который на президентских выборах 2024 г., по официальным данным, набрал 99,15 % голосов избирателей.[3]

В государствах с демократическим правлением ключевыми акторами избирательных процессов служат политические партии.

Члены партии и ее постоянные сторонники представляют собой базовый электорат партии, который является не только объектом, но и субъектом избирательного процесса. Базовый электорат служит источником кадров для предвыборных штабов партийных кандидатов, в том числе и в президенты, и непосредственно участвует в проведении предвыборных мероприятий и агитационных кампаний.

---

[1] *Levitsky S., Way Lucan A.* The Path to American Authoritarianism // Foreign Affairs, March/April 2025. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/path-american-authoritarianism-trump?check_logged_in=1&utm_medium=promo_e-mail:&utm_source=lo_flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_e-mail: &utm_content=20250329 (accessed: 12.10.2025).

[2] В Камеруне самый пожилой президент в мире Поль Бийя переизбран на новый срок // Эксперт, 27 октября 2025. URL: https://expert.ru/news/v-kamerune-samyy-pozhiloy-prezident-v-mire-pol-biyya-pereizbran-na-novyy-srok/ (дата обращения: 12.10.2025).

[3] Сарханянц К. Поль Кагаме второй раз подряд набрал 99% голосов на выборах президента Руанды // КоммерсантЪ. 16.07.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6836347 (accessed: 12.10.2025).

В демократических государствах совокупность базовых электоратов всех партий, участвующих в избирательном процессе, составляет меньшинство от всех избирателей — граждан, обладающих активным избирательным правом. Партийный базовый электорат заметно варьируется для различных государств, и его максимум составляет порядка одной трети от всех избирателей в США, где такой электорат определяется по спискам зарегистрированных избирателей, в которых избиратели могут указывать свою партийную принадлежность (членство в американских политических партиях не фиксируется). В сентябре 2024 г. накануне выборов президента США, которые состоялись в ноябре того же года, в качестве демократов было зарегистрировано 45,1 млн, а в качестве республиканцев — 36 млн человек[4].

Большинство избирателей составляют те, кто определяется со своими электоральными предпочтениями только в ходе избирательной кампании, а многие непосредственно на ее конечном этапе — в процессе голосования, а также приверженцы абсентеизма, которые таким образом отказываются от своего права влиять на деятельность государства посредством института выборов. При этом, как представляется, ни с приверженцев активного абсентеизма как осознанного отказа зарегистрироваться в качестве избирателя или явиться на избирательный участок в день голосования, ни с приверженцев пассивного абсентеизма как следствия политической апатии не снимается ответственность за состояние дел в государстве.

Если рассматривать избирательный процесс с позиции политического рынка [Морозова 1998], то субъекты избирательного процесса — кандидаты в президенты и политические партии выставляют на этот рынок для обмена на голоса избирателей свои предвыборные программы, которые содержат акцентируемые ими проблемы и их предлагаемые решения. Из всего множества разнообразных социальных, экономических и политических проблем, интересующих граждан, субъекты избирательного процесса акцентируют и конкретизируют в том или ином контексте те, которые представляются им наиболее значимыми и способными принести электоральный успех с учетом их декларируемой политико-идеологической ориентации. При этом всегда существуют проблемы, которые ни один субъект избирательного процесса не может игнорировать и которые граждане считают наиболее значимыми и обязательно требующими решения.

Такой ключевой проблемой для граждан большинства современных государств служит проблема социальной справедливости, но не в ее интерпретации философией и социальными науками, где нет единой и общепризнанной трактовки этой проблемы [Григорьев 2008], а в ее понимании многими гражданами как справедливого распределения ресурсов и благ.

Субъекты избирательного процесса, прежде всего, из левой части политического спектра конкретизируют проблему социальной справедливости,

[4] *Романов Р., Касякин И.* Партия Дональда Трампа опережает демократов по количеству новых членов // Ведомости, 22 августа 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/08/22/1133395-partiya-trampa-operezhaet-demokratov (дата обращения: 12.10.2025).

включая в свои предвыборные программы такие положения, как, например, введение прогрессивной шкалы подоходного налога, увеличение социальных пенсий и пособий, предоставление муниципального жилья малоимущим и др. Тема социальной справедливости является одной из ключевых для левых популистов, демагогическая риторика которых импонирует многим гражданам, что усиливает их позиции в поле политики ряда демократических государств. Примером может служить партия СИРИЗА — Коалиция радикальных левых в Греции, которая после победы на досрочных парламентских выборах 2015 г. сформировала однопартийное правительство, но не смогла должным образом управлять делами государства и проиграла последующие парламентские выборы 2019 и 2023 гг. Можно отметить и леворадикальную партию «Подемос» в Испании, которая после своего образования в 2014 г. уже на выборах 2015 г. набрала 12,7 % голосов и заняла четвертое место. А также левую популистскую партию «Непокорённая Франция» во главе с Жан-Люком Меланшоном, который в первом туре президентских выборах 2022 г. занял третье место, набрав 21,95 % голосов.

В настоящее время чрезвычайно острой и актуальной является проблема миграции и главным образом из государств с низким уровнем социально-экономического развития и тех, где происходят природные катастрофы или военные конфликты, включая трансграничные, в государства с развитой экономикой [Положихина 2023]. Модернизация транспортных технологий и либерализация миграционной политики привели к повышению миграционной мобильности, а также увеличению миграционных потоков. В 2024 г. во всем мире насчитывался 281 млн международных мигрантов, а число перемещенных лиц в результате конфликтов, насилия, стихийных бедствий и по другим причинам достигло самого высокого уровня за всю историю наблюдений и составило 117 миллионов млн.[5]

Сегодня проблема миграции в том или ином аспекте находит отражение в предвыборных программах практически всех субъектов избирательных процессов в экономически развитых государствах Европы и в США. И эта проблема породила в поле политики феномен, который обозначается как правый национал-популизм[6]. Благодаря значительной поддержке тех граждан, которые предпочитают простые решения сложных проблем и не хотят задумываться о последствиях таких решений, а также положительно относятся к государственному патернализму правый национал-популизм стал играть существенную роль в поле европейской политики и в США. Так, в США правый национал-популист Дональд Трамп побеждал на президентских выборах в 2016 и 2024 гг.; во Франции лидер ультраправой националистической партии Народный фронт Марин Ле Пен в 2017 г.

[5] Доклад о миграции в мире 2024. Международная Организация по Миграции (МОМ), 2024.

[6] *Фабрикант М.* Национализм и популизм: случайно ли вместе? // Natio et ratio. Фонд либеральная миссия, 21.12.2020. URL: https://liberal.ru/authors-projects/naczionalizm-i-populizm-sluchajno-li-vm

участвовала во втором туре президентских выборов и получила 33,9 % голосов; в Австрии правая национал-популистская Австрийская партия свободы победила на парламентских выборах 2024 г., получив 29,2 % голосов, но не вошла в правительство; в Германии правая национал-популистская партия Альтернатива для Германии на парламентских выборах в 2025 г. заняла второе место и получила 20,8 % голосов; в Нидерландах правая национал-популистская Партия свободы победила на парламентских выборах в 2023 г. с 23,49 % голосов и входила в правительство, а на досрочных выборах 2025 г. с 16,7 % голосов заняла второе место, уступив победившей партии «Демократы 66» лишь 0,2 %.

Национал-популизм порождается не только негативным отношением к мигрантам и национальным элитам, он также применяется как целенаправленно созданная идейно-ценностная конструкция для мобилизации граждан на поддержку действующей власти. В таком качестве национал-популизм используется, например, в Венгрии премьер-министром Виктором Орбаном, возглавляющим партию «Фидес», которая является правящей с 2010 г., и в Индии премьер-министром Нарендрой Моди, возглавляющим партию «Бхаратия джаната парти», которая является правящей с 2014 г.

Национал-популизм служит также питательной средой для авторитарной диффузии — процесса внедрения отдельных авторитарных порядков, практик и технологий в систему демократического правления, признаки которого наблюдаются сегодня не только в Индии и Венгрии, но и в США.

Следует отметить, что и левый популизм, и правый национал-популизм проявляются также на референдумах, которые наряду с выборами конституируются как высшее непосредственное выражение власти граждан. Например, на референдуме 2015 г. в Греции по мерам финансовой политики, предложенным Европейской комиссией, Европейским центральным банком и Международным валютным фондом, большинство проголосовало против, к чему и призывал левый популист премьер-министр Греции Алексис Ципрас. На референдуме 2016 г. в Великобритании, который получил название Brexit, большинство граждан во многом из национал-популистских побуждений без учета возможных последствий поддержало выход Великобритании из Европейского Союза.

Можно констатировать, что электоральное поведение граждан не всегда должным образом обеспечивает поступательное движение демократических государств к их триединой цели — благосостояние, безопасность и свобода выбора для всех граждан, и препятствием, тормозящим такое движение, служат левый популизм с лозунгами социальной справедливости и правый национал-популизм с лозунгами о национальных интересах.

Механизмы влияния граждан на управление делами государства

В периоды проведения избирательных кампаний граждане и их объединения имеют возможность выразить свои частные и корпоративные интересы, свое отношение к политическим, экономическим и социальным процессам

и событиям и тем самым повлиять на управление делами государства способами, доступными и допустимыми при проведении таких кампаний, то есть в основном опосредованно политическими партиями и/или кандидатами в президенты. Эти субъекты избирательного процесса, как уже отмечалось выше, акцентируют и конкретизируют не все проблемы, интересующие граждан, а преимущественно те, которые способны принести электоральный успех. При этом институт выборов работает дискретно с периодичностью проведения выборов, а, следовательно, избирательные кампании также осуществляются дискретно и их проведение законодательно ограничено во времени. Однако политические, экономические и социальные процессы и события протекают непрерывно и с существенно более высокой динамикой изменений, чем периодичность проведения выборов. Поэтому у граждан возникает потребность влиять на управление делами государства, реагируя на непрерывно и динамично изменяющуюся политическую, экономическую и социальную обстановку, не только в процессе проведения избирательных кампаний. Для этого могут быть использованы традиционные формы политических действий — петиции и публичные заявления в средствах массового информирования [Tilly 2004], а также коллективные и индивидуальные обращения в органы государственной власти.

Наиболее действенным представляется механизм подачи петиций, основанный на том, что если в поддержку петиции будет собранно определенное число подписей, то такая петиция подлежит обязательному рассмотрению одним из высших органов государственной власти, но с заранее неопределенным результатом. Так, в Великобритании если петиция соберет десять тысяч подписей, то на нее обязано отреагировать правительство, а если — сто тысяч подписей, то она должна быть обсуждена в парламенте[7].

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создают условия для существенного расширения масштабов и повышения оперативности использования традиционных форм политических действий. Так в настоящее время используется интернет-платформа, специально созданная для сбора подписей в поддержку петиций и направления их органам власти соответствующих государств, например, такие, как Change.org (URL: https://www.change.org/) или openPetition (URL: https://www.openpetition.eu/). Для публичных заявлений по проблемам управления государством могут использоваться не только традиционные медиа (телевидение, радио, печатные издания), но и весь спектр медиакоммуникаций в Интернете, включая социальные сети, которые позволяют оперативно распространять такие заявления для широкого круга пользователей. В целях оперативного направления обращений граждан в органы государственной власти используются цифровые платформы, специально созданные для взаимодействия граждан с органами государственной власти, например, такие, как российский портал Госуслуги (URL: https://www.gosuslugi.ru/).

[7] Petitions — UK Government and Parliament. URL: https://petition.parliament.uk/ (accessed: 12.10.2025).

Следует отметить, что современные ИКТ позволяют конструировать новые электронные механизмы влияния граждан на управление делами государства. Такие электронные механизмы получили название механизмов электронного участия (e-participation), под которыми понимается «комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении, при принятии политических решений, включая реагирование на обращения граждан по широкому кругу проблем» [Чугунов 2017: 15]. При этом электронное участие, призванное обеспечить влияние граждан на управление делами государства, опирается на понятие политического участия — деятельности граждан с целью влияния на принятие политических решений и их осуществление [Чугунов 2017: 16].

В настоящее время механизмы электронного участия интенсивно развиваются и совершенствуются в сфере взаимодействия граждан с органами государственной власти (обращения, заявления, предложения, запросы и т.д.). Однако в сфере непосредственного влияния граждан на управления делами государства путем электронного воздействия на принятие государственной властью политических и управленческих решений существенного прогресса пока не наблюдается. Обусловлено это не проблемами развития ИКТ, а проблемами практической реализации, операционализации тех или иных теоретических подходов к совершенствованию представительной демократии посредством расширения возможностей непосредственного политического участия граждан и их влияния на государственную власть, например, таких конкурирующих подходов, как делиберативная и агонистическая модели демократия [Mouffe 2000].

Публичный массовый протест как средство воздействия на государственную власть

Несмотря на то, что возможности использования традиционных политических действий заметно расширились, продуктивный, полностью удовлетворяющий граждан институциональный механизм оперативного реагирования на такие действия со стороны власти пока не сформировался. Поэтому граждане стали искать другой, на их взгляд более действенный и оперативный, механизм воздействия на государственную власть с целью влияния на управление делами государства. Таким механизмом в настоящее время служит инклюзивный политический институт — публичные массовые акции протеста [Нисневич 2022].

Подъем волны публичных массовых акций протеста и формирования социальных, а точнее, социально-политических движений, основополагающей и консолидирующей формой деятельности которых служат такие движения, как например «Движение возмущенных» (Испания 2011), «Захвати Уолл-стрит» (США 2011), «Черные жизни имеют значение» (США 2013), «Желтые жилеты» (Франция 2018). Их пик пришелся на начало XXI в. и заметно интенсифицировался на фоне мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. [Лапина 2023]. Эту волну американский политолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский

называл «глобальным политическим пробуждением»[8]. Представляется, что «питательной средой» для подъема волны публичных массовых акций протеста, их трансформации из «нерутинизированных способов воздействия на политические, социальные и культурные процессы» [Della Porta, Diani 2006: 165] в институализированный репертуар политических действий, в новый инклюзивный политический институт служит процесс постиндустриального цивилизационного транзита. В ходе этого процесса централизованное и иерархическое построение социального пространства размывается, трансформируется в децентрализованное и распределенное, а само это пространство — в социально-коммуникационное, в котором на основе использования современных ИКТ, систем и сетей неразрывно переплелись социальные и инфокоммуникационные процессы и которое предоставляет широкий набор новых возможностей для проявления социальной активности и самоорганизации граждан, что и служит движущей силой массовых акций.

Массовые акции протеста как средство воздействия на государственную власть использовались и используются как в государствах с авторитарным, так и с демократическим правлением, но с разными целями и результатами.

В государствах с авторитарным правлением все традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть блокируются действующей властью, и только массовые акции протеста дают определенные возможности оказать такое воздействие. Такие акции служат институциональным фактором трансформации правящих политических режимов, и если не их кардинальной смены, то существенных изменений, сопровождающихся отставками и перестановками в высших эшелонах власти, при условии, что массовые протесты граждан поддерживает часть правящей элиты и армия.

Примерами могут служить транзит власти в Казахстане в 2019 г., когда под воздействием акций протеста президент Нурсултан Назарбаев сложил свои полномочия и власть перешла к его преемнику Касым-Жомарту Токаеву, а также события в Бангладеш в 2024 г., когда под воздействием массовых акций протеста, инициированных студентами, премьер-министр Шейх Хасина покинула страну и заявила о своей отставке, и при активном участии военных было сформировано временное правительство.

Следует отметить, что в настоящее время практически ни одно значимое политическое событие в условиях авторитарного правления не происходило и не происходит без протестных акций или попыток проведения таких акций.

В государствах с демократическим правлением, когда в условиях постиндустриального цивилизационного транзита традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть оказываются недостаточно оперативными и эффективными, что можно рассматривать как проявление дисфункции политических систем из-за их запаздывающей адаптации к новым

[8] *Brzezinski Z.* The global political awakening // The New York Times, 16 December 2008. URL: http://www.nytimes.com/2008/12/16/opinion/16iht-YEbrzezinski.1.18730411.html (accessed: 12.10.2025).

условиям, массовые акции протеста выступают в качестве инклюзивного политического института, призванного компенсировать возникшую дисфункцию.

При демократическом правлении мотивацией массовых акций протеста могут служить конкретные решения действующей власти в разных сферах проводимой ею социально-экономической политики. Например, в 2022 г. в нескольких крупных городах Италии прошли массовые акции протеста против увеличения тарифов на электричество и газ[9], в Испании в 2025 г. — против роста цен на аренду жилья[10]. Также мотивацией могут служить проводимые властью государственные отраслевые политики и реформы. Яркий пример — массовые манифестации и профсоюзные забастовки против пенсионной реформы во Франции, которые начались в конце 2019 г. и возобновились с новой силой в 2023 г., когда в акциях протеста приняли участие более миллиона человек[11]. В результате в 2025 г. под воздействием этих акций пенсионная реформа была приостановлена[12]. Примером также могут служить массовые протесты в Болгарии в 2025 г. против бюджетной политики правительства и коррупции, в результате которых правительство сначала отозвало проект бюджета на 2026 г., а позже подало прошение об отставке[13]. Массовые протесты могут быть направлены против высших политических должностных лиц (президентов, премьер-министров, министров) с требованиями их отставки, и во многих случаях лейтмотивом таких требований служит коррупция в высших эшелонах власти. Например, в 2024 г. в Израиле прошла массовая акция протеста с требованием отставки премьер-министра Биньямина Нетаньяху[14], а в 2025 г. в Монголии — с требованием отставки правительства[15].

Следует обратить внимание на то, что публичные массовые акции протеста в государствах с демократическим правлением не носят деструктивный характер по отношению к такому правлению, не направлены против демократии как таковой, а имеют целью призвать власть к устранению того, что граждане

---

[9] В Италии проходят акции протеста против роста энерготарифов // РИА Новости, 03.10.2022. URL: https://ria.ru/20221003/protest-1821207569.html?in=t (дата обращения: 12.10.2025).

[10] В Испании прошли многотысячные протесты против роста цен на жилье // РИА Новости, 05.04.2025. URL: https://ria.ru/20250405/ispanija-2009539583.html (дата обращения: 12.10.2025).

[11] «Черный четверг» поставил под вопрос пенсионную реформу во Франции // РБК, 19 января 2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/01/2023/63c924179a79479286049692 (дата обращения: 12.10.2025).

[12] Национальное собрание Франции утвердило приостановку пенсионной реформы // Интерфакс, 12 ноября 2025. URL: https://www.interfax.ru/world/1057674 (дата обращения: 12.10.2025).

[13] Как бюджетная политика свалила очередное правительство Болгарии // РИА Новости, 11.12.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2025/693b05529a794710ec116c2b (дата обращения: 12.10.2025).

[14] *Макарычев М.* В Израиле прошла крупная акция протеста с требованием отставки Нетаньяху // Российская газета. 10.03.2024. URL: https://rg.ru/2024/03/10/v-izraile-proshla-krupnaia-akciia-protesta-s-trebovaniem-otstavki-netaniahu.html (дата обращения: 12.10.2025).

[15] Протесты с требованием отставки правительства продолжатся как минимум до 22 января — «Альянс свободы» // Asia Russia Daily. 15 января 2025. URL: https://asiarussia.ru/news/44312 (дата обращения: 12.10.2025)./

в текущей ситуации считают недостатками демократического правления, вызывающими их недовольство и неприятие.

Принципиальное значение имеет тот факт, что публичные массовые акции протеста не инициируются, не организуются и не проводятся действующей властью, за исключением тех случаев, когда в государствах с авторитарным правлением массовые мероприятия целенаправленно инициируются властью в ее интересах и для демонстрации ее поддержки.

При проведении публичных массовых акций протеста задача демократической государственной власти состоит в обеспечении соблюдения законодательно установленных порядков и правил проведения таких акций, а также в противодействии беспорядкам и насилию, которые могут иметь место при участии в таких акциях радикально настроенных групп. Например, в Чили в 2019 г. массовые протесты и забастовки против повышения цен на проезд в общественном транспорте сопровождались беспорядками, насилием и столкновениями с представителями сил правопорядка, в результате чего пострадали почти пять тысяч человек[16].

Подготовка и организация проведения массовых акций протеста может осуществляться не только такими институтами гражданского общества, как политические партии, профсоюзы и другие политические и общественные объединения граждан. В современных условиях благодаря массовому использованию социальных сетей и других средств медиакоммуникаций, а также мобильной телефонии и на ее основе мобильного Интернета подготовка и организация массовых протестов могут оперативно осуществляться и без явных лидеров и конкретных организационных структур. Это расширяет возможности проведения протестных акций на регулярной основе.

В рассмотренном контексте инклюзивный институт публичных массовых акций протеста в определенном смысле может рассматриваться как прототип института демократии участия (партисипаторной демократии).

Заключение

Проведенные исследования показали, что граждане государств с демократическим правлением оказывают определяющее влияние на деятельность государства посредством института свободных и честных выборов, который позволяет им с периодичностью выборов формировать политические команды для управления делами государства.

Однако электоральное поведение граждан не всегда должным образом способствует формированию профессиональных политических команд, и причиной этого служит проявляющаяся в настоящее время их значимая поддержка как левого популизма, выступающего под популистскими лозунгами о социальной

[16] Протесты в Чили: ООН призывает правительство извлечь уроки из трагических событий // Новости ООН. 13 декабря 2019. URL: https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369161 (дата обращения: 12.10.2025).

справедливости, так и правого национал-популизма, выступающего под популистскими лозунгами о национальных интересах.

В периоды между избирательными кампаниями граждане используют традиционные формы политических действий — петиции, публичные заявления, коллективные и индивидуальные обращения в органы государственной власти. При этом применение современных ИКТ создает условия для существенного расширения масштабов и повышения скорости использования таких форм политических действий, а также позволяет конструировать новые механизмы электронного взаимодействия граждан с органами государственной власти.

Однако в условиях постиндустриального цивилизационного транзита традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть оказываются недостаточно оперативными и эффективными из-за дисфункции демократических политических систем, которая выражается в их запаздывающей адаптации к новым условиям.

Для компенсации возникшей дисфункции граждане используют инклюзивный политический институт — публичные массовые акции протеста, движущей силой которых служит их социальная активность и самоорганизация. Проявлению этих характерных признаков гражданского общества способствует массовое использованию социальных сетей и других средств медиакоммуникаций.

В государствах с авторитарным правлением все традиционные институты и механизмы воздействия граждан на государственную власть блокируются с целью сохранения правящих политических режимов, и в этих условиях массовые акции протеста становятся институциональным фактором трансформации правящих режимов, и если не их кардинальной смены, то существенных изменений, сопровождающихся отставками и перестановками в высших эшелонах власти.

Поступила в редакцию / Received: 13.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. № 6. С. 112–121.

Индексы развития государств мира : справочник / под ред. Ю.А. Нисневича. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Квашнин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 97–107. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107

Лапина Н.Ю. Социальный протест в глобальном мире // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 7–31. https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01

Лихачев Д.С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. Москва : Советская Россия, 1984.

Локшин И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. 2011. № 4 (63). С. 74–92. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. Москва : РОССПЭН, 1998.

Нисневич Ю.А. Публичные массовые акции протеста: формирование инклюзивного политического института // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 120–134. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-120-134

Новая философская энциклопедия : в 4 томах. 2-е изд., исп. и доп. Институт философии РАН. Москва : Мысль, 2010. (Электронный текст URL: https://iphras.ru/elib/2004.html)

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд. стереотип. Москва: Русский язык, 1988.

Положихина М.А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1. С. 20–37. https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.02

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Москва : Аспект Пресс, 2001.

Чугунов А.В. Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 14–20. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-14-20

Шавеко Н.А. Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика // ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 120–135. https://doi.org/10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

Brennan G. How Digital Media Reshapes Political Activism: Mass Protests, Social Mobilization, and Civic Engagement // Geopolitics, History, and International Relations. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 76–81.

Della Porta D., Diani M. Social Movements: An Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

Mouffe C. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism. Political Science Series 72. Vienna : Institute for Advanced Studies, 2000.

Tilly C. Social Movements 1768–2004. Colorado; London : Boulder, Paradigm Publishers, 2004.

References

Brennan, G. (2018). How digital media reshapes political activism: Mass protests, social mobilization, and civic engagement. *Geopolitics, History, and International Relations*, *10*(2), 76–81.

Chugunov, A.V. (2017). Electronic participation in the context of the transformation of the concept of democracy. *Management Consulting*, *8,* 14–20. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-14-20

Della, Porta, D., & Diani, M. (2006). *Social movements: An introduction*. Blackwell Publishing.

Grigorieva, N.S. (2008). Social justice: Evolution of concepts and practice. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, *6,* 112–121.

Kvashnin, Yu., Kuznetsov, A., Trofimova, O., & Chetverikova, A. (2017). Migration crisis in the EU: National responses to a common challenge. *World Economy and International Relations*, *61*(1), 97–107. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107

Lapina, N.Yu. (2023). Social protest in the global world. *Current Issues of Europe*, *3,* 7–31. https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01

Likhachev, D.S. (1984). *Notes on Russian* (2nd ed., suppl.). Sovetskaya Rossiya.

Lokshin, I.M. (2011). Political regimes and the quality of state functioning: Analysis of the interrelationship. *Politeia, 4*(63), 74–92. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Morozova, E.G. (1998). *Political market and political marketing: Concepts, models, and technologies.* ROSSPEN.

Mouffe, C. (2000). *Deliberative democracy or agonistic pluralism* (Political Science Series 72). Institute for Advanced Studies.

New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. (2nd ed., rev. and enl.). (2010). Moscow: Mysl. Retrieved from https://iphras.ru/elib/2004.html

Nisnevich, Yu.A. (Ed.). (2016). *Country development indices: Handbook*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

Nisnevich, Yu.A. (2022). Public mass protests: Forming an inclusive political institution. *World Economy and International Relations*, *66*(5), 120–134. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-120-134

Ozhegov, S.I. (1988). *Dictionary of the Russian language* (20th ed., stereotype). Russkiy Yazyk.

Polozhikhina, M.A. (2023). Features of modern migrations and their consequences. *Social Innovations and Social Sciences*, *1,* 20–37. https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.02

Shaveko, N.A. (2025). The theory of participatory democracy in the works of its founders and their criticism. *LOCUS: People, Society, Culture, Meanings, 16*(1), 120–135. https://doi.org/10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

Soloviev, A.I. (2001). *Political science: Political theory, political technologies*. Aspect Press.

Tilly, C. (2004). *Social movements 1768–2004.* Paradigm Publishers.

Сведения об авторе:

Нисневич Юлий Анатольевич — профессор, доктор политических наук, профессор департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: jnisnevich@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9911-9623)

About the author:

Yuliy A. Nisnevich — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Politics and Public Administration, National Research University Higher School of Economics (e-mail: jnisnevich@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9911-9623)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 96–111**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

POLITICAL EXPERTISE AND CONSULTING

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-96-111
EDN: KFKKTI

Научная статья / Research article

Специфика осуществления экспертизы политических решений в региональных органах публичной власти современной России: пример Воронежской области

Д.В. Сосунов

Воронежский государственный университет, *Воронеж, Российская Федерация*
✉ den_sosunov@mail.ru

Аннотация. Современные элиты сталкиваются с возрастающим общественным запросом на расширение каналов представительства в процессе принятия политических решений. Различные региональные стейкхолдеры заинтересованы в создании необходимых условий для реализации гражданской активности в органах публичной власти современной России. В данной работе предпринята попытка раскрыть некоторые теоретические и практические аспекты участия представителей научно-экспертного сообщества в публичном управлении конкретного субъекта Российской Федерации. Экспертная работа в регионах ориентирована на обеспечение баланса интересов различных социальных групп, адаптации федеральных политических инициатив к региональным условиям и поддержание устойчивого развития территорий. Цель исследования — уточнение представлений о специфике осуществления экспертизы политических решений в региональных органах публичной власти современной России на примере Воронежской области. Выводы основаны на результатах эмпирического исследования в форме экспертного опроса, который проводился в июле-августе 2025 г. на территории города Воронежа. Метод сбора информации — глубинное интервью, объем выборки — 22 эксперта. Автор выделяет основные форматы взаимодействия органов публичной власти и научно-экспертного сообщества, проблемы и перспективы их сотрудничества, а также ключевые практики формирования экспертного кадрового потенциала региона и уровни осуществления политической экспертизы. Основные специфические характеристики данной экспертизы заключаются в необходимости учета многоуровневого взаимодействия между

© Сосунов Д.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, влияния локальных политических и социальных факторов, а также отсутствии единой нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: органы публичной власти, политическая экспертиза, политические решения, опыт Воронежской области

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Сосунов Д.В.* Специфика осуществления экспертизы политических решений в региональных органах публичной власти современной России: пример Воронежской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 96–111. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-96-111 EDN: KFKKTI

The Expertise of Political Decision-Making in Russia's Regional Authorities: A Case Study of Voronezh

Denis V. Sosunov

Voronezh State University, *Voronezh, Russian Federation*

✉ den_sosunov@mail.ru

Abstract. Modern elites face growing public demand for expanded channels of representation in political decision-making. Various regional stakeholders are interested in creating the necessary conditions for civic engagement in public authorities in modern Russia. This paper attempts to uncover some theoretical and practical aspects of the participation of representatives of the scientific and expert community in public administration in a specific constituent entity of the Russian Federation. Expert work in the regions is aimed at ensuring a balance of interests of various social groups, adapting federal political initiatives to regional conditions, and supporting sustainable development of territories. The purpose of the study is to clarify expert understanding of the specifics of political decision-making in regional public authorities in modern Russia, using the Voronezh Region as an example. The findings are based on the results of an empirical study in the form of an expert survey, which was conducted in July-August 2025 in the city of Voronezh. The data collection method was in-depth interviews; the sample size was 22 experts. The author identifies the main formats of interaction between public authorities and the scientific expert community, the challenges and prospects for cooperation, as well as key practices for developing regional expert capacity and the levels of political expertise. The key specific characteristics of this type of expertise include the need to consider the multi-level interactions between the federal, regional, and municipal levels of government, the influence of local political and social factors, and the lack of a unified regulatory framework.

Keywords: public authorities, expertise, political decisions, Voronezh Region

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sosunov, D.V. (2026). The expertise of political decision-making in Russia's regional authorities: A case study of Voronezh. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 96–111. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-96-111 EDN: KFKKTI

Введение

Формирование различных практик экспертизы региональных политических решений — актуальная и важная составляющая современного российского политического процесса. Механизм анализа и оценки специфики принятия политических решений органами публичной власти различных уровней, а также учета мнений представителей научно-экспертного сообщества претерпевает изменения под воздействием внутренних и внешних вызовов.

Исследование позиций и точек зрения представителей экспертного сообщества в процессе регионального политического управления имеет прикладное значение в различных аспектах взаимодействия органов государственной власти и общества. Государственные и муниципальные служащие в силу объективных ограничений и своих должностных обязанностей не всегда имеют возможность учитывать полноценную и адекватную картину происходящих процессов в разных сферах общественно-политической жизни региона.

В настоящее время на проблему участия экспертов в процессе принятия политических решений высказываются диаметрально противоположные мнения. С одной стороны, многие указывают на недостаточную экспертизу региональных политических решений и/или ее скрытый характер. С другой стороны, в наши дни появился даже термин «экспертократия», обозначающий власть экспертов и их возможности влияния на общественное мнение. Действительно, представители научно-экспертного сообщества свои предложения и рекомендации обосновывают на научном видении окружающей действительности, с использованием прикладных методик анализа и современных достижений общественных наук. Эксперты обладают специализированными знаниями и опытом, что делает их мнение ценным и авторитетным. Вместе с тем, как подчеркивает российский ученый Г.В. Пушкарева, «в социальных науках, где речь идет об исследовании разных сторон функционирования и развития общества, ученому трудно бывает дистанцироваться от сложившихся у него ценностных предпочтений» [Пушкарева 2018: 107]. В этой связи принципиальное и важное значение имеет аксиологическое направление формирования профессиональных навыков эксперта, его ценностных ориентаций и мировоззрения в целом. Ученые и политические консультанты принимают участие в разработке программ долгосрочного развития, оценке конфликтологического потенциала возможных проектов политических решений, прогнозировании и выработке рекомендаций в ходе избирательных процедур. В то же время эксперты, как представители интеллигенции, активно занимаются просветительской работой, созданием новых смыслов, интерпретацией и объяснением основных векторов развития внутренней и внешней политики.

Качество экспертизы политических решений зависит и от целого ряда других факторов и условий. Например, от характера регионального политического режима, истинной мотивации лиц, принимающих решения, от сложившейся институциональной системы взаимодействия органов публичной власти, экспертного сообщества и гражданского общества в целом.

Представляется, что развитие региональной экспертизы политических решений в современной России следует рассматривать через призму трансформации федерализма, централизации власти, появления новых форм участия граждан и формирования инновационных форматов, инструментов взаимодействия органов государственной власти и научно-экспертного сообщества. В данной работе мы рассмотрим предварительные результаты проведенного экспертного опроса и некоторые теоретические аспекты обозначенной проблематики.

Теоретические аспекты исследования

Определяющей тенденцией внутриполитической жизни современных государств является расширение сферы публичной политики, вовлечение граждан в процессы выработки и принятия решений, касающихся наиболее значимых сторон их жизни [Соловьев 2019]. В фокусе внимания российских исследователей неизменно находятся проблемы теоретического анализа и прикладных аспектов процесса принятия политических решений в современной России [GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России... 2024; Соловьев 2019, Сморгунов 2022, Помигуев 2021]. Некоторые ученые рассматривают вопросы повышения эффективности государственной службы сквозь призму внедрения процедур экспертного сопровождения решений [Сатырь 2018]. Модели взаимодействия экспертов и органов государственной власти, проблемы гражданской ответственности и перспектив сотрудничества также вызывают интерес исследователей [Сунгуров 2018].

Политологи указывают на важность процедуры подготовки и обсуждения актуальных вопросов, подлежащих включению в политическую повестку. Представляется, что именно на этом этапе ценность экспертных заключений, рекомендаций будет носить более прагматический характер и принятые решения могут учитывать интересы различных социальных групп. По мнению А.А. Дегтярева, «политическая повестка дня представляет собой совокупность актуальных социальных проблем, которые отражают потребности общества в целом или требования отдельных групп интересов и на которые политики и администраторы готовы и способны реагировать, принимать решения и предпринимать действия» [Дегтярев 2004: 232]. Концепт «политической повестки дня» активно применяется экспертами для конструирования и анализа проектов образа будущего России [Глухова, Сиденко, Сосунов, Щеглова 2020]. Работа российских фабрик мысли в современных условиях, их функции и особенности при принятии решений также анализируются в научной литературе [Сунгуров, Киселева 2023].

Следует начать с определения исходного понятия. «Политическая экспертиза — это особый вид экспертиз, при котором специалистами анализируются и даются оценки различным общественно-политическим инициативам, проектам и публичным программам. Данные работы направлены на обеспечение их эффективности, целесообразности и соответствия общественным интересам» [Сосунов 2025: 230–231].

По мнению А.В. Еленского, «политическая экспертиза призвана способствовать глубокому и всестороннему изучению исследуемого объекта с целью получения необходимой информации, позволяющей субъекту управления принять соответствующее решение для достижения поставленной цели при наименьшей затрате сил, средств и времени» [Еленский 2011].

В процессе принятия политических решений формируются правовые основы общественно-политической жизни, разрабатываются новые «правила игры» и формируются ключевые векторы стратегического развития. Особую актуальность эти явления приобретают на региональном уровне. Как отметил А.Ю. Мельвиль, «важно учитывать, что результаты анализа российских региональных политических явлений и процессов могут так или иначе быть полезны и применительно к субнациональному анализу в других сложносоставных обществах и государствах» [Мельвиль 2020: 38]. В этой связи представляют интерес работы, в которых делается акцент на региональных кейсах конкретных регионов России [Иноземцева 2014, Романовский 2024], или специфика взаимодействия представителей научно-экспертного сообщества с органами государственной власти целой группы регионов РФ [Клименков 2020]. Обращение за помощью к представителям экспертного сообщества, безусловно, является важным трендом в системе публичной власти и современных исследованиях отечественных ученых.

Эмпирическая база исследования

Цель исследования — уточнение представлений о специфике осуществления экспертизы политических решений в региональных органах публичной власти современной России на примере Воронежской области.

Выводы основаны на результатах эмпирического исследования в форме экспертного опроса, который проводился в июле-августе 2025 г. на территории города Воронежа. Методика включала в себя несколько этапов: определение целевой аудитории и экспертов, подготовку сценария интервью, установление контакта с респондентом, проведение интервью и анализ результатов. Важным компонентом стало включенное наблюдение в ходе осуществления экспертной работы Правительства Воронежской области, позволившее зафиксировать эффект эмоционального вовлечения лиц, принимающих решения, и их отношения с представителями научно-экспертного сообщества.

Метод сбора информации — глубинное интервью, объем выборки — 22 эксперта. Условно их можно разделить на две основных группы: «ученые-общественники» и «государственные служащие». В первую группу вошли известные ученые — представители общественных наук, независимые политические аналитики, члены Общественной палаты Воронежской области, участники различных экспертных советов при органах государственной власти, специалисты, обладающие непосредственным опытом экспертизы политико-управленческих решений и авторитетные в регионе общественно-политические лидеры (всего 11 респондентов).

Во второй группе оказались региональные государственные гражданские служащие, в том числе руководители структурных подразделений Правительства Воронежской области и заместители министров, непосредственно принимающие участие в подготовке, выработке и принятии политических решений на региональном уровне, а также сотрудники «среднего звена», в сферу компетенции которых входят вопросы общественно-политических отношений, информационного сопровождения принятых государственных решений и организации проведения экспертных процедур. Кроме того, в данную группу вошли руководители подведомственных учреждений исполнительных органов Воронежской области, а также представители федеральных государственных структур, осуществляющих свою деятельность на территории региона и имеющие опыт взаимодействия с представителями научно-экспертного сообщества (всего 11 респондентов).

Форматы взаимодействия представителей экспертного сообщества и региональных органов публичной власти в процессе экспертизы политических решений

Формы сотрудничества представителей научно-экспертного сообщества и органов публичной власти достаточно многообразны. Специфика заключается в конкретной сфере деятельности, политической воле руководства, сложившемся сообществе экспертов, каналах коммуникации, уровне принятия решения и других условиях.

Субъекты Российской Федерации постепенно выстраивают систему стратегического планирования развития своих территорий. В этой связи профильные региональные исполнительные органы сталкиваются с широким кругом ограничений, изменением социально-экономической конъюнктуры, выстраиванием взаимодействия с местными стейкхолдерами, внутриполитическими проблемами. В целях преодоления обозначенных трудностей руководители органов публичной власти все чаще обращаются за помощью к представителям научно-экспертного сообщества.

В рамках нашего экспертного опроса все опрошенные респонденты отметили актуальность и важность привлечения независимых специалистов в процессе подготовки и принятия политических решений. Государственные служащие, в частности, отмечали:

– *«Объективность и возможность учесть какие-то грани, которые не видны или не учитываются чиновниками при принятии решения».*

– *«Для того, чтобы избежать поверхностности, исключить какие-то ситуативные решения и риски, очень важна экспертная поддержка государственных служащих, руководителей органов власти, вообще всей системы регионального управления».*

Представители научного сообщества также осознают важность экспертного сопровождения процесса принятия решений. Некоторые их них заявили:

– *«На мой взгляд, это очень важно, чтобы экспертное сообщество принимало участие в решениях, потому что оно опирается на опыт теоретический, который позволяет учитывать достижения современной науки, знает опыт российской практики из других регионов, может быть, это может быть использовано».*

– *«По моим наблюдениям, эта практика привыкания к экспертным институтам происходит последние 10 лет, когда в 2014 г. приняли соответствующие документы. Инициатива все же исходила и снизу, то есть общественники хотели, понимали, что где-то им хочется что-то посоветовать, что-то указать при принятии решений. Но главным субъектом опять выступило государство».*

Действительно, взаимодействие происходит в рамках институтов гражданского общества, общественных и экспертных советов и т.д. Например, в соответствии с постановлением Правительства Воронежской области от 20 июля 2020 г. № 675 «Об утверждении Положения об экспертном совете при губернаторе Воронежской области» регламентирована работа данного консультационного органа. В настоящее время Экспертный совет состоит из 26 групп, созданных при исполнительных органах власти. Членами совета являются бизнесмены, общественники и ученые (212 человек), которые принимают участие в обсуждении самых острых и актуальных региональных проблем. *«Насколько мне известно, состав этого совета довольно тщательно подбирается, кандидатуры проходят разные степени проверки. И, соответственно, это тот формат, который потенциально позволяет получить довольно глубокую экспертизу по разным вопросам ввиду очень разностороннего его состава и весьма квалифицированного, статусного в различных областях»,* — отметил один из информантов. Другой эксперт высказал определенное недоверие к деятельности этого совета. Он заметил: *«Я не видел каких-то серьезных изменений, связанных с опорой на экспертный совет. Но учитывается мнение экспертного совета, оно ложится в других документах, и они идут уже дальше на дальнейшее обсуждение, дальнейшую апробацию».*

Формирование *экспертного кадрового потенциала региона* — одна из приоритетных задач публичных органов власти. Именно от профессиональных и личных качеств, мировоззренческих установок приглашенного внешнего специалиста будут зависеть его предложения и выводы. В связи с этим было принято решение о создании кадрового резерва. В соответствии с Распоряжением Правительства Воронежской области № 694-р от 1 июня 2020 г., утвержден реестр независимых экспертов исполнительных органов государственной власти региона. В этот реестр входит 334 человека — наиболее видные ученые по самым разным направлениям жизнедеятельности региона. Следует признать, это не является в полной мере открытым диалогом между властью и обществом на практике, поскольку подобные структуры и списки формируются в значительной мере кулуарно и вне прямого участия граждан, а их деятельность чаще всего непрозрачна. Некоторые эксперты, представленные в этом реестре, узнали о своем включении в реестр из региональных СМИ. Однако само существование

подобных площадок и практик важно, так как именно они в первую очередь составляют основу для формирования альтернативных точек зрения и проектов на вопросы стратегического развития.

В современной российской политологии выделяются различные модели взаимодействия экспертов с органами публичной власти. Например, в работе А.Ю. Сунгурова и К.А. Шамшуры «Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России» отмечено, что «во многих странах наблюдается переход к предложенной Шейлой Джасанофф модели „добродетельного разума“, в рамках которой и эксперты, и представители власти в ходе совместных дискуссий обсуждают возможные варианты решений стоящих в повестке дня проблем, учитывая и их социально-политические последствия. При этом эксперты оказывают влияние и на формирование повестки дня, а акцент делается не на инструментализации науки, а на согласовании научных выводов с широким набором социальных ценностей, особенно с учетом угрозы неизвестности и невежественности» [Сунгуров, Шамшура 2020: 67].

В рамках реализации этой модели на практике особое значение приобретают условия подобного взаимодействия и наличие удобных публичных форматов для качественного обсуждения актуальных проблем и политической повестки дня региона. В качестве таких форматов в Воронежской области можно выделить ежегодные стратегические сессии, форсайт-сессии и «круглые столы» по отдельным отраслям общественной жизни. *«Очень популярны стратегические сессии у нас в регионе. Можно получить какие-то интересные результаты… „Круглые столы“ являются очень активным форматом обсуждения, они небольшие в основном»,* — отметил эксперт. Развитие разнообразных дискуссионных площадок и клубов по интересам также можно назвать в качестве примера обсуждения общественно-политических проблем с участием представителей органов государственной власти и научно-экспертного сообщества. В частности, в регионе активно функционирует «Воронежский клуб политологов», заседания которого проходят в здании областной Думы. В работе клуба принимают участие не только академические ученые, известные журналисты, общественные деятели, но и действующие региональные законодатели и депутаты Государственной Думы РФ.

В последние годы органы публичной власти выступают в роли организаторов крупных публичных форумов, куда приглашают наиболее активных общественников, экспертов и федеральных спикеров. *«Я хочу отметить, что по форматам хорошую практику показывают различные отраслевые мероприятия, форумы, которые позволяют объединить всех заинтересованных участников на одной площадке, дабы понять суть вопросов, которые ставятся на повестке и послушать мнение эксперта»,* — комментирует один из респондентов.

Некоторые участники экспертного опроса из числа государственных служащих указали и на неформальные практики привлечения региональных ученых к экспертизе политических решений. Высокопоставленный чиновник признался: *«Это формат совместного анализа, так бы я его назвал, то есть это коллективный труд, где-то это можно назвать „мозговыми*

штурмами", где-то это можно назвать какими-то экспертными дискуссиями. Таких встреч и обсуждений много, они нацелены на разные сферы деятельности, на разные спектры региональной политики, но наиболее результативным кажется именно очная дискуссия, очное обсуждение тех или иных вызовов».

Респонденты из числа научного сообщества также указывали на наличие узкого пула экспертов вокруг губернатора, которым он доверяет и советуется по широкому кругу вопросов. У других региональных руководителей, как правило, есть свои доверенные внешние профессионалы. *«Есть еще индивидуальное обращение к отдельным экспертам для проведения экспертизы решений и подготовки заключений»,* — подчеркнул эксперт научного сообщества. Таким образом, в данном регионе сложились разноформатные практики привлечения представителей научно-экспертного сообщества к обсуждению актуальных вопросов политической повестки дня. В частности, общественные и экспертные советы, стратегические и форсайт-сессии, дискуссионные площадки и клубы по профессиональным интересам, отраслевые экспертные мероприятия и форумы, а также разнообразные неформальные практики.

Проблемы и перспективы сотрудничества органов публичной власти и регионального экспертного сообщества

Сформированные экспертные и общественные советы при органах государственной власти активно привлекают экспертов для обсуждения важных вопросов регионального развития Воронежской области. Например, рассмотрение основных направлений градостроительной политики, повышения инвестиционной привлекательности региона, развития территориального общественного самоуправления, сохранения культурного наследия, реализации молодежных проектов и т.д. Несмотря на позитивные тенденции, существует ряд проблем, связанных с развитием региональной практики экспертизы непосредственно политических решений.

Во-первых, возникают определенные сложности, связанные с неформальным статусом эксперта и рекомендательным характером предложенных инициатив, а также различными, совещательными экспертными процедурами. *«Мы бьемся в рамках общественной палаты региона и федеральных структур за то, чтобы экспертизу сделать обязательной. И если не принимаются экспертные заключения, чтобы органы власти давали аргументированный ответ, почему они не учитывают научное заключение»,* — посетовал один из опрошенных респондентов.

Во-вторых, со стороны органов публичной власти не всегда наблюдается мотивация в проведении качественной и независимой экспертизы политических решений. Кроме того, региональные власти довольно болезненно воспринимают даже конструктивную критику в свой адрес. Ряд опрошенных экспертов указали на это в своих ответах:

– *«Власть наша в регионе не нуждается в экспертизе. Они очень самоуверенные. И мнение экспертов их не волнует в этом плане. Поэтому это, конечно, опасная ситуация, потому что понятно, что политик видит лишь под определенным углом зрения ход событий».*

– *«Первая ключевая проблема, как мне представляется, власть просто боится критики, боится услышать, что можно делать иначе. Неверие представителей власти в возможности гражданского общества, возможности научного сопровождения».*

В-третьих, следует признать наличие определенного круга проблем в самом экспертном сообществе Воронежской области, связанных с нехваткой квалифицированных кадров, получением доступа к актуальной политической информации, недостаточным финансированием, а также наличие определенного скепсиса со стороны регионального бюрократического аппарата. Например, эксперты из чиновников отмечали:

– *«Если даже те, кто работает в непосредственной близости к лицам, принимающим решения в политической сфере, не имеют соответствующего доступа, тогда зачем этот доступ предоставлять тем же самым представителям вузовского сообщества?».*

– *«У нас нет экспертизы политико-управленческих решений. Давайте начнем с самого простого. В Воронеже нет: а) экспертного сообщества; б) нет инструментария, который бы объединял экспертное сообщество; в) нет денег для того, чтобы оплачивать эту работу», — резюмировал один из заместителей регионального министра.*

В-четвертых, недостаточная координация между центром и регионами. Отсутствие четких механизмов взаимодействия между региональными властями и представителями экспертного сообщества, отсутствие четких критериев оценки результатов политической экспертизы, проблема имплементации принятых политических решений, наличие скрытых конфликтов между различными органами публичной власти. *«Вы знаете, там только обсуждают, но не принимают решения. Даже если и принимают решения, ими потом эти решения „забуксовываются“. Они дальше бумаг не уходят. Знаете, я один раз в экспертной группе участвовала, и опять-таки настолько какая-то конфронтация между органами власти. Они друг друга сразу начинают обвинять»,* — поделился участник экспертного опроса.

Говоря о перспективах сотрудничества органов публичной власти и представителей научно-экспертного сообщества Воронежской области, было предложено опрошенным экспертам высказаться о возможности и необходимости принятия отдельного регионального нормативно-правового документа, который бы регулировал отношения между экспертами и чиновниками. В процессе принятия этого политического решения региональные стейкхолдеры могли бы внести свои предложения и детально обсудить обозначенные выше проблемы. Наличие публичных дискуссионных площадок и цифровых экспертных платформ способствовало бы повышению эффективности каналов политической коммуникации и получению

оперативной «обратной связи» от представителей научно-экспертного сообщества.

Необходимо отметить, что в регионе предпринимались попытки принятия Закона Воронежской области «Об экспертном обеспечении деятельности органов государственной власти Воронежской области». Инициатором подготовки данного законопроекта выступило одно из структурных подразделений Правительства Воронежской области, которое непосредственно взаимодействовало с федеральными и региональными экспертами. Однако данная законотворческая инициатива не получила дальнейшего развития.

В настоящее время все опрошенные группы респондентов по-разному оценили необходимость и перспективу принятия подобного регионального политического решения. Условно все ответы экспертов можно разделить на три блока:

1. Позитивная оценка. Ряд экспертов указали на необходимость установления понятных «правил игры» с публичными органами власти. В частности, прозвучали следующие мнения:

– *«Я думаю, что закон нужен, потому что институционализация — это всегда важный аспект для какого-либо упорядочения, для стабильности системы».*

– *«Нужен целостный нормативно-правовой акт. У нас нет сертифицированных экспертов, которые бы могли давать такие заключения».*

– *«Должно быть ощущение безопасности, что у тебя не будет трудностей и проблем, если ты напишешь, объяснишь так, как ты это видишь».*

2. Нейтральная оценка. Эксперты в целом поддерживают идею создания институциональных рамок для экспертной работы в органах публичной власти региона, но при этом не должно быть универсальных документов, а каждое структурное подразделение должно самостоятельно определиться с форматами и регламентами взаимодействия с экспертным сообществом. Например, некоторые респонденты отметили:

– *«Поэтому, мне кажется, нужен не один нормативно-правовой акт, а каждое ведомство, каждое министерство, каждое управление должно определить для себя этот формат общения на уровне одного министерства».*

– *«Мое мнение, не совсем так он нужен. Прямо в виде закона, может быть, какие-то должны основные положения, либо там не знаю, какое-то закрепление нормативными актами в локальном плане».*

3. Негативная оценка. Часть опрошенных респондентов не считает необходимым установление законодательного регулирования экспертного сопровождения политических решений в Воронежской области. Поэтому, по их мнению, не стоит принимать нормативно-правовых актов, направленных на регламентацию этой сферы. Высказывались следующие суждения:

– *«У нас присутствует порядка 30 министерств на текущий момент в Правительстве Воронежской области, еще полтора десятка различных управлений. И сферы их деятельности настолько разнообразны, обширны, что загнать это в рамки одного нормативно-правового акта — это будет скорее некое рамочное соглашение».*

– «Не надо его, это просто „норматив ка“, которая потом переходит в разряд „обязаловок“, а уже после происходит выхолащивание. Ну, по крайней мере, это моя точка зрения».

– «Мне кажется, нет, потому что за этим пойдет… слишком все будет зарегламентировано, забюрократизировано. Мы уйдем в цифры, излишний контроль».

Таким образом, в регионе можно зафиксировать научно-практический дискурс по вопросу привлечения экспертов в органах публичной власти. По всей видимости, этот тренд был задан экс-губернатором Воронежской области А.В. Гордеевым, в стиле управления которого была «ориентация на экспертное сопровождение процесса принятия политических решений. Для этого в составе правительства Воронежской области было образовано управление, у которого не было аналогов в России, — это Управление экспертной и контрольной работы» [Сосунов 2015: 122]. В настоящее время правопреемником данного структурного подразделения стало Министерство внутренней политики Воронежской области, которое активно взаимодействует с Администрацией Президента России. По мнению политолога Александра Романовского, «следует обратить внимание на то, что администрация главы государства стала ведущим политическим актором, формирующим внутреннюю политику, и в этом ключе произошло расширение ее воздействия на региональный уровень государственной власти. Основным же политическим институтом, оказывающим такое влияние, является Управление Президента Российской Федерации по внутренней политике» [Романовский 2020: 79].

Заключение

Экспертиза политических решений в региональных органах публичной власти современной России — это сложный и многоуровневый процесс, направленный на повышение эффективности государственного управления. Формальные механизмы появились и укрепляются, но качество экспертизы ограничивается ресурсами, политической средой и прозрачностью процедур. В Воронежской области сформировалось три уровня осуществления экспертизы политических решений.

Первый уровень связан с деятельностью различных общественных и экспертных советов при органах публичной власти. Среди наиболее активных опрошенные эксперты называли советы, действующие при министерствах внутренней политики, экономического развития, культуры и управления молодежной политики Воронежской области. В ходе формирования данных структур особое внимание уделяется профессиональным и личным качествам кандидатов, их идеологическому мировоззрению. *«К сожалению, не всегда по профессиональным качествам оценивают экспертов. И опасаются привлекать тех людей, которым не доверяют»,* — отметил опрошенный эксперт-чиновник.

Второй уровень характеризуется проведением различных отраслевых мероприятий, стратегических сессий, «круглых столов», конференций

и дискуссионных площадок с участием представителей научно-экспертного сообщества.

Третий уровень — это непубличные и неформальные встречи лиц, принимающих решения, с доверенными внешними специалистами-практиками. *«Наиболее действенные формы экспертной поддержки происходят именно в таких совместных обсуждениях, совместной дискуссии»,* — подчеркнул высокопоставленный руководитель структурного подразделения Правительства Воронежской области.

Признание важности системной коммуникации органов публичной власти с научно-экспертным сообществом в рамках региональной и муниципальной публичной политики характеризует серьезный ментальный поворот правящей элиты региона в сторону современных практик публичного управления. К сожалению, далеко не всегда данные практики носят публичный, открытый характер и, как правило, не отражены в действующем региональном законодательстве. Интересно, что большинство опрошенных экспертов-чиновников и представителей научного сообщества не видят целесообразности в принятии отдельного нормативно-правового акта, который регулировал бы вопросы взаимодействия независимых экспертов и органов публичной власти.

Тем не менее дальнейшее развитие процедуры экспертизы политико-управленческих решений потребует сочетания институциональных реформ, политической воли руководителей, профессионального развития экспертного сообщества и технологий повышающей прозрачности их участия, при этом учитывая специфические политические и правовые ограничения современной региональной среды.

Поступила в редакцию / Received: 26.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Глухова А.В., Сиденко О.А., Сосунов Д.В., Щеглова Д.В. В поисках желаемого будущего российская внутриполитическая повестка дня // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 2. С. 43–52. https://doi.org/10.31857/S013216250008493-5 EDN: DMIVLY.

Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с. EDN: YMAOGL.

Дегтярев А.А. Принятие политических решений : учеб. пособие для вузов / Нац. фонд подготовки кадров ; Моск. школа соц. и экон. наук. Москва : Кн. дом «Университет», 2004.

Еленский А.В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 57–70.

Иноземцева В.А. Экспертно-аналитическая деятельность в сфере публично-государственного управления в Республике Карелия // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 25–37. EDN: YJTDMH.

Клименков М.А. Научно-экспертное сообщество и власть: специфика и модели взаимодействия (на примере регионов СФО) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 296–304. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304 EDN: PXPFBY.

Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03 EDN: EBFWBX.

Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 176–191. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13 EDN: ASPQNF.

Пушкарева Г.В. Знание и ценности в публичной политике // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие : коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. Москва : Аспект Пресс, 2018. EDN: YWHIFV.

Романовский А.А. Процесс оптимизации институтов управления внутренней политикой в регионе (на примере Воронежской области) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 79–84. EDN: GVIVSI.

Романовский А.А. Реализация аналитических функций в сфере внутренней политики в исполнительных органах регионов Сибирского федерального округа // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2024. Т. 49. С. 34–42. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.34 EDN: AMYBHN.

Сатырь Т.С. Экспертное сопровождение деятельности органов власти в процессе принятия государственных управленческих решений // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 2. С. 20–26 https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-20-26 EDN: XPAUOL.

Сморгунов Л.В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. 2022. № 1. С. 14–20. EDN: LPVRVV.

Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130–142. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10 EDN: XTUVED.

Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. Прогосударственные «фабрики мысли»» в современной России: функциональный подход // Политическая наука. 2023. № 4. С. 155–185. http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.06 EDN: YUTVNQ.

Сунгуров А.Ю., Шамшура К.А. Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. 2020. № 1. С. 64–86. http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03 EDN: QQLHAZ.

Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02 EDN: LIKWHTф.

Сосунов Д.В. Стилистические характеристики системы принятия политических решений губернатора А.В. Гордеева и ее основные вызовы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 120–123. EDN: VDKTER.

Сосунов Д.В. Экспертное сопровождение принятия политических решений на региональном уровне РФ // Региональная политика и региональное управление : учебник / колл. авт.; под общ. ред. Д.В. Сосунова и А.В. Глуховой. Москва : КНОРУС, 2025. С. 228–240. EDN: YWBIXG.

GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России: комплексный анализ и прикладные технологии / под ред. А.А. Дегтярева, А.С. Тетерюка. Москва : Прометей, 2024.

References

Degtyarev, A.A. (2004). *Political decision-making: A textbook for universities.* Knizhnyj Dom "Universitet". (In Russian).

Degtyarev, A.A., & Teteryuk, A.S., (Eds.). (2024). *GR management of business organizations in modern Russia: Comprehensive analysis and applied technologies*. Moscow: Prometey. (In Russian).

Glukhova, A.V., Sidenko, O.A., Sosunov, D.V., & Scheglova, D.V. (2020). In search of the desired future — Russia's domestic political agenda. *Sociological Studies*, *46*(2), 43–52. (In Russian) https://doi.org/10.31857/S013216250008493-5

Inozemtseva, V.A. (2014). Expert and analytical activity in the sphere of public administration in the Republic of Karelia. *Studia Humanitatis Borealis / Northern Humanitarian Studies*, (2), 25–37. (In Russian).

Klimenkov, M.A. (2020). Scientific expert community and government: Specifics and models of interaction (using the Siberian Federal District regions as an example). *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*, *5*(3), 296–304. (In Russian) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304

Melville, A.Yu. (2020). "Emerging from the ghetto": On the contribution of post-Soviet research / Russian studies to contemporary political science. *Polis. Political Studies*, (1), 22–43. (In Russian) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03

Pomiguev, I.A., & Alekseev, D.V. (2021). "Zeroing out bills": Discontinuity as a technology for blocking political decisions. *Polis. Political Studies*, (4), 176–191. (In Russian) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13

Pushkareva, G.V. (2018). Knowledge and values in public policy. In L.V. Smorgunov (Ed.), *Public policy: Institutions, digitalization, development* (pp. 349). Aspekt Press. (In Russian).

Romanovsky, A.A. (2020). The process of optimization of domestic policy management institutions in the region (on the example of the Voronezh region). *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, (4), 79–84. (In Russian).

Romanovsky, A.A. (2024). Implementation of analytical functions in the sphere of domestic policy in the executive bodies of the regions of the Siberian Federal District. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, *49*, 34–42. (In Russian) https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.34

Satyr, T.S. (2018). Expert support for the activities of government bodies in the process of making public management decisions. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, *18*(2), 20–26. (In Russian) https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-20-26

Smorgunov, L.V. (2022). Joint management and cooperation in the public authority system. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History, Political Science, Sociology*, (1), 14–20. (In Russian).

Soloviev, A.I. (2019). The government's political agenda, or why the state needs society. *Polis. Political Studies*, (4), 8–25. (In Russian) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02

Solovyov, A.I. (Ed.). (2018). *Civil sector of public administration*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. (In Russian).

Sosunov, D.V. (2015). Stylistic characteristics of the political decision-making system of Governor A.V. Gordeev and its main challenges. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, (3), 120–123. (In Russian).

Sosunov, D.V. (2025). Expert support for political decision-making at the regional level of the Russian Federation. In D.V. Sosunov & A.V. Glukhova (Eds.), *Regional policy and regional management* (pp. 228–240). Moscow: KNORUS. (In Russian).

Sungurov, A.Yu. (2018). Expert community and government: Models of interaction and problems of civic responsibility. *Polis. Political Studies*, (4), 130–142. (In Russian) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10

Sungurov, A.Yu., & Kiseleva, D.A. (2023). Pro-government think tanks in contemporary Russia: A functional approach. *Political Science (RU)*, (4), 155–185. (In Russian) http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.06.

Sungurov, A.Yu., & Shamshura, K. (2020). Political science and expert knowledge: Development in modern Russia. *Political Science (RU)*, (1), 64–86. (In Russian) http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03.

Yelensky, A.V. (2011). Political expertise: Genesis, concept, and cognitive capabilities. *Voprosy Filosofii*, (2), 57–70. (In Russian).

Сведения об авторе:

Сосунов Денис Владимирович — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета (ВГУ) (e-mail: den_sosunov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2344-6526)

About the author:

Denis V. Sosunov — PhD in Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science at Voronezh State University (e-mail: den_sosunov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2344-6526)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 112–128**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-112-128
EDN: KFYOVR

Научная статья / Research article

Современные геополитические модели в прикладном исследовании международных процессов: анализ российско-китайского партнерства во французской либерально-консервативной школе

П.А. Цыганков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

✉ tsygankp@mail.ru

Аннотация. На фоне непрерывного роста значения геополитической проблематики в исследовании внешнеполитических процессов XXI века заслуживает внимания ее отражение в материалах многочисленных западных экспертно-аналитических центров. В данной связи представляет интерес французский веб-сайт *diploweb.com La révue géopolitique*, выполняющий своего рода «зонтичную» роль для целого ряда идейно близких ему структур. Созданный в 2000 г., он позиционируется его руководством и научным советом как «Первый франкофонный сайт по геополитике». В основе его позиций лежит приверженность либерально-консервативной идеологии со свойственными ей отличиями от универсалистского глобализма и противостоянием национал-популизму, с одной стороны, и авторитаризму — с другой. Одна из постоянных тем публикуемых на сайте материалов касается геополитики российско-китайских отношений. Показано, что их трактовка сводится к трем концептуальным моделям: «Альянс авторитаризмов», «Вассализация России» и «Дуополь на троих, четвертый в засаде». На основе текстологического подхода и дискурс-анализа сделан вывод о том, что высказываемые на сайте взгляды не подтверждают декларируемого его Хартией идейного плюрализма. Скорее их характеризует свойственная либеральному консерватизму идейная непримиримость по отношению к иной точке зрения. Доминирующими являются не столько попытки объективного исследования внешнеполитических процессов, касающихся российско-китайского партнерства, сколько стремление вносить вклад в установки правящего в ЕС истеблишмента и принимаемые им решения на данном направлении.

Ключевые слова: российско-китайское партнерство, геополитика, французские экспертно-аналитические центры, либеральный-консерватизм, идейная непримиримость, установки правящего истеблишмента

© Цыганков П.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Цыганков П.А.* Современные геополитические модели в прикладном исследовании международных процессов: анализ российско-китайского партнерства во французской либерально-консервативной школе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 112–128. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-112-128 EDN: KFYOVR

Geopolitical Models of the Russian-Chines Partnership in the Studies of the French Liberal-Conservative School

Pavel A. Tsygankov

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ tsygankp@mail.ru

Abstract. Against the background of continuous growth of the importance of geopolitical issues in the study of foreign policy processes of the 21st century, its reflection in the materials of numerous Western expert and analytical centers deserves attention. In this regard, the French website *diploweb.com La révue géopolitique* is of interest, performing a kind of "umbrella" role for several ideologically close structures. Created in 2000, it is positioned by its management and scientific council as the "First Francophone site on geopolitics". Its positions are based on commitment to liberal-conservative ideology with its inherent differences from universalist globalism and opposition to national populism, on the one hand, and authoritarianism, on the other. One of the constant themes of the materials published on the site concerns the geopolitics of Russia-Chinese relations. The article shows that their interpretation comes down to three conceptual models: "Alliance of Authoritarianisms", "Vassalization of Russia" and "Duopoly for three, the fourth in ambush". Based on the textual approach and discourse analysis, it is concluded that the views expressed on the site do not confirm the ideological pluralism declared by its Charter. Rather, they are characterized by ideological intransigence towards other points of view, characteristic of liberal conservatism. What dominates are not attempts at an objective study of foreign policy processes concerning the Russia-Chinese partnership, as the desire to contribute to the attitudes of the ruling establishment in the EU and the decisions it makes in this area.

Keywords: Russia-Chinese partnership, geopolitics, French think tanks, liberal conservatism, ideological intransigence, attitudes of the ruling establishment

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Lomonosov Moscow State University

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Tsygankov, P.A. (2026). Geopolitical models of the Russian-Chines Partnership in the studies of the French liberal-conservative school. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 112–128. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-112-128 EDN: KFYOVR

Введение

В калейдоскопе современных событий на пути к новой конфигурации международной системы тема российско-китайского партнерства и его значения как для обеих стран, так и для глобальной политики не случайно занимает огромное место в западных, в частности европейских, «мозговых центрах». Пристальное внимание к состоянию российско-китайских отношений объясняется не только весом обеих стран в мире, но и той озабоченностью, которую укрепление их сотрудничества порождает у Европы с точки зрения сохранения своего влияния в Евразийском регионе и в мировой политике в целом. В таком контексте вызывают интерес взгляды на российско-китайские отношения французских экспертно-аналитических структур.

Российско-китайское сотрудничество и его воздействие на мировую политику — одна из приоритетных тем веб-сайта *Diploweb.com. La révue géopolitique*, который основан в 2000 г. и к настоящему времени занял заметное место среди влиятельных фабрик внешнеполитической мысли во Франции, а также в Бельгии и Швейцарии[1].

Цель исследования — проверка декларируемого Хартией сайта «плюрализма идей как гарантии качества информации граждан и неотъемлемой необходимости демократии»[2]. Исследовательская гипотеза состоит в том, что публикации *Diploweb* призваны поддерживать нарративы правящего во Франции и в ЕС истеблишмента, обосновывая и продвигая его решения, и одновременно убеждать его в необходимости укреплять «европейскую солидарность» перед лицом угрозы со стороны «объединенных автократий». Изучение материалов сайта и близких ему «по духу» других экспертно-аналитических центров — как частных, так и государственных или с участием госструктур, с которыми он тесно сотрудничает, дает основания утверждать, что их содержание свидетельствует об идейной «монолитности», касающейся внешнеполитических позиций России и Китая.

Для раскрытия темы используется сочетание текстологического подхода и эмпирического дискурс-анализа. Текстология изучает «характер самих текстов, цели, ради которых они составлялись, причины их изменений и т.п. в составе контекста» [Лихачев 1964: 10]. В данном случае важно, что она позволяет выявлять объективные признаки, дающие основания рассматривать материалы *Diploweb.com* «как текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое» [Лихачев 1964: 6]. Дискурсивный анализ рассматривает текст как один из видов (единиц) более широкой категории высказываний, с помощью которых передается социальный смысл и частью которых являются идеологии. В этой связи тексты могут рассматриваться как социальные микропроцессы, а их воздействие на социальную среду — например, на аргументы

[1] Diploweb.com. La revue géopolitique. URL: https://www.diploweb.com/ (accessed: 24.09.2025).

[2] Charte du site géopolitique Diploweb.com URL: https://www.diploweb.com/La-charte-du-diploweb-com.html (accessed: 24.09.2025).

социальных акторов (таких, как государственные лидеры или политические партии) — исследоваться на основе «текстуально-ориентированного дискурсивного анализа» [Larsen 1997: 14–16].

В структурном плане статья состоит из нескольких разделов. Вначале кратко рассматривается идейно-политический и институциональный контекст, в котором функционирует *Diploweb.com*. Далее исследуются модели, характерные для публикуемых на сайте материалов российско-китайского партнерства. Вслед за М.А. Хрусталевым под моделью здесь понимается «логическая конструкция, отображающая определенные (как правило сущностные) свойства объекта исследования» [Хрусталев 2008: 205]. Применительно к *Diploweb.com* в статье выделяются три неформализованные (вербальные) модели: «Альянс авторитаризмов», «Вассализация России» и «Дуополь на троих». В заключительном разделе резюмируются основные аргументы, подтверждающие гипотезу об идейной ангажированности каждой из выделенных моделей и показывающие несоответствие трактовок геополитического дискурса *Diploweb.com* тем принципам, которые провозглашены в его Хартии.

Идейно-политический и институциональный контекст геополитического дискурса сайта Diploweb.com

Идейно-политический контекст, в котором функционирует сайт *Diploweb.com*, представлен либерально-консервативной идеологией[3], корни которой восходят к эпохе Просвещения [Гаджиев 2015]. В настоящее время она является преобладающей политической силой во Франции, в большинстве стран Евросоюза и в его руководстве. Конкретные проявления либерального консерватизма в разных государствах варьируются, в целом же его положения и установки близки универсалистской идеологии глобализма, с позиций которой уровень демократичности той или иной страны измеряется едиными стандартами, выработанными западной цивилизацией. Вместе с тем от глобализма его отличают, во-первых, акцент на сохранении общего культурного наследия и традиций европейских стран; во-вторых, указание на необходимость не столько экспорта универсальных западных ценностей (хотя и эта тема никуда не делась), сколько на потребности их защиты от экспансии исторически и культурно чуждых «автократий»; в-третьих, противопоставление глобальным корпорациям, склонным смешивать политические цели с финансовой и экономической прибылью. Важная особенность либерального консерватизма состоит и в том, что, провозглашая превосходство единых идеалов перед «частными» интересами отдельных

[3] Об особенностях либерально-консервативной идеологии в странах Запада см.: Лев Сокольщик. Консерватизм в США — на страже либеральной империи? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konservatizm-v-ssha-na-strazhe-liberalnoy-imperii/https://www.isidewith.com/ru/ideologies/liberal-conservatism (дата обращения: 24.09.2025); Особенности консервативных движений в Европе. URL: https://katehon.com/ru/article/osobennosti-konservativnyh-dvizheniy-v-evrope (дата обращения: 24.09.2025).

демократий и национальных экономик, он одновременно решительно противостоит и идеологии правого (или национального) популизма, выступающего за ограничение функций общеевропейских институтов и сохранение национальной (государственной) идентичности стран — членов ЕС[4]. В Европе дискуссии либеральных консерваторов о содержании и разновидностях популизма, в сущности, сводятся к обоснованию утверждений о том, что борьба с ним представляет собой своего рода «внутренний фронт» на уровне отдельных стран (как, например, партии АДГ в Германии, Национальное объединение во Франции, Лига Севера в Италии, Podemos в Испании) и Евросоюза (в частности, правящие силы в Венгрии, Словакии, Польше)[5]. Популизм рассматривается как «ущербная демократия», «тень европейской демократии», т.е. как преимущественно внутренний вызов, который должен и может быть преодолен на пути дальнейшей ее плюрализации [Müller 2016]. В то же время его опасность связывается с главной внешней угрозой для европейских идеалов и образа жизни, якобы исходящей от России и Китая, которые пытаются всеми способами, в том числе и через поддержку популистских движений и лидеров, дестабилизировать Евросоюз, захватить его отдельные страны и доминировать в них в своих собственных интересах[6].

Подобные нарративы поддерживаются и обосновываются сотрудничающими друг с другом многочисленными консультативными и экспертными геополитическими фондами, лабораториями и так называемыми «фабриками мысли». Согласно *Global Go To Think Tanks Index* (GGTTTI) в 2017 г. во Франции насчитывалось 197 экспертно-аналитических центров, что ставило ее на 6-е место в мире по количеству подобных «лабораторий идей». В то же время *l'Observatoire Européen des Think Tanks* (OETT) приводила более скромную цифру — 53 «фабрики мысли»[7]. Такой разрыв в оценках объясняется тем, что исследования GGTTTI проводятся Пенсильванским университетом, тогда как OETT — это правительственная организация во Франции, склонная принимать во внимание прежде всего те аналитические центры, которые отвечают критериям некоммерческой деятельности, имеют статус так называемой общественно-полезности или находятся на пути его получения.

[4] В академической среде отсутствует единое понимание термина популизм, в связи с чем специалисты говорят даже о кризисном характере исследований данного феномена (Доклад № 365–2019 г. Правый популизм в Европейском союзе [монография] / П.В. Осколков.). Общие черты и национальные особенности популизма подробно рассматриваются в Аналитическом докладе ИМЭМО «Феномен правого и левого популизма в странах ЕС». URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad.pdf (дата обращения: 24.09.2025).

[5] Les Carnets du CAPS n°25 : Populismes — Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-centre-d-analyse-de-prevision-et-de-strategie/publications-les-carnets-du-caps/les-carnets-du-caps-no25-populismes/ (accessed: 24.09.2025).

[6] Andrea Capussela. Notes pour une autonomie républicaine européenne. URL: https://legrandcontinent.eu/fr/2025/08/08/trump-autonomie-republicaine-europe/ (accessed: 24.09.2025).

[7] Les principaux think tanks français URL: https://www.challenges.fr/economie/les-principaux-think-tanks-francais_64327 (accessed: 24.09.2025).

По данным Института *Challenges*, «фабрики мысли» являются одним из видов организаций, которым доверяет 57 % французов. Этот показатель ставит их почти на один уровень с НПО (60 %) и значительно опережает СМИ (28 %) и политические партии (12 %), которых они, тем не менее, подпитывают своими идеями[8], в том числе и либерально-консервативной направленности.

Партнерские отношения с *Diploweb.com* поддерживают неправительственные и государственные структуры страны. С ним тесно взаимодействует ряд авторитетных европейских неправительственных мозговых центров. Это, например, базирующийся в Париже и Брюсселе *Институт Томаса Мора* (2004), позиционирующий себя «одновременно лабораторией инновационных решений, центром экспертизы и центром влияния»[9], *Институт Монтеня* (2000), «являющийся эталоном во Франции и Европе и местом размышлений и действий, идей и решений»[10], *Фондапол* (2004) — «либеральный, прогрессивный и европейский аналитический центр»[11], *Большой Континент* (Le Grand Continent)[12] — онлайн-журнал, издаваемый с 1919 г. на французском, немецком, испанском, итальянском и польском языках Европейской и французской *Группой политических исследований* (Groupe d'études géopolitiques — GED)[13], *Synopia — Лаборатория управления*, созданная в 2012 г. и внесенная в список «признанных научных организаций, представляющих общий интерес»[14]. Среди государственных (или с участием государства) структур во Франции это Институт стратегических исследований военного училища (IRSEM)[15], Средиземноморский фонд стратегических исследований (FMES)[16], основанный в 1996 г. при содействии Inalco и Сьянс По онлайн-журнал *Взгляд на Восток (Regard sur l'Est)*[17], и многие другие французские и франкофонные европейские экспертные структуры и институты международных и стратегических исследований. С июля 2000 г. по настоящее время на сайте *Diploweb.com* размещено около 35 000 материалов 300 экспертов. Его подписчиками являются пользователи Интернета из 94 стран мира (71 % — граждане Франции, Бельгии и Швейцарии). Сайт имеет 35 тыс. подписчиков в соцсетях и 1,2 млн посещений в год. Материалы, размещаемые

[8] Quels sont les meilleurs think tank de France? URL: https://www.challenges.fr/economie/quels-sont-les-meilleurs-think-tank-de-france_455063 (accessed: 24.09.2025).

[9] Qui sommes-nous ? Institut Thomas More. URL: https://institut-thomas-more.org/qui-sommes-nous/#staffTab0 (accessed: 24.09.2025).

[10] Accueil | Institut Montaigne. URL: https://www.institutmontaigne.org/ (accessed: 24.09.2025).

[11] Présentation de la Fondapol : équipe, statuts, charte déontologique… URL: https://www.fondapol.org/ (accessed: 24.09.2025).

[12] Le Grand Continent | Accueil. URL: https://legrandcontinent.eu/fr/ (accessed: 24.09.2025).

[13] Groupe d'études géopolitiques. Annuaire des "think tanks" et centres de recherche sur les affaires européennes. URL: https://ue.delegfrance.org/annuaire-des-think-tanks-et (accessed: 24.09.2025).

[14] Synopia | Le laboratoire des gouvernances. URL: https://synopia.fr/ (accessed: 14.09.2025).

[15] Présentation de l'Institut de recherche stratégique de l'École militaireL'IRSEM. URL: https://www.irsem.fr/institut.html (accessed: 24.09.2025).

[16] Home — Fondation Méditerranéenne d'Études Stratégiques. URL: https://fmes-france.org/ (accessed: 24.09.2025).

[17] Regard sur l'Est. Revue. URL: https://regard-est.com/ (accessed: 24.09.2021).

на сайте, не только отражают, но и в определенной степени формируют позиции значительной части политической элиты, академических кругов и широкой публики, интересующейся тем, что происходит в мировой политике. Во всяком случае, именно такую цель ставят перед собой руководство и научный совет данного центра, «предлагающие ключи к пониманию современного мира»[18].

Авторами аналитических материалов, обзоров и интервью в текстовом и видеоформатах выступают профессора престижных университетов, французских Больших школ, журналисты-международники, известные французские и иностранные политики, высокопоставленные действующие и отставные госслужащие и дипломаты, представители военного ведомства, полиции и спецслужб. Основатель сайта, совладелец доменного имени и владелец бренда Пьер Верлюиз — именитый профессор университета Париж-IV Сорбонна (UPS)[19]. «Лекторат» *Diploweb* — это высокообразованные люди, 84 % которых имеют ученую степень магистра (15,3 %) и выше (68,6 %), треть имеет ежемесячный доход свыше 3000 евро (23 % свои доходы не декларирует). Наконец, 62 % читателей представлено университетскими профессорами и учеными, действующими и отставными государственными функционерами, военными и полицейскими служащими, коммерсантами и лицами свободных профессий, еще 16 % — студенты[20]. Материалы *Diploweb.com* периодически публикуются в виде книг. В частности, рассматриваемой проблематике в 2016 и в 2018 гг. было посвящено два объемистых издания [Verluise 2016; Verluise 2018]. Только В 2017–2018 гг. через Amazon.fr распространялось 7 книг под грифом Diploweb. Все это дает основания рассматривать материалы *Diploweb.com* как репрезентативные с точки зрения занимаемого ими места в политологическом сообществе страны и ЕС и того значения, которое в нем придается тематике российско-китайских отношений.

В трактовках российско-китайского сотрудничества существуют расхождения. Так, сторонники радикальных позиций склонны отрицать и за Китаем, и за Россией наличие каких-либо законных оснований на собственные интересы и ценности в отношениях с Западом. Об этом свидетельствует общее содержание большинства публикаций сотрудничающих с Diploweb.com авторов [Donnet 2021; Chamontin, Facon 2022; Gourdin 2019; Mongrenier 2020, Mongrenier 2024]. Более умеренных позиций придерживаются *A. Ekman, P. Marchand, A. de Tinguy* [Ekman 2018; Marchand 2017; de Tinguy 2022]… Есть разногласия в оценке стратегического потенциала Китая и России, их роли в региональной политике и влияния на трансформацию миропорядка. И все же, несмотря на эти различия, по всем вышеуказанным вопросам преобладает сходство позиций, которое может быть резюмировано в трех геополитических моделях.

[18] La charte du diploweb.com. 1er mars 2001. URL: https://www.diploweb.com/La-charte-du-diploweb-com.html (accessed: 24.09.2025).

[19] Pierre VERLUISE. URL: https://www.diploweb.com/_Pierre-VERLUISE-1_.html (accessed: 24.09.2025).

[20] La charte du diploweb.com. URL: https://www.diploweb.com/La-charte-du-diploweb-com.html (accessed: 24.09.2025).

Истоки и основы партнерства России и Китая: модель «Альянса автократий»

В вопросе об истоках и основах сотрудничества России и Китая преобладающей является точка зрения, согласно которой Россию и Китай объединяет общая враждебность по отношению к Западу, исторические страсти и обиды[21]. Сближение двух стран облегчается их политическими традициями восточного деспотизма, автократических методов управления во внутренней политике и имперской практики в международных отношениях[22]. Поэтому и сегодня партнерство России и Китая — это прежде всего альянс между автократиями, новая «красная ось» государств, которым по определению свойственно проводить агрессивную внешнюю политику по отношению к своим соседям[23]. Обе страны чужды демократическим ценностям и проявляют «юридический нигилизм», пренебрегая нормами международного права[24]. В конечном итоге как Россия, так и Китай — это «хищники», представляющие собой угрозу не только для Запада, но и для всей планеты[25]. Все

[21] Comment caractériser la place de la Russie dans le monde ? Entretien avec J.S. Mongrenier Par Daphné VAN OSSEL, Jean-Sylvestre MONGRENIER, le 12 mars 2024. URL: https://www.diploweb.com/Comment-caracteriser-la-place-de-la-Russie-dans-le-monde-Entretien-avec-J-S-Mongrenier.html (accessed: 24.09.2025).

[22] Découvrir l'Atlas historique de la Russie. D'Ivan III à Vladimir Poutine. Entretien avec F.X. Nérard, le 15 septembre 2024. URL: https://www.diploweb.com/Decouvrir-l-Atlas-historique-de-la-Russie-D-Ivan-III-a-Vladimir-Poutine-Entretien-avec-F-X-Nerard.html; La Russie dans le monde : quelles singularités ? Anne de TINGUY, Laurent CHAMONTIN, le 30 mai 2019. URL: https://www.diploweb.com/La-Russie-dans-le-monde-quelles-singularites.html (accessed: 24.09.2025).; Approches historiques et politiques de la guerre en Ukraine. Céline MARANGE, le 26 mars 2023. URL: https://www.diploweb.com/Approches-historiques-et-politiques-de-la-guerre-en-Ukraine.html (accessed: 24.09.2025); Quel est le projet géopolitique de la Chine de Xi Jinping ? le 20 mai 2025. URL: https://www.diploweb.com/Planisphere-Quel-est-le-projet-geopolitique-de-la-Chine-de-Xi-Jinping-Avec-C-Meyer.html (accessed: 24.09.2025).

[23] Le partenariat Chine-Russie : vers une alliance entre autoritarismes ? Les grands dossiers de diplomatie n° 73. avril — mai 2023; Les relations stratégiques sino-russes, Xi Jinping et Vladimir Poutine : un nouvel axe rouge ? Entretien avec Thierry Fortin, le 3 août 2020. URL: https://www.diploweb.com/Les-relations-strategiques-sino-russes-Xi-Jinping-et-Vladimir-Poutine-un-nouvel-axe-rouge-Entretien.html (accessed: 24.09.2025).

[24] Jean-Sylvestre Mongrenier. Le «nihilisme juridique» russe et la geopolitique Russie-Occident, le 23 janvier 2011. URL: https://www.diploweb.com/Le-nihilisme-juridique-russe-et-la.html (accessed: 24.09.2025).

[25] P.-A. Donner. Chine, le grand prédateur. Un défi pour la planète. Pourquoi ? Entretien avec Pierre-Antoine Donnet. Par Pierre VERLUISE, Pierre-Antoine DONNET, le 26 septembre 2021. URL: https://www.diploweb.com/Chine-le-grand-predateur-Un-defi-pour-la-planete-Pourquoi-Entretien-avec-Pierre-Antoine-Donnet.html (accessed: 24.09.2025); Les prédateurs du Kremlin (1917–2009), Hélène Blanc, Renata Lesnik, éd. Seuil. Ilios YANNAKAKIS, le 29 mai 2009. URL: https://www.diploweb.com/Les-predateurs-du-Kremlin-1907.html (accessed: 24.09.2025); Le géant empêtré. La Russie et le monde de la fin de l'URSS à l'invasion de l'Ukraine. Entretien avec A. de Tinguy Par Anne de TINGUY, Pierre VERLUISE, le 12 novembre 2022é URL: https://www.diploweb.com/Le-geant-empetre-La-Russie-et-le-monde-de-la-fin-de-l-URSS-a-l-invasion-de-l-Ukraine-Entretien-avec.html (accessed: 24.09.2025); Scénarios pour la Chine. Ludovic Woets 2001. URL: https://www.diploweb.com/Scenarios-pour-la-Chine.html (accessed: 24.09.2025); Les États-Unis et la nouvelle Guerre froide : la fin des illusions ? Par Laurence SAINT-GILLES, le 22 mars 2020. URL: https://www.diploweb.com/Les-Etats-Unis-et-la-nouvelle-Guerre-froide-la-fin-des-illusions.html (accessed: 24.09.2025)..

это, по мнению авторов *Diploweb,* является весомым основанием для дальнейшего усиления давления Запада на обе страны.

С точки зрения сторонников либерального консерватизма, особую угрозу российско-китайское партнерство представляет для Евросоюза. Китай, по их мнению, использует созданные его дипломатическими структурами сети массового промышленного шпионажа, ведет агрессивную дезинформацию через свои официальные СМИ, благодаря огромным высокотехнологичным инвестициям осуществляет крупнейшую за все времена операцию политических и экономических завоеваний через свою Инициативу Пояс и Путь (ИПП)[26]. Россия одновременно с военным вызовом поддерживает крайне правых и нападает на конституционные демократии в Европе[27]. Авторы *Diploweb* уже в начале 2000-х гг. усматривали угрозу в сотрудничестве Европы с Россией, считая, что оно чревато риском невыгодной для ЕС «перебалансировки» отношений как внутри его, так и его взаимодействий с США[28].

Общность неоимперской геополитики Китая и России, как утверждают авторы Diploweb, представляет собой вызов и угрозу не только для Евросоюза и Великобритании, но и для НАТО. Особенно много на эту тему публикует на сайте Ж.С. Монгренье, директор по исследованиям Института Мора. Хотя названия большинства его статей и интервью посвящены России, характерно, что ее геополитика описывается им в тесной связи с геополитикой Китая. По его мнению, агрессивность двух стран находит разные региональные проявления: территориальные претензии России и Евразии находятся на Западе, претензии Китая — на Востоке. В то же время в глобальном масштабе обе державы проводят согласованную политику, цель которой оказывать давление на НАТО и препятствовать ее действиям. Для Запада это неприемлемо, поскольку «противоречит расширению границ свободы». Перед лицом подобных амбиций российско-китайской «оси хаоса», — утверждает Монгренье, — глобальной ставкой становится создание «геополитической Европы» от Атлантического океана до бассейна Дона, от Арктики до Сицилийского моря[29]. О том, что Евросоюз в свете вызовов со стороны России и Китая должен решительно продвигаться по пути становления глобального геополитического игрока, играющего роль самостоятельной силы (наряду или вопреки Америке), говорят также Жозефина Старон, директор отдела исследований и международных отношений

[26] Chine, le grand prédateur. Un défi pour la planète. Pourquoi ? Entretien avec Pierre-Antoine Donnet. URL: https://www.diploweb.com/Chine-le-grand-predateur-Un-defi-pour-la-planete-Pourquoi-Entretien-avec-Pierre-Antoine-Donnet.html (accessed: 24.09.2025).

[27] Pièces de doctrines L'Europe face à Trump : que faire ? Notes pour une autonomie républicaine européenne. URL: https://legrandcontinent.eu/fr/2025/08/08/trump-autonomie-republicaine-europe/ (accessed: 10.10.2025).

[28] La politique de sécurité de la Russie. Entre continuité et rupture, Yves Boyer et Isabelle Facon (dir.) Pierre Verluise, le 1er janvier 2001. URL: https://www.diploweb.com/La-politique-de-securite-de-la.html (accessed: 09.09.2025).

[29] Comment comprendre les relations transatlantiques ? Avec J-S Mongrenier. URL: https://www.diploweb.com/Planisphere-Comment-comprendre-les-relations-transatlantiques-Avec-JS-Mongrenier.html (accessed: 09.09.2025).

неправительственного аналитического центра «Synopia», и старший аналитик государственного Института высших исследований национальной обороны (IHEDN) С. Бургдорф[30].

Впрочем, по мнению экспертов *Diploweb*, в перспективе российско-китайское сотрудничество не может быть прочным[31]. Взаимное недоверие существует даже тогда, когда у них объективно совпадают интересы. Заявленная руководством двух стран политика сопряжения ИПП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обречена на провал ввиду дисбаланса в их потенциалах[32]. На основе подобных рассуждений выстраивается довольно распространенная в среде европейских экспертов модель «вассализации» России Китаем.

Трактовки мотивов и противоречий партнерства: модель «вассализации России»

По мнению большинства авторов *Diploweb*, у Китая и России нет достаточных мотивов для продолжения сотрудничества в будущем. Так, например, стремление совместно преодолеть гегемонию Запада и уравновесить его политическую и экономическую мощь, как и взаимовыгодность сотрудничества в энергетике и хозяйственной деятельности, не может скрыть «неестественный» характер их союза. Китайско-российское сближение, с точки зрения экспертов Diploweb.com, является в основном политической демонстрацией, ибо в реальности оно сталкивается с многочисленными препятствиями. Среди причин по меньшей мере неоднозначного будущего китайско-российских отношений называют притязания на обширные дальневосточные территории России со стороны Китая; его гигантскую демографическую массу при огромных потребностях в сырьевых ресурсах, которые резко контрастируют с малонаселенностью и изобилием сырья в российской Восточной Сибири. Кроме того, это и расхождение интересов между Пекином и Москвой в Зауралье и Центральной Азии; несовместимость геоэкономических проектов и геополитического

[30] Staron J. Pourquoi l'UE doit-elle enfin se penser comme une puissance ? URL: https://www.diploweb.com/Planisphere-Pourquoi-l-Union-europeenne-doit-elle-enfin-se-penser-comme-une-puissance-Avec-J-Staron.html; C. Burgdorff. Vers une Europe géopolitique? URL: https://www.diploweb.com/Vers-une-Europe-geopolitique-Entretien-avec-C-Burgdorff.html (accessed: 09.09.2025).

[31] La Russie après Poutine : quels scénarios de transformation? Par Laurent CHAMONTIN, le 7 octobre 2015. URL: https://www.diploweb.com/La-Russie-apres-Poutine-quels.html (accessed: 09.09.2025).

[32] Les relations stratégiques sino-russes, Xi Jinping et Vladimir Poutine : un nouvel axe rouge ? Par Thierry FORTIN, Thomas BILLEBAULT, le 3 août 2020. URL: https://www.diploweb.com/Les-relations-strategiques-sino-russes-Xi-Jinping-et-Vladimir-Poutine-un-nouvel-axe-rouge-Entretien.html (accessed: 09.09.2025); Russie-Chine : des relations ambivalentes. Par Pierre ANDRIEU, le 27 septembre 2020. URL: https://www.diploweb.com/Russie-Chine-des-relations-ambivalentes.html (accessed: 09.09.2025); Quelle est la place du spatial dans la stratégie militaire russe ? Anne MAURIN, le 23 août 2023. URL: https://www.diploweb.com/Quelle-est-la-place-du-spatial-dans-la-strategie-militaire-russe.html (accessed: 09.09.2025); La Russie a-t-elle les moyens économiques de ses ambitions géopolitiques ? Cyrille BRET, Michaël BEGORRE- BRET, le 2 janvier 2016. URL: https://www.diploweb.com/La-Russie-a-t-elle-les-moyens.html (accessed: 09.09.2025).

поведения; несопоставимость экономического, технологического и финансового уровней двух стран; наконец, связанные с этими факторами их взаимные подозрительность.

Совокупность указанных факторов, по утверждению военных экспертов, свидетельствует о том, что союз между Россией и Китаем противоестествен и не будет долговечным. Нынешние отношения «безграничной дружбы» между Китаем и Россией, как считает функционер Минэкономики и финансов С. Висенти [Vicenty 2023], являются лишь эфемерным моментом, подобным периоду Мао-Сталин. «Страсти и обиды, — подчеркивает Ж.С. Монгренье, — это важные исторические и политические факторы», что же касается современного состояния отношений двух стран, то оно характеризуется все более очевидными уступками со стороны России экономическим и политическим приоритетам Китая. Подобная асимметрия в отношениях уже привела к «ползучей вассализации» России Китаем» [Montgrenier 2024][33].

В шаткости китайско-российского сближения призваны убеждать красноречивые названия публикуемых статей и интервью: «Китайско-российский „медовый месяц“ перед лицом (несовместимого) взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Инициативой „Один пояс, один путь“» (М. Булег, научный руководитель программы по Евразии, Чатем-Хаус, 2017); «Россия-Китай: Амбивалентность отношений» (P. Andrieu, экс-посол Франции в Молдавии и Таджикистане, преподаватель Сьянс ПО, 2020); «Китайско-российские стратегические отношения. Си Цзиньпин и Владимир Путин: новая красная ось?» (Т. Фортэн, разведуправление, 2020); «Соответствует ли геополитическое поведение Китая поведению России?» (С. Висенти, функционер Министерства экономики и финансов, 2023).

Необходимо отметить, что в целом в подобного рода утверждениях не содержится фундаментальной новизны. В измененном виде в них отражаются проблемы и противоречия, которые действительно имеют место в сопряжении проектов российского и китайского интеграционных проектов. На эту тему существует значительный массив академической литературы [Лукин 2020; Денисов, Лукин 2021; Торкунов, Стрельцов 2023; Маслов 2025], она широко обсуждается экспертами, чиновниками и политиками двух стран[34]. Как у России, так и у Китая имеются свои собственные, различающиеся интересы в мире. Россия не спешит открывать все свои рынки для китайских товаров,

[33] Comment comprendre les relations transatlantiques ? Avec J-S Mongrenier. URL: https://www.diploweb.com/Planisphere-Comment-comprendre-les-relations-transatlantiques-Avec-JS-Mongrenier.html (accessed: 09.09.2025).

[34] См.: *Бордачев Т.* Восточный поворот на новом этапе: ВЭФ дает оценку отношений России и Азии. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vostochnyy-povorot-na-novom-etape/ (дата обращения: 09.09.2025); Российско-китайский диалог: модель 2022. Доклад РСМД, ИДВ РАН и ИМИ Фуданьского университета № 78 / 2022. URL: https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2022/ (дата обращения: 09.09.2025); *Маслов А.* Россия и Китай: стратегическое партнерство в условиях глобальных перемен. 3 апреля 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-strategicheskoe-partnyerstvo-v-usloviyakh-globalnykh-peremen/ (дата обращения: 19.09.2025).

стремясь сохранить достаточное пространство для национальных производителей. Госкомпании Китая из опасения американских «вторичных санкций» отказываются от российской нефти, что сбивает и мировые цены. В Пекине хотят получать российский газ по ценам, близким к внутренним российским, и не финансировать строительство газопровода, однако такие условия лишают проект экономического смысла для России[35]. Есть разногласия, касающиеся экономических и транспортных проектов в Арктике и Средней Азии, структуры взаимной торговли и ряда других вопросов. В публикуемых с 2014 г. докладах «Российско-китайский диалог» эксперты РСМД, ИКСА РАН и Фуданьского университета приводят результаты ежегодного мониторинга динамики развития двустороннего сотрудничества. На основе анализа проблем и трудностей взаимодействия в торгово-экономической, финансово-банковской, транспортно-логистической и гуманитарной сферах формулируются рекомендации о путях их разрешения для профильных министерств и ведомств[36]. Вопросы сопряжения ИПП и ЕАЭС являются предметом постоянного внимания[37]. Иначе говоря, сложности и противоречия не представляются непреодолимыми, вместо этого идет постоянная работа по продвижению сотрудничества при учете и уважении интересов каждой из сторон. Не являются фундаментальным препятствием для партнерства двух стран и различия в их представлениях о справедливом миропорядке и его структуре.

Оценки стратегических перспектив партнерства Китая и России: модель «Дуополь на троих, четвертый в засаде»

Тем не менее в материалах, размещенных в Diploweb на эту тему, проводится мысль об «априорной непримиримости» и даже «концептуальной несовместимости» стратегических интересов двух стран. Некоторые эксперты Diploweb полагают, что в технологической и особенно в военной области для России основным азиатским партнером является не Китай, а Индия. Россия и Индия связаны несколькими самыми современными в мире программами вооружений. Поэтому именно российско-индийское партнерство в перспективе может стать настоящей евразийской технологической осью. Этому способствует то, что между Россией и Индией нет никаких споров, в отличие от российско-китайских отношений (Маршан, 2017). Что же касается Китая, то для него

[35] Reuters сообщил об отказе госкомпаний Китая от российской нефти из-за санкций США. 25.03.25. URL: https://www.forbes.ru/biznes/532719-reuters-soobsil-ob-otkaze-goskompanij-kitaa-ot-rossijskoj-nefti-iz-za-sankcij-ssa; Китай объяснил нежелание покупать российский газ по новому маршруту. 15.04.25. URL: https://news.mail.ru/economics/65839778/?from=swap&swap=2 (accessed: 19.09.2025).

[36] Российско-китайский диалог: модель 2024: доклад № 94 / 2024 [К.В. Бабаев, Ли Цзяньминь, Ю.Ю. Мельникова и др.; под ред. С.М. Гавриловой и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва : НП РСМД, 2024.

[37] *Петровский В.Е., Кулинцев Ю.В., Ларионова А.Н., Чай Юй Ван, Чэньсин Цзян, Цзин.* Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы. Аналитическая записка 29 / 2020. URL: https://russiancouncil.ru/papers/EAEU-BRI-PolicyBrief29.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

Россия «недостаточно азиатская страна», а при желании Москвы ни от кого не зависеть и гигантских геополитических амбициях Китая любое сотрудничество в сфере обороны и в стратегически важных областях кибербезопасности и ядерной энергии будут накладывать ограничения на их сотрудничество[38].

Для либерально-консервативных геополитологов все это выступает дополнительной причиной глубоких расхождений между двумя странами в вопросе о роли и целях российско-китайского сотрудничества в меняющемся миропорядке. В данной связи утверждается, что если Россия явно хочет преодолеть однополярную конфигурацию и предложить альтернативный взгляд на международную систему, то Китай стремится лишь уравновесить западную мощь в интересах Пекина, но не ставит ее под вопрос. Москва больше нуждается в Китае, чем наоборот, не только в экономическом плане, но и в плане поиска дипломатических противовесов. В то же время и она не имеет реального интереса к формальному стратегическому союзу, который помимо угрозы ее суверенитету мог бы нанести ущерб ее многостороннему сотрудничеству с другими государствами.

Поскольку между двумя державами отсутствует формальный союз, а существует лишь «мягкий альянс», то это означает, что общность их стратегических интересов касается лишь среднесрочной перспективы. Долгосрочные национальные интересы России и Китая расходятся в том, какую структуру придать новому миропорядку. Москва рассматривает будущие стратегические события в трехполярном мире с Китаем и Соединенными Штатами, Пекин же имеет в виду международную систему как принципиально биполярную с Вашингтоном[39]. В итоге, по словам П. Орсье из Института средиземноморского Фонда стратегических исследований (FMES), сложная игра выглядит следующим образом. Китай и США бросают вызов друг другу, пытаясь ослабить друг друга игрой союзов и санкций, но при этом тесно сотрудничают в экономическом плане. Россия играет в конфронтацию, надеясь воспользоваться выгодными последствиями возможного китайско-американского заноса. Ее единственная сила сегодня заключается в военном потенциале (ослабленном, однако, войной на Украине), включая гигантский ядерный арсенал, эквивалентный американскому. Одновременно в это соревнование включается Индия, которая долгое время поддерживала Россию, но сегодня обладает потенциалом для разработки собственной всеобъемлющей силовой стратегии и выхода на подиум. Занимая взвешенную позицию, она в то же время стремится «не оказаться в подчинении китайского руководства, сделать себя незаменимой и получить, наконец, место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В результате конфигурация грядущего мирового порядка предстает в виде

[38] Les relations stratégiques sino-russes, Xi Jinping et Vladimir Poutine : un nouvel axe rouge? Entretien avec Thierry Fortin. URL: https://www.diploweb.com/Les-relations-strategiques-sino-russes-Xi-Jinping-et-Vladimir-Poutine-un-nouvel-axe-rouge-Entretien.html (accessed: 19.09.2025).

[39] La « lune de miel » sino-russe face à l'(incompatible) interaction entre l'Union Economique Eurasienne et la « Belt & Road Initiative » Par Mathieu BOULEGUE, le 15 octobre 2017. URL: https://www.diploweb.com/La-lune-de-miel-sino-russe-face-a-l-incompatible-interaction-entre-l-Union-Economique-Eurasienne-et.html (accessed: 19.09.2025).

оригинальной формулы: «Дуополь на троих, четвертый в засаде»[40]. Другими словами, ни одна из великих держав не стремится к многополярности, а, напротив, хочет добиться ведущих позиций для себя за счет других, в том числе и за счет развивающихся стран. Наиболее радикально эта мысль выражена в статьях и интервью J.-S. Montgrenier. В его представлении сам термин «многополярность», задуманный и разработанный Евгением Примаковым, это не что иное, как «боевая доктрина». В ней выражается скрытое стремление постсоветской России организовать широкий и единый фронт против Запада. Центральная опора этого фронта, ее ось — союз Москвы и Пекина. Поэтому Запад должен сделать все, чтобы противостоять этой оси, в частности в Арктике, в Евразийском регионе и в Африке[41].

Заключение

Таким образом, за период, насчитывающий четверть века, тема российско-китайского сближения не выходит из поля зрения «первого франкоязычного сайта по геополитике». Напротив, она привлекает заметно возрастающее внимание его руководства, научного совета и авторов. Сопоставление высказываемых на сайте взглядов показывает многообразие сюжетов, характера приводимой аргументации, глубины погружения в те или иные стороны исследуемой темы. Встречаются и достаточно близкие к реальности рассуждения о мотивах сближения Китая и России не в терминах автократии и агрессивности, а на основе общего для обеих стран политического видения глобальной стабильности, обеспокоенности расширением НАТО и в целом «стратегией окружения», призванной существенно ограничить их зоны влияния[42]. Многие констатируют высокий уровень китайско-российского экономического взаимодействия, особенно в военно-технической и энергетической сферах. Справедливо подчеркивается и то, что двусторонние отношения официально основаны на фундаментальных принципах равенства и невмешательства во внутренние дела[43].

---

[40] Carte. Rivalités entre grandes puissances, un duopole à trois, le quatrième en embuscade. Par Institut FMES, Pascal ORCIER, le 26 février 2025. URL: https://www.diploweb.com/Carte-Rivalites-entre-grandes-puissances-un-duopole-a-trois-le-quatrieme-en-embuscade.html (accessed: 19.09.2025).

[41] Géopolitique de la Russie dans le monde en 2024. Entretien avec J.S. Mongrenier. Интересна мысль при этом мысль Монгренье о том, что одной клеветы (dénigrement) для разрушения такой опоры недостаточно. Примеров такой клеветы и в самом деле немало. См., например, утверждения А. де Тенги о том, что за взрывами Северных потоков стоит Россия, или же о «многочисленных военных преступлениях» в ходе СВО на Украине в публикациях Франсуазы Том.

[42] Quelles perspectives pour le partenariat stratégique sino-russe ? Par Sébastien FONTAINE, le 1er avril 2008. URL: https://www.diploweb.com/Quelles-perspectives-pour-le.html (accessed: 19.09.2025). “Saisir le vent chinois dans les voiles russes” (Vladimir Poutine). Par Pascal Marchand, le 26 juillet 2014. URL: https://www.diploweb.com/Geopolitique-de-la-Russie.html (accessed: 19.09.2025).

[43] La relation Russie-OTAN : entre le marteau et l’enclume. Par Mathieu BOULEGUE, le 22 octobre 2016. URL: https://www.diploweb.com/La-relation-Russie-OTAN-entre-le.html (accessed: 19.09.2025).

Тем не менее текстуально-ориентированный анализ не подтверждает заявленных в Хартии *Diploweb* «столкновения позиций, спокойных и уважительных дискуссий и многообразия подходов»[44]. Обращение к неформализованным (вербальным) моделям, при всех неизбежных в подобных случаях упрощениях, показывает, что существо публикуемых материалов сводится к вариациям трех повторяющихся сюжетов-моделей. Во-первых, к тому, что единственно прочным и относительно устойчивым мотивом партнерства России и Китая, как двух автократий, является борьба против лидерства Запада и его идеалов демократии. Во-вторых, что асимметрия взаимных отношений лишает росийско-китайский союз стратегической перспективы. В-третьих, что, несмотря на все свои противоречия, этот союз представляет собой угрозу для Запада, ибо Москву и Пекин объединяет стремление перекроить в свою пользу постбиполярный миропорядок.

Все более откровенно враждебный характер антироссийской и антикитайской риторики публикуемых на сайте материалов демонстрирует обеспокоенность их авторов влиянием Китая и России в мировой политике XXI в. на фоне увеличения социально-экономических трудностей в Европе. Довольно отчетливо просматривается и другая цель, обозначенная мейнстримом нынешней европейской политики на данном направлении: в опоре на либерально-консервативные установки консолидировать ЕС и трансатлантическое сообщество в целом вокруг угрозы со стороны «объединенных авторитаризмов».

Однако в начале 2025 г. европейская политическая элита столкнулась на этом пути с непредвиденными трудностями. Глобализм Джо Байдена, хотя и не совпадающий, но во многом близкий установкам Евросоюза, уступил место национальному эгоизму Дональда Трампа под лозунгом «Make America Great Again», что усилило позиции правопопулистской тенденции в самом Евросоюзе. И если прежде разногласия между ЕС и США не касались таких чувствительных сторон, как общая трансатлантическая безопасность и единый фронт борьбы против союза Москвы и Пекина, то теперь ситуация изменилась. В итоге осложнились проблемы с внутренним единством Евросоюза, серьезно просели его позиции и на внешнем контуре.

На этом фоне в материалах сайта, касающихся темы российско-китайского партнерства, происходит заметное смещение акцентов. Эксперты Diploweb задаются новыми вопросами. Действительно ли политика Трампа оставляет Евросоюз в «душераздирающем одиночестве» перед вызовами со стороны автократий Китая и России?[45] Как продолжать уже развернутую критику партикуляризма Трампа и не потерять поддержку Америки в противостоянии с Россией на Украине и с финансово-экономической и технологической «экспансией Китая»? Реально ли одновременно подавить информационное «вмешательство России» как основы распространения «пропутинских настроений» в самом

[44] Charte du site géopolitique Diploweb.com. URL: https://www.diploweb.com/La-charte-du-diploweb-com.html (accessed: 19.09.2025).

[45] L'Union européenne est désormais seule. Par Raoul Delcorde, le 27 février 2025. URL: https://www.diploweb.com/L-Union-europeenne-est-desormais-seule.html (accessed: 19.09.2025).

Евросоюзе и усилившиеся здесь правопопулистские политические тенденции?[46]. Возникает еще вопрос: каким образом выйти из состояния «стратегической неопределенности» ЕС в условиях американской дипломатии доминирования и трансатлантического раскола по поводу ценностей?

Дилеммы кажутся трудноразрешимыми. Дискуссии на площадке *Diploweb* говорят о том, что в последнее время их участники, при внешней антиамериканской фронде, стремятся предугадать, какую политику выберет Трамп в отношении российско-китайского партнерства? Пойдет ли он на восстановление связей с Россией с целью ее отделения от Китая или попытается организовать сближение с Китаем, чтобы оторвать его от России, повторив «маневр Никсона — Киссинджера» 1972? В условиях «заблуждения американского гегемона» и возможного снижения инвестиционного вклада США в безопасность и экономическое развитие Европы усиливаются как ее попытки повлиять на позиции Трампы в сторону антироссийского и антикитайского ужесточения его политики, так и призывы к «европеизации НАТО»[47]. В то же время остается фактом недостаточный для «стратегической автономии Европы» материальный и моральный потенциал. В таком контексте платформа Diploweb.com, выполняет важную для его усиления задачу производства геополитологических образов и смыслов, направленного, в числе прочего, на ослабление и дискредитацию российско-китайского партнерства.

Поступила в редакцию / Received: 13.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 06.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Гаджиев К.С. Либерально-консервативный консенсус в странах Запада // Власть. 2015. № 1. С. 34–38. EDN: WAVRXB.

Денисов И., Лукин А. Коррекция и хеджирование. Двадцать лет «большого договора» и эволюция российско-китайских отношений // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 154–172. http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-154-172 EDN: FGXESV.

Осколков П.В. Доклад № 365–2019 г. Правый популизм в Европейском союзе. Москва : ИЕ РАН, 2019.

Лихачев Д.С. Текстология : краткий очерк. Москва : Наука, 1964.

Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59. http://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04 EDN: ODOOAV.

Торкунов А., Стрельцов Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4, С. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 EDN: QBQAWC.

[46] Géopolitique de l'ingérence russe. La stratégie du chaos ? Entretien avec C. Dugoin-Clément, le 27 avril 2025. URL: https://www.diploweb.com/Geopolitique-de-l-ingerence-russe-La-strategie-du-chaos-Entretien-avec-C-Dugoin-Clement.html (accessed: 19.09.2025).

[47] La puissance américaine est-elle en péril? Avec M. Quessard. le 3 avril 2025. URL: https://www.diploweb.com/Planisphere-La-puissance-americaine-est-elle-en-peril-Avec-M-Quessard.html (accessed: 19.09.2025).

Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Москва, 2008. EDN: RAQVOL.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 161–176. https://doi.org/ 10.22363/2313-0660-2025-25-2-161-176 EDN: LMNOWM.

Chamontin L., Facon I. L'empire sans limites: Pouvoir et société dans le monde russe. 2022.

de Tinguy A. Le Géant empêtré: La Russie et le monde de la fin de l'URSS à l'invasion de l'Ukraine. Perrin, 2022.

Donnet P.-A. Chine, le grand prédateur: Un défi pour la planète. Editions de l'Aubeé 2021. 312 p.

Dugoin-Clément C., Boulègue M. L'Ukraine: entre déchirements et recompositions. Editions L'Harmattan, 2015.

Ekman A. La Chine dans le monde. CNRS éditions, 2018.

Gourdin P. Manuel de géopolitiqueé DIPLOWEB. 2019.

Larsen H. Foreign policy and discourse analysis. France, Britain and Europe. London: Routledge, 1997. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-161-176

Marchand P. La Russie par-dela le bien et le mal: idées reçues sur la «puissance pauvre». Le Cavalier Bleu Editions, 2017.

Mongrenier J.-S., Thom F. Géopolitique de la Russie. Que sais-je? 2024.

Mongrenier J.-S. Le monde vu de Moscou: Dictionnaire géopolitique de la Russie et de l'Eurasie postsoviétique. PUF. 2020.

Müller J.-W. Qu'est-ce que le populisme? Définir enfin la menace. Clermont-Ferrand: Premier Parallèle, 2016.

Stéphane F., Schmitt O. L'extrême-droite française contemporaine et le monde : une vision alternative des relations internationales // Revue Interrogations. 2015. No. 21, URL: https://revue-interrogations.org/L-extreme-droite-francaise (accessed: 12.09.2025).

Verluise P. (ed.). Géopolitique de la Russie et de son environnement. La compil' du Diploweb, 2016.

Verluise P. (dir.) Histoire, Géographie et Géopolitique de l'Asie. Editions Diploweb, 2018.

Сведения об авторе:

Цыганков Павел Афанасьевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: tsygankp@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-5726-183X)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 129–148**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-129-148
EDN: KGDYOA

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в политическом прогнозировании: возможности и ограничения

С.Н. Федорченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

✉ s.n.fedorchenko@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — выявление возможностей и ограничений технологий искусственного интеллекта в политическом прогнозировании. В качестве методологического инструментария послужили принципы упрощенного факторного анализа, а также критического дискурс-анализа академической литературы, посвященной теме применения ИИ в политическом прогнозировании. Проведенный анализ показал противоречивость внедрения интеллектуальных систем в область современной политической прогностики. Во-первых, среди триггер-факторов, способствующих развитию политической ИИ-прогностики, были выявлены следующие: возможность обрабатывать огромные массивы информации о политике с помощью ИИ; проработка достоверности будущих решений в сфере внутренней и внешней политики; высокие прогнозные потенциалы нейросетей при качественной организации обучения и тестирования; моделирование политического поведения отдельных индивидов и социальных групп; выявление нейросетями предвестников политических событий. Во-вторых, к стоп-факторам, препятствующим развитию политической ИИ-прогностики, отнесены: эффект «отравления данных» из-за их неточности, маргинальности и недостоверности; ценностная предвзятость интеллектуальных систем; подмена политического прогноза чрезмерной подгонкой данных; несовершенство имеющихся политических теорий, используемых вместе с машинным обучением; склонность ИИ к эскалации политического моделирования. В выводах обозначено, что к наиболее важным триггер-факторам следует отнести поиск скрытых политических закономерностей, а также гибридизацию возможностей машинного и традиционного политического прогнозирования. Подчеркивается, что перспективы фактора поиска скрытых политических закономерностей могут уравновесить и превысить серьезные риски эффекта «черного ящика» только в сочетании с фактором возможности гибридизации, отвечающего параметру комбинирования потенциалов всех трех типов прогноза — трендового (математического), аналитического моделирования и экспертизы.

© Федорченко С.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическое прогнозирование, нейронные сети, алгоритмы, политическая наука

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Федорченко С.Н.* Искусственный интеллект в политическом прогнозировании: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 129–148. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-129-148 EDN: KGDYOA

Artificial Intelligence in Political Forecasting: Possibilities and Limitations

Sergey N. Fedorchenko

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ s.n.fedorchenko@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the possibilities and limitations of artificial intelligence technologies in political forecasting. The principles of simplified factor analysis, as well as critical discourse analysis of academic literature devoted to the use of AI in political forecasting, served as methodological tools. The analysis showed the inconsistency of the introduction of intelligent systems in the field of modern political forecasting. Firstly, among the trigger factors contributing to the development of political AI prognostics, the following were identified: the ability to process huge amounts of information about politics using AI; working out the reliability of future decisions in the field of domestic and foreign policy; high predictive potentials of neural networks with high-quality organization of training and testing; modeling the political behavior of individuals and social groups; identification of precursor of political events by neural networks. Secondly, the stop factors hindering the development of political AI forecasting include: the effect of «poisoning data» due to its inaccuracy, marginality and unreliability; value bias of intelligent systems; substitution of political forecasting by over-fitting data; imperfection of existing political theories used in conjunction with machine learning; tendency of AI to escalation political modeling. The conclusions indicate that the most important trigger factors include the search for hidden political patterns, as well as the hybridization of machine and traditional political forecasting capabilities. It is emphasized that the prospects of the factor of searching for hidden political patterns can balance and exceed the serious risks of the «black box» effect only in combination with the factor of the possibility of hybridization, corresponding to the parameter of the combining the potentials of all three types of forecasting — trend (mathematical), analytical modeling and expertise.

Keywords: artificial intelligence, political forecasting, neural networks, algorithms, political science

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Fedorchenko, S.N. (2026). Artificial intelligence in political forecasting: Possibilities and limitations. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 129–148. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-129-148 EDN: KGDYOA

Наш разум может сам по себе одновременно охватить
лишь небольшое количество деталей.
С.Н. Корсаков. «Начертание нового
способа исследования при помощи машин,
сравнивающих идеи», 1832

Введение

Происходящая технологическая трансформация общества и государства предполагает отражение политических, социально-экономических процессов, а также связанных с ними ценностных, культурных явлений, эффектов, феноменов в современной архитектуре цифровых коммуникаций. В генерации политического контента принимают участие уже не только отдельные индивиды, социальные группы и представители традиционных политических институтов, но и цифровые аватары пользователей, сообщества социальных сетей и боты. Информации политического содержания становится не просто много, ее циркуляция попадает в зависимость от специфических коммуникационных арен, корпоративных владельцев цифровых платформ, их интересов и предпочтений. Такие метаморфозы накладывают определенный отпечаток на использование традиционного методологического инструментария в области политического прогнозирования и моделирования. Одним из ответов на эти вызовы для политической науки могут стать системы, алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ).

Как правило, искусственный интеллект означает совокупность формализованных, рационально-логических правил, способных имитировать интеллектуальные структуры и действия человека [От искусственного интеллекта… 2020: 39]. Искусственные интеллектуальные системы в политическом анализе и прогнозировании включают принципы машинного обучения (ML), инженерии знаний (KE), технологии обработки естественного языка (NLP) и больших языковых моделей (LLM), а также различные практики нейросетевых алгоритмов в компьютерном моделировании, определении важных процессов, трендов, закономерностей, базовых сценариев в сфере политики.

Однако сразу необходимо отметить, что просто приравнивать искусственный интеллект к нейронным сетям, считая это одним и тем же, не совсем корректно. По мнению одного из основателей Советской ассоциации искусственного интеллекта (1989 г.)[1] А.Н. Аверкина, в отличие от нейронных сетей у ИИ есть модель внешнего мира[2]. Но все же это очень взаимосвязанные сферы. Одни исследователи признают, что искусственные нейронные сети — одно из приоритетных направлений развития систем искусственного интеллекта [Аверкин и др. 2021], другие пишут о них как об основном реальном средстве ИИ [Барский 2004: 114], третьи видят в нейрокомпьютерных и нейросетевых технологиях одну из основных стратегий создания интеллектуальных систем [Ясницкий 2016: 17].

[1] Ее преемником является Российская ассоциация искусственного интеллекта.

[2] А.Н. Аверкин: «Искусственный интеллект уже превзошел человека, поэтому требования к нему довольно высокие». URL: https://dzen.ru/a/Y3J5gevqE2iGyY8n (дата обращения: 07.02.2025).

По этой причине в данной работе значительное внимание также будет уделяться искусственным нейронным сетям и машинному обучению, тогда как термин «искусственный интеллект» станет употребляться в широком плане, как обобщающая категория. Кроме того, отечественная терминологическая традиция включает довольно близкое обобщающее понятие «интеллектуальные машины», употребленное российским изобретателем Семёном Николаевичем Корсаковым в 1832 г. в своей брошюре [Корсаков 2009: 8]. Для упрощения и стилистической выверенности в данной статье искусственный интеллект в политическом прогнозировании будет обозначаться как политическое ИИ-прогнозирование. Соответствующая намечающаяся профессиональная область станет называться политической ИИ-прогностикой.

Справедливости ради следует отметить, что новая сфера политического ИИ-прогнозирования возникла не на пустом месте. Одна из первых попыток применения нейронных сетей в прогнозировании относится к 1964 г. [Makridakis и др. 2018]. Со второй половины XX в. развивалось так называемое технологическое прогнозирование (technological forecasting) в социальной области (особенно в США) [Armytage 1969]. По признанию зарубежных исследователей, важные попытки объединить опыт прикладных, теоретических дисциплин и достижения технологического прогресса предпринимались и в рамках советской прогностики (например, действовала Советская ассоциация научного прогнозирования) [Rocca 1981]. И эта сфера продолжает развиваться. Интересно, что полученный не позднее 30 октября 2024 г. учеными из Уханьского университета с помощью ChatGPT-4o политический прогноз по исходу американских президентских выборов хорошо предсказал победу кандидата от Республиканской партии (ИИ предположил 309 голосов выборщиков за Д. Трампа против 229 за К. Харрис[3], тогда как в реальности за первого было отдано 312 голосов выборщиков, а за вторую — 226).

Заказчиками политического ИИ-прогнозирования могут являться совершенно разные субъекты политики. Государственные органы власти, к примеру, заинтересованы в своевременном и качественном прогнозировании развития социально-экономических процессов, так или иначе влияющих на характер политической конъюнктуры в стране, уровень институционального доверия, общую легитимность политического режима или отношение отдельных социальных групп к политической власти. Логично предположить, что еще одним актором, заинтересованном в развитии политической ИИ-прогностики, выступают партии и политические лидеры, которым важно выявить значимые для них изменения проблемного фона, запросов к власти в электоральной среде. Корпоративный актор также может проявлять интерес к ИИ-прогнозированию с целью обнаружения новых и перспективных сфер взаимодействия с государством в будущем, определения возможностей, рисков и угроз ведения бизнеса в конкретной стране. Осуществлять такие услуги для государства, партий и бизнеса способны

[3] *Jiang S., Wei L., Zhang C.* Donald Trumps in the Virtual Polls: Simulating and Predicting Public Opinions in Surveys Using Large Language Models. URL: https://arxiv.org/abs/2411.01582 (accessed: 23.01.2025).

специфические контрагенты — представители политического ИИ-консалтинга или новые отделы внутри государственной либо корпоративной структуры. Вместе с тем существенной научной проблемой остается соотношение рисков и перспектив перехода части или всей политической прогностики на машинный инструментарий. Отсюда целью статьи будет выявление возможностей и ограничений технологий искусственного интеллекта в политическом прогнозировании.

Методология

В качестве методологической основы данная работа обращается к принципам нескольких исследовательских оптик.

Во-первых, параметр критического дискурс-анализа академической литературы позволит выявить и сопоставить специализированную литературу, посвященную использованию технологий искусственного интеллекта в области политического прогнозирования. В первую очередь станет интересовать та научная литература, которая ссылается на кейс-стади применения ИИ в прогнозировании, моделировании или анализе. Такая первичная процедура необходима для проведения упрощенного факторного анализа.

Во-вторых, параметр упрощенного факторного анализа будет подразумевать не углубленные математические вычисления, а определение и сравнение ключевых факторов. Запланированное отделение триггер-факторов (благоприятствующих использованию искусственного интеллекта в политическом прогнозировании) от стоп-факторов (препятствующих применению ИИ в политической прогностике) позволит получить более объективную картину о возможностях и ограничениях политического ИИ-прогнозирования.

Для определения наиболее перспективного направления в развитии политической ИИ-прогностики работа учитывает комбинаторный принцип с опорой на наработки российского специалиста в области социального прогнозирования И.В. Бестужева-Лады, который в исследовании будущего выделял три способа: (1) трендовые модели (математическое моделирование и экстраполяция), (2) аналитические модели (сценарии) и (3) экспертизу (экспертные оценки) [Бестужев-Лада 2002]. Можно предположить, что наиболее эффективной ИИ-системой будет именно та, которая сможет использовать все три перечисленных способа политического прогноза.

Возможности ИИ-прогностики для политической науки

Сначала разберемся с наиболее значимыми триггер-факторами, которые имеют принципиальное значение для полноценного развития политической ИИ-прогностики. Но какие условия спровоцировали интерес исследователей к политическому ИИ-прогнозированию в первую очередь? При ответе на этот вопрос требуется вспомнить, что масштабное развитие цифровых коммуникаций привело к росту больших объемов информации, обработать которую с помощью традиционного инструментария политической науки зачастую бывает

сложно либо вовсе невозможно [Ахременко и др. 2021]. Обработка естественного языка, компьютерное моделирование и развитие современных ИИ-систем как раз обещали решить эту проблему. Получается, в этом случае имеет смысл говорить о таком триггер-факторе как возможность обрабатывать огромные массивы информации о политике.

Одним из первых среди отечественных исследователей, кто предложил использовать искусственные интеллектуальные системы в политическом прогнозировании с 2007 г., был Л.Н. Ясницкий. В своей статье от 2008 г. он опирался на результаты эксперимента, в рамках которого было использовано нейросетевое моделирование, необходимое для определения значимости в построении прогноза результатов российских президентских выборов таких входных параметров. как происхождение (социальная принадлежность), семейное положение, количество детей, деятельность (род занятий) и возраст кандидата. Процедура нейросетевого моделирования подразумевала несколько этапов. Сначала нейронная сеть прошла обучение на основе данных по предложенным пяти параметрам о кандидатах состоявшихся американских и французских президентских выборов. Затем понимание ограниченности числа параметров (только 5) и обучающей выборки (лишь 24 примера) привело к экспериментальному тестированию двух нейронных сетей — с одним и двумя скрытыми слоями [Ясницкий 2008: 149]. Итоги показали, что обе нейронные сети показывали верного победителя в американских президентских выборах, а значит, могли выявить скрытую закономерность даже при наличии небольшой обучающей выборки.

Совершенствование методики позволило ее применить в начале 2007 г. для прогнозирования российских президентских выборов 2008 г. Примечательно, что одна нейронная сеть обучалась на опыте президентских выборов США и Франции, а другая — на опыте России (в последнем случае было уже десять параметров: известность, количество детей, деятельность, семейное положение, должность, количество участия в выборах, город рождения, политическая партия, возраст и пол). Обе нейросети предсказывали победу Д.А. Медведева. Схожий результат наблюдался и при попытке повторить процедуру политического прогноза. По сравнению с традиционными методами политического анализа и прогнозирования ИИ способен гораздо качественнее и быстрее обнаруживать взаимозависимости и закономерности в рядах на первый взгляд несвязанных, хаотичных и неструктурированных данных, в том числе основываясь на политических паттернах целевых групп [Себекин 2023: 10]. Ясницкий подчеркивал, что нейросетевое моделирование позволяет не только определить закономерности для прогнозирования такого сложного феномена, как президентские выборы, но и выработать рекомендации для улучшения рейтинга кандидатов [Ясницкий 2008]. Итак, эксперименты Ясницкого показали, что триггер-фактором, благоприятствующим развитию политической ИИ-прогностики, являются высокие возможности нейронных сетей в поиске скрытых закономерностей для составления политического прогноза.

Определенную помощь в создании более точного политического прогноза может оказать предварительный кластерный анализ. Так, Ю.Ю. Петрунин

и Ю.А. Зернова в 2008 г. на примере Франции установили, что лучше объясняют группировку регионов по политическим предпочтениям не такие традиционные статистические программы, как Statistica, а программы класса SOM, основанные на нейронных сетях без учителя (самоорганизующихся картах Кохонена). Если результаты статистических программ могут исказиться по причине зависимости переменных, то SOM осуществляет кластерный анализ без учета взаимосвязи между разными переменными. Авторами учитывались разные параметры — коэффициент безработицы, процент населения с дипломом о высшем образовании, средняя зарплата, процент женского населения, национальность и др. Применение SOM позволило выявить «левеющие», «правеющие» регионы и «неопределенный» кластер [Петрунин и др. 2008].

Похожие параметры Петрунин и Зернова использовали при рассмотрении возможностей ИИ в повышении качества прогнозирования президентских выборов. В эксперименте применялся программный пакет NeuroShell, трехслойная нейронная сеть с обратным распространением ошибки. Для повышения качества обучаемости, тестирования и улучшения прогнозных возможностей сети количество нейронов в каждом слое было увеличено до восьми. Входными данными стали социально-экономические переменные, описывающие состояние в регионах, а данными выхода — результаты кандидатов прошедших французских президентских выборов в 2007 г. В качестве материала для обучающей и тестовой выборок послужил набор случайных наблюдений из общей базы данных о прошедших выборах, также ставились ограничения на обучение [Зернова и др. 2010]. После проведенных обучения и тестирования выходы сети игнорировались, и политический прогноз проводился лишь по входным данным. Использование трехслойной нейронной модели показало по сравнению с регрессионным анализом высокую корреляцию политического прогноза с реальными результатами президентских выборов во Франции. Иными словами, триггер-фактором, благоприятствующим развитию политической ИИ-прогностики, являются высокие прогнозные возможности нейронных сетей при качественной организации обучения и тестирования.

О том, что этот триггер-фактор уже ускоряет развитие политической ИИ-прогностики, свидетельствует недавнее исследование латиноамериканских ученых, проведенное с алгоритмом машинного обучения с целью создания прогнозной модели. Эксперимент с нейронной сетью основывался на готовых данных о состоявшихся президентских выборах в Бразилии, Уругвае и Перу и проходил в четыре этапа. На первом этапе отбирались значимые для прогноза электоральные факторы (уровень государственных услуг, понимание этического поведения власти, удовлетворенность экономическим положением, согласие либо несогласие с политической идеологией правительства), на втором этапе был сконструирован симулятор поведения избирателей, на третьем этапе электоральные факторы были дополнительно изучены и отфильтрованы на предмет их взаимозависимости (использовался коэффициент Пирсона), наконец, на четвертом этапе была создана высокоточная модель машинного обучения через первичную обработку, обработку-проверку, тестирование и калибровку. Совершенствование нейронной сети опиралось на платформу Google Colab,

язык Python, библиотеки Tensor Flow и Keras, тогда как ее калибровка (выявление зависимостей) проводилась через методику перебора различных ситуаций (Grid Search). Симуляция поведения избирателей на основании синтетических данных показала высокую точность политического ИИ-прогнозирования [Zuloaga-Ratta и др. 2024]. Правда, очевидно, что все перечисленные кейсы уделяют гораздо меньшее внимание принципам экспертной оценки.

Алгоритм машинного обучения C4.5 принципа дерева решений показал свою эффективность при попытках прогнозирования в такой стратегической области, как государственная кадровая политика. Так, в одном из исследований этот алгоритм был задействован при обучении системы на материалах кадровых решений (2000–2020 гг.) в отношении руководителей четырнадцати российских регионов Приволжского федерального округа (82 решения, от назначения до выборов). Дерево решений, обученное по данным пятидесяти случайных выборок из восьмидесяти двух, на следующих тридцати двух определило 84 % достоверности кадровых решений [Ерохина 2020]. Такие выводы дают основание считать потенциалы проработки достоверности будущих решений в сфере государственной кадровой политики еще одним триггер-фактором развития политической ИИ-прогностики. Проработка достоверности будущих решений через ИИ-системы может применяться как в сфере внутренней, так и внешней политики. Методы машинного обучения позволяют политологу обратиться к большему числу переменных и не опасаться эффекта переобучения системы в отличие от регрессионных моделей, требующих ограниченного числа переменных [Медведев и др. 2022]. Наряду с этим нейросетевые алгоритмы интеллектуальных систем уже используются учеными при проверке гипотез[4], что дает дополнительные потенциалы для выработки качественной методологии прогнозирования, в том числе не только в политологических, но и в межотраслевых исследованиях.

Упомянутые кейсы, конечно, допускают создание трендовых (математических) и аналитических моделей, но почти обходят потенциалы политической экспертизы. Но есть ли ИИ-системы, которые позволяют комбинировать все три подхода к прогнозированию?

Некоторые перспективы для совершенствования геополитического прогнозирования авторы усматривают в факторе гибридизации — внедрения гибридных алгоритмов (hybrid algorithms), сочетающих работу человека над прогнозом, когнитивные возможности человека и обращение его к алгоритмам, статистическим данным. Когда, с 2011 по 2015 г. разведывательное сообщество Соединенных Штатов инициировало серию конкурсов в области современного прогнозирования, Агентство передовых исследований в сфере разведки (IARPA, Intelligence Advanced Research Projects Activity) профинансировало пять университетских коллективов для просчета рисков гражданской войны в Сирии, военно-морских столкновений

[4] *Захарова О.В.* Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 81–106. https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5481. URL: https://journals.rcsi.science/2409-5788/article/view/277073/255868 (дата обращения: 07.02.2025).

в акватории Южно-Китайского моря, доходности испано-германских облигаций [Mellers и др. 2024]. Известна система SAGE, специально разработанная с целью сочетания пула человеческих знаний с автоматизированными статистическими прогнозами. Платформа включала постоянно обновляемую базу данных. Алгоритмы агрегирования SAGE были предназначены помочь пользователям выбрать необходимые для составления прогноза вопросы; отфильтровывать вопросы по степени их популярности у респондентов; в режиме реального времени динамически комбинировать человеческие и машинные прогнозы, чтобы предлагать агрегированные прогнозы. Порядка 45 % подобных вопросов имели прямое отношение к одномерным временным рядам (таким как процентные ставки ОЭСР для государства), другие касались информации, связанной с базами данных наподобие ICEWS (Интегрированной системой раннего предупреждения кризисных ситуаций). Подготовка предполагала выборку из 547 участников, делавших за неделю минимум пять прогнозов, тренировку системы алгоритмов на базе повествовательного устройства, а также оценку точности прогнозов через шкалу Брайера [Benjamin и др. 2023].

В ходе работы стало понятно, что машинные прогнозы в основном были близки к прогнозам, созданным человеком. Результаты экспериментов с SAGE показали, что система способна помочь не средним, а квалифицированным прогнозистам, имеющим профессиональный опыт, тогда как объединение человеческих и машинных прогнозов способствует большей точности прогнозирования в сфере геополитики в условиях серьезной неопределенности. Поэтому гибридизацию машинного и традиционного прогнозирования также резонно отнести к триггер-факторам. Можно предположить, что совершенствование гибридных алгоритмов в настоящее время является наиболее перспективным направлением развития политической ИИ-прогностики, так как оно может учитывать не только трендовые и аналитические модели, но и использовать мнения экспертов [Бестужев-Лада 2002].

Решение проблемы повышения качества прогнозирования геополитических процессов отдельные исследовательские группы видят в применении рекуррентных нейронных сетей, в которых имеющаяся связь компонентов конструирует направленную последовательность. Один исследовательский проект, например, испытывал LSTM (сеть долгой краткосрочной памяти) — разновидность рекуррентной нейронной сети, разработанной с целью фиксирования долгосрочных зависимостей в последовательной цепи данных [Hossain и др. 2022]. Основная идея была в том, что система регулярно анализировала контекст слов в разных материалах (блоги и новостные статьи), чтобы выходной слой нейронной сети, принимающий отслеженную ранее последовательность входных данных, выводил вероятность того, что на ее основании произойдет какое-либо событие. Упор авторами проекта делался на идентификации предвестников (precursor) событий, чрезвычайно важных для политического прогноза. В качестве наборов данных брались массовые протесты, гражданские беспорядки в Латинской Америке и насильственные конфликты, военные действия на Ближнем Востоке. Однако экспертные оценки были не так значимы для авторов проекта.

Разработанная система на базе LSTM показала свою работоспособность и более точное прогнозирование в сравнении с традиционными методами, позволив сформировать большой набор предвестников, помогающих прогнозировать предстоящие политические события. Полученные выводы позволяют считать возможность выявления нейросетями предвестников событий (precursor) еще одним перспективным триггер-фактором развития политической ИИ-прогностики. LSTM также используется вместе с принципами модели случайного леса и рекурсивного отбора наименьшего количества показателей (RF-RFE) для прогнозирования рисков террористических актов [Новиков 2022]. Построенные на этих основаниях системы позволяют лучше понимать те показатели (от внутренних конфликтов, роста городского населения до безработицы), которые, по сути, являются предвестниками событий в политическом прогнозировании. Применение машинного обучения в совокупности с принципами модели случайного леса и градиентного бустинга (оценивающего каждое новое дерево решений на базе сети критериев) базами данных NAVCO 1.3, UCDP Dyadic Dataset 22.1, V-Dem, Бейссинджер-РНФ помогает отобрать наиболее значимые факторы при зарождении разного типа революционных выступлений — невооруженных (расценки на продовольствие, индекс коррупции в государственной сфере, плотность населения и др.) и вооруженных (прошлогодняя интенсивность конфликта, поддержка со стороны США, численность населения, коэффициент рождаемости и др.), составить краткосрочные и долгосрочные прогнозы [Медведев и др. 2022].

Итоги совместного проекта исследователей факультета политической науки и факультета компьютерной науки Университета Бригама Янга[5] позволяют говорить о таком триггер-факторе, как моделирование социальных групп [Argyle и др. 2023]. Использование GPT-3 показало, что благодаря ИИ можно не только конструировать различные искусственные выборки с социальными группами (silicon sampling), но и имитировать ответы их представителей (например, из Республиканской и Демократической партий Соединенных Штатов), коррелирующие с распространенными установками, паттернами, опытом, идеями, отношениями таких групп. Концепция авторов, имеющая интерес для развития политической ИИ-прогностики, получила название алгоритмической точности (algorithmic fidelity). Инициаторы другого проекта провели интервью с 1052 респондентами при помощи ИИ, затем преобразовали их ответы в текст, дав интеллектуальной системе задачу на их основе смоделировать генеративных агентов. Смоделированные GPT-4o агенты воспроизвели ответы реальных людей с точностью в 85 %, открыв широкие возможности для политического прогнозирования[6]. Проект показал, что ИИ-системы способны моделировать как поведение социальных групп, так и отдельных индивидов.

[5] Деятельность Университета Бригама Янга признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

[6] *Park J.S., Zou C.Q., Shaw A., Hill B.M., Cai C., Morris M.R., Willer R., Liang P., Bernstein M.S.* Generative Agent Simulations of 1,000 People. URL: https://arxiv.org/abs/2411.10109 (accessed: 23.01.2025).

Ограничения ИИ в политическом прогнозировании

Теперь перейдем к стоп-факторам, которые могут препятствовать качественному развитию политической ИИ-прогностики. К таким, например, исследователи относят эффект «отравления данных» [Себекин 2023: 12], при котором алгоритмы искусственного интеллекта по разным причинам проходят обучение на нерепрезентативных либо вовсе ошибочных данных, в ходе чего некорректный или деструктивный контент оказывает негативное влияние на объективность политического анализа и прогнозирования. Примером такого эффекта можно назвать общественный резонанс, разразившийся в Соединенном Королевстве после того, как выяснилось, что функционирование алгоритма, применявшегося для оценки итогов выпускных экзаменов Управлением квалификаций и экзаменов, прошел обучение на основе нерепрезентативных данных. Фактор рисков использования нерепрезентативных данных может формировать в обществе, бизнесе и государстве скепсис в отношении высоких возможностей политического ИИ-прогнозирования. Особенно это значимо на фоне более ранних завышенных ожиданий от массового внедрения искусственных интеллектуальных систем.

Неточные политические ИИ-прогнозы возникают из-за маргинальных и неточных данных, плохо подходящих для временных рядов машинных систем прогнозирования. Также есть мнение, что неточность данных для политического ИИ-прогнозирования появляется из-за того, что используемые алгоритмами базы данных могут при обновлении корректировать исторические значения данных (базы ОЭСР, ОПЕК и др.) либо испытывать технические проблемы в серверной части самой платформы (база ACLED, Armed Conflict Location & Event Data) [Benjamin и др. 2023]. Падение качества данных из-за изменений в базах сложнее отследить, чем ошибки на первоначальном этапе моделирования. К похожим выводам пришли и другие исследовательские коллективы [Zuloaga-Ratta и др. 2024]. В появлении фактора «отравления данных» может сыграть роль и манипулятивная генерация контента. Риски некорректных политических прогнозов возникают в том случае, если интеллектуальные системы отслеживают некоторые тренды, обращаясь к открытым данным социальных сетей. О таких вызовах говорит обнаруженная в 2023 г. исследователями из Северо-Восточного университета (Бостон) и Индианского университета сеть, состоящая из ботов (ботнет) в X[7]. Выявленные учеными боты отвечали друг другу, заимствовали изображения, имитируя поведение людей, тем самым создавая иллюзию реального общения для внешнего неподготовленного наблюдателя [Yang и др. 2024]. В связи с этим, вероятно, более объективные ИИ-системы при подготовке политического прогноза должны не только учитывать использование баз данных, функционал построения трендовых (математических) и аналитических моделей, но и давать возможность перепроверять эти предположения посредством экспертной оценки.

[7] Сеть X ранее назвалась Twitter и заблокирована в РФ.

Другой стоп-фактор можно условно назвать ценностной предвзятостью. Он означает существование у ИИ определенных предпочтений к ценностям конкретных стран или цивилизаций. Исследование, проведенное учеными из компании Anthropic, дало возможность им заявить, что ответы искусственного интеллекта на базе большой языковой модели были похожи на распределение мнений в США, Канаде, Австралии, отдельных европейских и латиноамериканских странах. Ценности России и Китая учитывались в меньшей степени. Это было выявлено в ходе первого эксперимента, при котором ИИ получал доступ к подсказкам, сформированным на основе опросов Pew Research Center's Global Attitude и World Values Survey. Второй эксперимент (с применением подсказок-уточнений по странам) лишь зафиксировал использование интеллектуальной моделью стереотипов о России и Китае. К сожалению, не помог и третий эксперимент с лингвистическими подсказками на русском языке, показав схожесть ответов ИИ с ценностями западных стран. Авторы проекта пришли к выводу, что большие языковые модели могут распространять предубеждения, определенные политические идеологии, мировоззрения и провоцировать гомогенизацию убеждений[8].

Риски ценностной предвзятости ИИ фиксируются и в российских политологических исследованиях [Володенков и др. 2023]. Причины подобной предвзятости могут быть связаны не только с ценностями разработчиков ИИ, но и с ценностной окрашенностью данных, на которых обучаются и тестируются интеллектуальные системы. Появились также проекты активистов, которые сравнивают политические ценности разных интеллектуальных систем (например, Political Compass[9]). Не исключено, что такие особенности ИИ могут приводить к некорректным политическим прогнозам, существенным ошибкам при их подготовке. Эти соображения требуют перепроверки итогов проекта ученых из Стэнфордского университета[10], согласно которым нейросети под силу выявить политические установки человека (консервативные или либеральные) на основании его черт лица при анализе фотографии.

Заслуживает внимания и сравнительно недавно выявленный фактор склонности ИИ к эскалации политического моделирования. Американские исследователи, поставившие эксперимент над пятью интеллектуальными системами (GPT-4, GPT-3.5, Llama-2-Chat, Claude 2.0 и GPT-4-Base), собирались определить характер их реакции при трех гипотетических ситуациях — кибератаке,

[8] *Durmus E., Nguyen K., Liao T., Schiefer N., Askell A., Bakhtin A., Chen C., Hatfield-Dodds Z., Hernandez D., Joseph N., Lovitt L., McCandlish S., Sikder O., Tamkin A., Thamkul J., Kaplan J., Clark J., Ganguli D.* Towards Measuring the Representation of Subjective Global Opinions in Language Models. COLM 2024. URL: https://arxiv.org/abs/2306.16388 (accessed: 23.01.2025).

[9] Tracking AI. Monitoring Bias in Artificial Intelligence Chatbots. URL: https://trackingai.org/home (accessed: 23.01.2025).

[10] *Kosinski M., Khambatta P., Wang Y.* Facial recognition technology and human raters can predict political orientation from images of expressionless faces even when controlling for demographics and self-presentation // American Psychologist. 2024. Vol. 79. Iss. 7. P. 942–955. URL: https://psycnet.apa.org/fulltext/2024-65164-001.html (accessed: 23.01.2025).

вторжении и бесконфликтном существовании между государствами. Итоги моделирования свидетельствуют, что все пять ИИ спрогнозировали эскалацию либо трудно просчитываемые сценарии эскалации между странами, вплоть до применения ядерного оружия. Самые жесткие варианты развития ситуаций предлагала GPT-4-Base [Rivera и др. 2024]. Отдельные работы показывают, что в сложных условиях сложные, технические методы политического прогнозирования не превосходят более традиционные — простые статистические подходы [Benjamin и др. 2023]. Это важно и в условиях, когда происходит сама геополитическая эскалация с разными участниками в виде государств и цена ошибки в политическом прогнозе особенно высока. Кроме того, скептиками применения новаций, больших данных и сложных статистических процедур в прогностике было сформулировано Золотое правило прогнозирования (golden rule of forecasting): «Будьте консервативны, придерживаясь совокупных знаний о ситуации и о методах прогнозирования». Авторы, предложившие Золотое правило прогнозирования, считают его объединяющей теорией прогнозирования и основывают свои выводы на анализе 105 статей, из которых 102 подтверждают их тезисы [Armstrong и др. 2015]. Такие опасения чреваты концентрацией политической прогностики на более традиционных формах прогнозирования, в том числе экспертизе в ущерб развитию прогнозных ИИ-систем.

Стоп-фактор «черного ящика» (или непрозрачности алгоритмов) [Аверкин и др. 2021] также является некоторым препятствием на пути полноценного становления политической ИИ-прогностики. У некоторых исследователей чрезмерные надежды на искусственный интеллект, как на некий инструмент по решению всех социальных проблем, вызывают здравомыслящие опасения. Такие необоснованные надежды называются критиками техноалхимией (techno-alchemy), потому что напоминают им алхимические опыты в прошлом, когда средневековые алхимики пытались получить золото из свинца, окутывая свое искусство тайной. И так как подобного рода утопичная философия техноалхимии не решает проблему непрозрачности и ошибок ИИ, потребуются аудиты и дополнительные эмпирические исследования этих систем [Milivojevic 2022]. Сложность остается в том, что даже для специалистов не всегда представляется реальным определить, как при большом числе переменных алгоритмы машинного обучения проводят обработку данных. По мнению Д. Маккуиллана, ученого из Лондонского университета, эта непрозрачность накладывается на эффект рекурсии, при которой алгоритмы привязывают прошлые наблюдения с текущим прогнозам, на деле подменяя определение причинно-следственных связей корреляцией. Маккуиллан отмечает, что при такой рекурсии алгоритмические процессы начинают базироваться сами на себе, улучшая распознавание системой явлений и образов и в том числе приводя к ошибкам, обнаруживая закономерности там, где их не существует [McQuillan 2016].

Теснейшую взаимосвязь фактора «черного ящика» и необоснованных, во многом техноалхимических, надежд на политическое ИИ-прогнозирование соотносят с аналогичными проблемами в конце 1970–1980-х гг., когда завышенные ожидания от точности статистических методов объяснялись их математической элегантностью и сложностью. В любом случае фактор «черного ящика» расценивается

скептиками как существенное препятствие для применения ИИ в прогнозировании [Hossain и др. 2022]. Кибернетика «черного ящика», как направление развития ИИ, изначально делала ставку именно на моделирование интеллектуальных функций, меньше интересуясь пониманием принципов самого человеческого мышления [Ясницкий 2016: 17]. Обращает внимание на себя и недавний отчет Apollo Research, организации, интересующейся вопросами безопасности ИИ. Исследование показало, что системы ИИ (o1, Llama 3.1 405B, Claude 3 Opus, Gemini 1.5 Pro, Claude 3.5 Sonnet) способны использовать манипуляции и обман для достижения цели[11].

Встречается и более необычная форма критики. Она исходит из того посыла, что социальные науки при обращении к методам машинного обучения делают упор на не лишенные недостатков «слабые» теории, концентрируясь лишь на неких аргументах, учете предыдущих исследований, наборе переменных, необходимых для анализа социального или политического феномена. Например, прогнозирование гражданских войн выводится на ограниченном наборе факторов (ослабление взаимодействия между властью и гражданами, эскалация и т.п.). Критики предлагают, наоборот, с помощью гибких приемов машинного обучения помочь создать более «сильные» теории, например, общую теорию гражданской войны, улучшив «слабые» теории. По их мнению, «сильные» теории универсальны и дают возможность делать более убедительное объяснение социальных феноменов [Beger и др. 2021]. «Сильные» теории носят общий характер, отделены от конкретного рассматриваемого случая и порождают новые утверждения, которые можно проверять. Приводимые тезисы можно условно свести к такому стоп-фактору, как несовершенство имеющихся политических теорий, используемых вместе с ИИ.

В определенном смысле стоп-фактором может остаться подмена политического прогноза чрезмерной подгонкой, когда ИИ лишь хорошо соответствует прошлому на основании имеющихся данных. Связанной проблемой является способность интеллектуальных систем отличить шум данных от шаблонов. Модели машинного обучения, к сожалению, способны снижать свою эффективность при попытках оптимизировать разнородные либо определенные шаблоны данных [Makridakis и др. 2018]. При этом более сложные процедуры экстраполяции посредством техник машинного обучения могут приводить к снижению точности прогнозов в сравнении с традиционными статистическими методами. Также авторами отмечается проблема попыток нейросетей дать ученым вполне ожидаемые ответы. В качестве решения такой проблемы иногда предлагается обращаться к промпт-инжинирингу[12]. Освоение навыков промпт-инженера

[11] *Meinke A., Schoen B., Balesn M., Scheurer J., Shah R., Hobbhahn M.* Frontier Models are Capable of In-context Scheming. URL: https://static1.squarespace.com/static/6593e7097565990e65c886fd/t/6751eb240ed3821a0161b45b/1733421863119/in_context_scheming_reasoning_paper.pdf (accessed: 07.02.2025).

[12] *Соколова М.Е.* ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науке // Науковедческие исследования. 2024. № 1. С. 92–109. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-i-prompt-inzhiniring-o-perspektivah-vnedreniya-generativnyh-neyrosetey-v-nauke (дата обращения: 07.02.2025).

может помочь исследователям в области политической науки и политического прогнозирования качественно использовать интеллектуальные ассистенты, нейросети. В частности, это важно для понимания того, как лучше исследователю задавать вопрос интеллектуальной системе. Конечно, это свидетельствует о том, что фактор экспертизы все же сохраняет свое значение в перепроверке и уточнении политических ИИ-прогнозов (табл.).

Факторы развития политической ИИ-прогностики

Триггер-факторы	Стоп-факторы
Возможность обрабатывать огромные массивы информации о политике с помощью ИИ	Эффект «отравления данных» из-за их неточности, маргинальности и недостоверности
Проработка достоверности будущих решений в сфере внутренней и внешней политики	Ценностная предвзятость интеллектуальных систем
Высокие прогнозные потенциалы нейросетей при качественной организации обучения и тестирования	Подмена политического прогноза чрезмерной подгонкой данных
Моделирование политического поведения отдельных индивидов и социальных групп	Несовершенство имеющихся политических теорий, используемых вместе с машинным обучением
Выявление нейросетями предвестников (precursor) политических событий	Склонность ИИ к эскалации политического моделирования
Поиск нейросетями скрытых политических закономерностей	Эффект «черного ящика» (непрозрачности алгоритмов)
Гибридизация возможностей машинного и традиционного политического прогнозирования	

Источник: составлено С.Н. Федорченко.

Factors of development of political AI prognostics

Trigger factors	Stop factors
The ability to process huge amounts of policy information using AI	The effect of «poisoning data» due to its inaccuracy, marginality and unreliability
Working out the reliability of future decisions in the field of domestic and foreign policy	The value bias of intelligent systems
High predictive potentials of neural networks with high-quality organization of training and testing	Substitution of the political forecast by over-fitting the data
Modeling the political behavior of individuals and social groups	The imperfection of existing political theories used in conjunction with machine learning
Identification of precursor of political events by neural networks	The tendency of AI to escalate political modeling
The search for hidden political patterns	The «black box» effect (opacity of algorithms)
Hybridization of machine and traditional political forecasting capabilities	

Source: compiled by S.N. Fedorchenko.

Заключение

Таким образом, факторный анализ выявил всю противоречивость внедрения интеллектуальных систем в область современной политической прогностики. Есть не только триггер-факторы, но и стоп-факторы в развитии политического ИИ-прогнозирования. Представляется важным подчеркнуть, что к наиболее значимым триггер-факторам следует отнести поиск скрытых политических закономерностей, а также гибридизацию возможностей машинного и традиционного политического прогнозирования. Но возможности первого фактора могут уравновесить и превысить серьезные риски эффекта «черного ящика» только в сочетании со вторым фактором — гибридизацией, отвечающим параметру комбинирования потенциалов всех трех типов прогноза — трендового (математического), аналитического моделирования и экспертизы. Другими словами, эффективные интеллектуальные системы, созданные для решения задач в сфере политического прогнозирования, должны не только учитывать доступ к широким базам данных, сосредоточиваться на качественном обучении и тестировании, но и предполагать в своем интерфейсе, особенностях, процедурах полноценное взаимодействие с экспертами.

Гибридизация политического прогнозирования означает учет исследователями принципа существования социотехнических систем, в которых наиболее рутинные операции, а также обработка крупных массивов данных передаются искусственному интеллекту, тогда как целеполагание научной работы, методологическая проработка и более творческие задачи сохраняются за экспертами. Такая социотехническая система может аккумулировать все преимущества традиционных и машинных методов для создания более качественных политических прогнозов, хотя для этого потребуется решить проблему непротиворечивости, грамотного сочетания таких типов прогнозов. Тем не менее в настоящее время развитие политической ИИ-прогностики по гибридному варианту представляется более адекватным, объективным, а также более безопасным для общества, государства и человека, чем ее эволюция по сценарию полного вытеснения человеческого фактора из такого рода профессиональной деятельности. Помимо этого, следует учитывать, что выводы опираются на разнообразные кейсы нейронных сетей. Но это лишь одно из направлений развития искусственных интеллектуальных систем. Следовательно, дальнейшие исследования требуют дополнительной проверки возможностей и ограничений современных технологий для политической ИИ-прогностики. Этого требует и стремительное развитие самих нейросетевых алгоритмов.

Поступила в редакцию / Received: 05.02.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2025
Принята к публикации / Accepted: 11.05.2025

Библиографический список

Аверкин А.Н., Лишилин М.В. Нейронечеткие модели в задачах извлечения правил из искусственных нейронных сетей // Системный анализ в науке и образовании: сетевое научное издание. 2021. № 3. С. 30–43. EDN: RADAAD.

Ахременко А.С., Петров А.П.Ч., Жеглов С.А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45. https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01. EDN: PGOSIZ.

Барский А.Б. Нейронные сети: распознавание, управление, принятие решений. Москва : Финансы и статистика, 2004. 176 с. EDN: QMNRUB.

Бестужев-Лада И.В. Будущее не предсказуемо, но предвидимо // Экономические стратегии. 2002. Т. 4. № 2 (16). С. 90–95. EDN: TWUVBL.

Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде : по материалам экспертного исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 58–79. https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.105. EDN: STHIAO.

Ерохина О.В. Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 67–73. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73. EDN: KRIICO.

Зернова Ю.А., Петрунин Ю.Ю. Прогнозирование президентских выборов во Франции 2007 г. // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2010. № 24. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15283514 (дата обращения: 23.01.2025). EDN: MWLRMP.

Корсаков С.Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / пер. с фр. под ред. А.С. Михайлова. Москва : МИФИ, 2009. 44 с.

Медведев И.А., Устюжанин В.В., Жданов А.И., Коротаев А.В. Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков : ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. Т. 13. Волгоград : Учитель, 2022. Т. 13. С. 131–210. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06

Новиков А.В. Прогнозирование риска террористических актов на основе алгоритмов машинного обучения // Национальная безопасность / Nota Bene. 2022. № 1. С. 28–44. https://doi.org/10.7256/2454-0668.2022.1.36596 EDN: MEDFDL.

От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А.В. Резаева. Москва : ВЦИОМ, 2020.

Петрунин Ю.Ю., Зернова Ю.А. Статистические и нейросетевые методы исследования политической ситуации во Франции на примере региональных выборов 1998 и 2004 годов // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2008. № 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-i-neyrosetevye-metody-issledovaniya-politicheskoy-situatsii-vo-frantsii-na-primere-regionalnyh-vyborov-1998-i-2004-godov (дата обращения: 23.01.2025). EDN: MOTZPJ.

Себекин С.А. Искусственный интеллект в политических процессах: перспективы и вызовы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 7–18. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.7 EDN: RLEPOU.

Ясницкий Л.Н. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии // Вестник Пермского университета. Политология. 2008. № 2 (4). С. 147–155. EDN: XHOSDJ.

Ясницкий Л.Н. Интеллектуальные системы. Москва : Лаборатория знаний, 2016. 221 с. EDN: WCGNOR.

Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples // Political Analysis. 2023. Vol. 31. Iss. 3. P. 337–351. https://doi.org/10.1017/pan.2023.2

Armstrong J.S., Green K.C., Graefe A. Golden rule of forecasting: Be conservative // Journal of Business Research. 2015. Vol. 68. Iss. 8. P. 1717–1731. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.03.031

Armytage W.H.G. Technological Forecasting // Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. 1969. Vol. 184. Iss. 1. P. 1201–1211. https://doi.org/10.1243/PIME_PROC_1969_184_090_02

Beger A., Morgan R.K., Ward M.D. Reassessing the Role of Theory and Machine Learning in Forecasting Civil Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2021. Vol. 65. Iss. 7–8. P. 1405–1426. https://doi.org/10.1177/0022002720982358

Benjamin D.M., Morstatter F., Abbas A.E., Abeliuk A., Atanasov P., Bennett S., Beger A., Birari S., Budescu D.V., Catasta M., Ferrara E., Haravitch L., Himmelstein M., Hossain K.T., Huang Y., Jin W., Joseph R., Leskovec J., Matsui A., Mirtaheri M., Ren X., Satyukov G., Sethi R., Singh A., Sosic R., Steyvers M., Szekely P.A., Ward M.D., Galstyan A. Hybrid forecasting of geopolitical events // AI Magazine. 2023. Vol. 44. Iss. 1. P. 112–128. https://doi.org/10.1002/aaai.12085

Hossain K.S.M., Harutyunyan H., Ning Y., Kennedy B., Ramakrishnan N., Galstyan A. Identifying Geopolitical Event Precursors Using Attention-Based LSTMs // Frontiers in Artificial Intelligence. 2022. Vol. 5. https://doi.org/10.3389/frai.2022.893875. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36388399/ (accessed: 23.01.2025).

Makridakis S., Spiliotis E., Assimakopoulos V. Statistical and Machine Learning forecasting methods: Concerns and ways forward // PLoS One. 2018. Vol. 13. Iss. 3. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194889. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5870978/#abstract1 (accessed: 23.01.2025).

McQuillan D. Algorithmic paranoia and the convivial alternative // Big Data & Society. 2016. Iss. 12. https://doi.org/10.1177/2053951716671340. URL: http://sage.cnpereading.com/paragraph/article/?doi=10.1177/2053951716671340 (accessed: 23.01.2025).

Mellers B.A., McCoy J.P., Lu L., Tetlock P.E. Human and Algorithmic Predictions in Geopolitical Forecasting: Quantifying Uncertainty in Hard-to-Quantify Domains // Perspectives on Psychological Science. 2024. Vol. 19. Iss. 5. P. 711–721. https://doi.org/10.1177/17456916231185339

Milivojevic S. Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia // Criminology & Criminal Justice. 2022. 0(0). https://doi.org/10.1177/17488958221123855. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/17488958221123855 (accessed: 23.01.2025).

Rivera J-P., Mukobi G., Reuel A., Lamparth M., Smith Ch., Schneider J. Escalation Risks from Language Models in Military and Diplomatic Decision-Making research-article // FAccT '24: Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2024. P. 836–898. https://doi.org/10.1145/3630106.365894

Rocca G.L. 'A Second Party in Our Midst': The History of the Soviet Scientific Forecasting Association // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11. Iss. 2. P. 199–247. https://doi.org/10.1177/030631278101100202

Yang K.-C., Menczer F. Anatomy of an AI-powered malicious social botnet // Journal of Quantitative Description: Digital Media. 2024. Vol. 4. URL: https://journalqd.org/article/view/5848 (accessed: 15.11.2024).

Zuloaga-Rotta L., Borja-Rosales R., Rodríguez Mallma M.J., Mauricio D., Maculan N. Method to Forecast the Presidential Election Results Based on Simulation and Machine Learning // Computation. 2024. Vol. 12. Iss. 38. https://doi.org/10.3390/computation12030038

References

Akhremenko, A.S., Petrov, A.P.Ch., & Zheglov, S.A. (2021). How information and communication technologies change trends in modeling political processes: Towards an agent-based approach. *Political science*, *1,* 12–45. (In Russian). https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01

Argyle, L.P., Busby, E.C., Fulda, N., Gubler, J.R., Rytting, C., & Wingate, D. (2023). Out of one, many: Using language models to simulate human samples. *Political Analysis*, *31*(3), 337–351. https://doi.org/10.1017/pan.2023.2

Armstrong, J.S., Green, K.C., & Graefe, A. (2015). Golden rule of forecasting: Be conservative. *Journal of Business Research*, *68*(8), 1717–1731. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.03.031

Armytage, W.H.G. (1969). Technological forecasting. *Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers*, *184*(1), 1201–1211. https://doi.org/10.1243/PIME_PROC_1969_184_090_02

Averkin, A.N., & Lishilin, M.V. (2021). Neuro-fuzzy models in problems of extracting rules from artificial neural networks. *System analysis in science and education: network scientific publication*, *3,* 30–43. (In Russian). EDN: RADAAD.

Barsky, A.B. (2004). *Neural networks: recognition, control, decision making.* Moscow : Finance and Statistics. 176 p. (In Russian).

Beger, A., Morgan, R.K., & Ward, M.D. (2021). Reassessing the role of theory and machine learning in forecasting civil conflict. *Journal of Conflict Resolution,* 65(7–8), 1405–1426. https://doi.org/10.1177/0022002720982358

Benjamin, D.M., Morstatter, F., Abbas, A.E., Abeliuk, A., Atanasov, P., Bennett, S., Beger, A., Birari, S., Budescu, D.V., Catasta, M., Ferrara, E., Haravitch, L., Himmelstein, M., Hossain, K.T., Huang, Y., Jin, W., Joseph, R., Leskovec, J., Matsui, A., Mirtaheri, M., Ren, X., Satyukov, G., Sethi, R., Singh, A., Sosic, R., Steyvers, M., Szekely, P.A., Ward, M.D., & Galstyan, A. (2023). Hybrid forecasting of geopolitical events. *AI Magazine*, *44*(1), 112–128. https://doi.org/10.1002/aaai.12085

Bestuzhev-Lada, I.V. (2002). The future is unpredictable, but predictable. *Economic strategies*, 4, *2*(16), 90–95. (In Russian).

Erokhina, O.V. (2020). Possibilities of using machine learning methods to solve political problems. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, *10*(3), 67–73. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73

Hossain, K.S.M., Harutyunyan, H., Ning, Y., Kennedy, B., Ramakrishnan, N., & Galstyan, A. (2022). Identifying geopolitical event precursors using attention-based LSTMs. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 5. https://doi.org/10.3389/frai.2022.893875. Retrieved January 23, 2025, from https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36388399/

Korsakov, S.N. (2009). *Outlining a new way of research using machines that compare ideas*. Moscow : MEPhI. 44 p. (In Russian).

Makridakis, S., Spiliotis, E., & Assimakopoulos, V. (2018). Statistical and Machine Learning forecasting methods: Concerns and ways forward. *PLoS One*, *13*(3), https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194889. Retrieved January 23, 2025, from https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5870978/#abstract1

McQuillan, D. (2016). Algorithmic paranoia and the convivial alternative. *Big Data & Society*, 12. https://doi.org/10.1177/2053951716671340. Retrieved January 23, 2025, from http://sage.cnpereading.com/paragraph/article/?doi=10.1177/2053951716671340.

Medvedev, I.A., Ustyuzhanin, V.V., Zhdanov, A.I., & Korotaev, A.V. (2022). Application of machine learning methods for ranking factors and forecasting unarmed and armed revolutionary destabilization in the Afro-Asian macro zone of instability. In L.E. Grinin, A.V. Korotaev, D.A. Bykanova (Eds.), *Systemic monitoring of global and regional risks: A Yearbook.* Volgograd: Uchitel Publ., *13,* 131–210. (In Russian). https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06

Mellers, B.A., McCoy, J.P., Lu, L., & Tetlock, P.E. (2024). Human and algorithmic predictions in geopolitical forecasting: Quantifying uncertainty in hard-to-quantify domains. *Perspectives on Psychological Science*, *19*(5), 711–721. https://doi.org/10.1177/17456916231185339

Milivojevic, S. (2022). Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia. *Criminology & Criminal, Justice, 0*(0), https://doi.org/10.1177/17488958221123855. Retrieved January 23, 2025, from https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/17488958221123855

Novikov, A.V. (2022). Forecasting the risk of terrorist attacks based on machine learning algorithms. *National security / Nota Bene*, *1,* 28–44. (In Russian). https://doi.org/10.7256/2454-0668.2022.1.36596

Petrunin, Yu.Y., & Zernova, Yu.A. (2008). Statistical and neural network methods for studying the political situation in France on the example of regional elections in 1998 and 2004. *Public Administration. Electronic Bulletin (Electronic journal)*, (14). (In Russian). Retrieved January 23, 2025, from https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-i-neyrosetevye-metody-issledovaniya-politicheskoy-situatsii-vo-frantsii-na-primere-regionalnyh-vyborov-1998-i-2004-godov.

Rezaev, A.V. (Ed.). (2020). *From artificial intelligence to artificial sociality: new research problems of modern social analytics*. Moscow: VtsIOM. (In Russian).

Rivera, J-P., Mukobi, G., Reuel, A., Lamparth, M., Smith, Ch., & Schneider, J. (2024). Escalation risks from language models in military and diplomatic decision-making research-article. *FAccT '24: Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*, 836–898. https://doi.org/10.1145/3630106.365894

Rocca, G.L. (1981). 'A second party in our midst': The history of the Soviet Scientific Forecasting Association. *Social Studies of Science, 11*(2), 199–247. https://doi.org/10.1177/030631278101100202

Sobekin, S.A. (2023). Artificial intelligence in political processes: Prospects and challenges. *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies, 46,* 7–18. (In Russian). https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.7

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Possibilities and features of worldview formation in the digital communication environment: Based on expert research. *Political expertise: POLITEX*, *19*(1), 58–79. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.105

Yang, K.-C., & Menczer, F. (2024). Anatomy of an AI-powered malicious social botnet. *Journal of Quantitative Description: Digital Media,* 4. Retrieved February 15, 2025, from https://journalqd.org/article/view/5848

Yasnitskiy, L.N. (2008). On the possibilities of using artificial intelligence methods in political science. *Bulletin of Perm University. Political science, 2*(4), 147–155. (In Russian).

Yasnitsky, L.N. (2016). *Intelligent systems*. Moscow: Laboratory of Knowledge, 221 p. (In Russian).

Zernova, Yu.A., & Petrunin, Yu.Y. (2010). Forecasting the presidential elections in France in 2007. *Public Administration. Electronic Bulletin (Electronic journal),* 24. Retrieved January 23, 2025, from https://elibrary.ru/item.asp?id=15283514. (In Russian)

Zuloaga-Rotta, L., Borja-Rosales, R., Rodríguez, Mallma, M.J., Mauricio, D., & Maculan, N. (2024). Method to forecast the presidential election results based on simulation and machine learning. *Computation, 12*(38), https://doi.org/10.3390/computation12030038

Сведения об авторе:

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

About the author:

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Associate professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 149–168**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-149-168
EDN: KIGGPW

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в политическом анализе: записки умеренного оптимиста

О.В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ pov_64@mail.ru

Аннотация. В современных политологических исследованиях все большее внимание уделяется анализу возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта (ИИ). Автором рассмотрена эволюция методов ИИ от нейросетей к генеративным моделям искусственного интеллекта (AGI). Систематизированы основные инструменты ИИ для политического анализа: машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети различных архитектур, обработка естественного языка (NLP). Представлен обзор программных платформ для сбора, обработки и визуализации политических данных. Выделены ключевые тематические направления применения ИИ: электоральные исследования, анализ политического дискурса, исследования международных отношений и геополитики, государственное управление. Обозначены возможности метода NLP для анализа тональности, тематического моделирования и извлечения основных идей из политических текстов. В исследовании не только подчеркнуты достоинства использования ИИ в политическом анализе (автоматизация, уменьшение времени на исследование, новые возможности прогнозирования), но и показаны риски и ограничения: технические уязвимости моделей, феномен «галлюцинаций ИИ», предвзятость алгоритмов, проблемы прозрачности и возможности интерпретации результатов, этические и правовые вызовы. Обоснована позиция «осторожного оптимизма», предполагающая эффективное использование ИИ при соблюдении системности анализа, норм критической рефлексии, этических принципов и сохранении профессиональных компетенций политолога. Сделан вывод о необходимости ответственного применения ИИ в политических исследованиях, овладения современными инструментами цифровой аналитики и обязательного сохранения навыков традиционных методов изучения сферы политики.

© Попова О.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), политический анализ, методы ИИ в исследовании политических процессов, машинное обучение, нейронные сети, обработка естественного языка (NLP), электоральные исследования, политический дискурс, геополитика, Большие Данные, этика ИИ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Попова О.В.* Искусственный интеллект в политическом анализе: записки умеренного оптимиста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 149–168. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-149-168 EDN: KIGGPW

Artificial Intelligence in Political Analysis: Notes from a Moderate Optimist

Olga V. Popova

St. Petersburg State University, *St. Petersburg, Russian Federation*

Northwestern Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, *St. Petersburg, Russian Federation*

✉ pov_64@mail.ru

Abstract. In modern political science research, increased attention is being paid to the analysis of the possibilities and limitations of using artificial intelligence (AI). The evolution of AI methods from neural networks to generative artificial intelligence (AGI) models is considered. The author systematizes the main AI tools for political analysis: machine learning, deep learning, neural networks of various architectures, natural language processing (NLP). An overview of software platforms for collecting, processing and visualizing political data is presented. Key thematic areas of AI application are highlighted: electoral research, political discourse analysis, international relations and geopolitics studies, public administration. The capabilities of the NLP method for sentiment analysis, topic modeling and extraction of main ideas from political texts are outlined. The author not only emphasizes the advantages of using AI in political analysis (automation, reducing research time, new forecasting capabilities), but also shows the risks and limitations: technical vulnerabilities of models, the phenomenon of "AI hallucinations", bias of algorithms, problems of transparency and the ability to interpret results, ethical and legal challenges. The position of "cautious optimism" is substantiated, which assumes the effective use of AI while maintaining systematic analysis, norms of critical reflection, ethical principles and maintaining the professional competencies of a political scientist. The conclusion is drawn about the need for the responsible use of AI in political research, mastery of modern digital analytics tools and the mandatory retention of skills in traditional methods of studying the sphere of politics.

Keywords: artificial intelligence (AI), political analysis, AI methods in the study of political processes, machine learning, neural networks, natural language processing (NLP), electoral research, political discourse, geopolitics, Big Data, ethics of AI

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Popova, O.V. (2026). Artificial intelligence in political analysis: Notes from a moderate optimist. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 149–168. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-149-168 EDN: KIGGPW

Введение

В политических исследованиях периодически активизируется обсуждение новых методов, которые в определенный момент воспринимаются многими политологами как едва ли ни универсальные способы работы с информацией. Традиционно после лавинообразного роста интереса и попыток доказательства возможности применения нового метода исследования ко многим конкретным тематическим областям политологии следует этап более взвешенного определения баланса достоинств и недостатков, ограничений метода исследования, а затем он устойчиво занимает определенное место в ряду других инструментов политологического анализа. Подобная ситуация наблюдалась в отношении фокус-групп в конце 1990-х гг., а затем технологии Больших Данных в первой половине 2010-х гг. В начале пандемии активизировалось обсуждение использования качественных методов сбора информации (качественной методологии), хотя еще в 1990-х гг. политологи-эмпирики пришли к обоснованному заключению о необходимости сочетания разных стратегий и методов в рамках одного проекта для получения максимально полной и объективной информации. Почти сразу после этого у политологов возник глубокий интерес к использованию методов искусственного интеллекта (далее — ИИ). Ученые убеждены, что уже в 2026 г. будет создана его сильная (генеративная) версия — AGI, которая будет обладать операционной автономностью, способностью обрабатывать информацию, принимать решения и влиять на окружающий мир без прямого, пошагового вмешательства человека[1].

Мощный рост количества научных публикаций по проблемам ИИ в отечественной политологии наблюдается с 2020–2022 гг. [Володенков, Федорченко, Печенкин 2024: 24–48; Ерохина 2020: 67–73; Федорченко 2020: 41–53]. Обсуждаются состояние и перспективы применения ИИ в гуманитарных и общественных науках [Алексеев, Никитина 2024: 2*19–223;* Иванова, Ильмиев, Чупрова 2025: 179–185]. Некоторые исследователи, говоря о возможностях и рисках внедрения ИИ в сферу политики, концентрируются на системных изменениях социума и государства [Торкунов 2025: 24–35], другие ученые сосредоточены на применении ИИ прежде всего как средства совершенствования управленческих решений, позволяющих максимально оперативно повысить информационную безопасность, оптимизировать действия управленческих кадров, генерировать новые идеи и искать оригинальные и эффективные пути решения проблем социума [Соколов, Фролов, Бабаджанян 2025: 622–637].

Рефлексия по поводу использования ИИ как аналитического средства политической науки в настоящее время не является мейнстримом, хотя ведущие российские политологи несколько лет назад писали о необходимости разработки новой методологии и методов исследования цифровой политической

[1] *Гиганов И.* Думай сам: когда человечество создаст сильный ИИ и как это отразится на обществе. 2024. 26 апреля. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/511095-dumaj-sam-kogda-celovecestvo-sozdast-sil-nyj-ii-i-kak-eto-otrazitsa-na-obsestve?ysclid=ml3d867p5w468307894 (дата обращения: 12.11.2025).

реальности [Гаман-Голутвина 2019: 19–42]. Более того, в 2006 г. в учебнике А.С. Ахременко «Политический анализ и прогнозирование» упоминалась значимость использования нейронных сетей для изучения политических процессов. В 2008 г. в «Вестнике Пермского университета» была опубликована статья Л.Н. Ясницкого, в которой он не просто рассуждал о возможностях нейросетей, но показал, как на основе сгенерированной нейросети, фиксирующей всего 5 личностных показателей избирателей (возраст, происхождение, семейное положение, количество детей, сфера деятельности респондентов), можно с высокой степенью точности предсказать победу кандидата на президентских выборах (в качестве обучающей модели были использованы результаты голосования во Франции и США) [Яницкий 2008: 147–155]. Уникальность искусственных нейросетей связана с их способностью к обучению, выделению наиболее существенной информации из огромного потока данных и с возможностью использовать принцип аналогии, перенося опыт уже имевших место случаев на новые. Исключительно важна способность таких сетей к обнаружению каузальных связей; на исследователя в этом случае ложится особая ответственность за отбор действительно значимых факторов, влияние которых на анализируемое явление можно аргументированно доказать как системное, а не ситуативное.

Изучение социальных сетей с помощью алгоритмов анализа BD позволило во время президентской кампании 2008 г. в США многократно повысить финансовые сборы для Б. Обамы от «малых жертвователей» и успешно координировать работу агитаторов за лидера демократов. В интернет-публикациях 2016 г. активно обсуждалось применение ИИ в микротаргетинге на президентских выборах в США и в период подготовки консультативного референдума по Brexit в Великобритании, в прогнозировании исхода рассмотрения законопроектов в парламентах[2]. Сведения о применении ИИ в политической практике РФ появились весной 2016 г., когда в небольшой заметке были упомянуты планы использования этих технологий для прогнозирования исхода думских выборов. Информация о намерении использовать ИИ в работе МИД РФ появилась в декабре 2021 г.[3], а в январе 2026 г. было сообщено о создании специального штаба разработки и внедрения ИИ по указанию президента[4], что означает усиление прямого административного контроля над данной сферой.

Последние пять лет дали мощный старт обсуждению использования ИИ в политических исследованиях. Авторы рассуждают преимущественно о возможностях и уже сложившихся практиках использования ИИ в работе

[2] *Зеньков А.* Хорошие и плохие способы использовать машинное обучение в предвыборной кампании. Как ИИ помогает влиять на сознание избирателей. 2017. 15 сентября. URL: https://rb.ru/stories/ai-for-politics/?ysclid=mknmm6kla6778363019 (дата обращения: 12.11.2025).

[3] МИД применит искусственный интеллект для анализа внешней политики // Технологии и медиа. 2021. 14 декабря. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/12/2021/61b770359a79475adb8e588f (дата обращения: 12.11.2025).

[4] Развитием искусственного интеллекта в России займется специально созданный штаб. 2026. 19 января. URL: https://объясняем.рф/articles/news/razvitiem-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-zaymetsya-spetsialno-sozdannyy-shtab/ (дата обращения: 19.01.2026).

исполнительной власти, депутатского корпуса, судебной системы, в области государственного управления, принятия кадровых решений на региональном уровне; появляются публикации, посвященные анализу официального политического дискурса в различных странах, выполненные с помощью ChatGPT. На фоне пока явного недостатка конкретной информации об использовании органами власти методов ИИ в решении стоящих перед ними задач представляют интерес учебные издания даже с предельно краткой информацией [Соснило 2022]. В 2018 г. в ИТМО (Санкт-Петербург) и Казанском Приволжском Федеральном университете были изданы учебники по использованию искусственных нейронных сетей, где подчеркивались возможности применения этих знаний в государственном управлении. Встречаются публикации, в которых показан алгоритм использования конкретного инструмента ИИ для решения практических исследовательских задач [Качанов и др. 2021: 8–25] и даже в военном деле [Понкин 2022].

Очевиден изначально практико-ориентированный характер исследований в области политики с применением нейросетей. Ситуация к началу 2020-х гг. в зарубежной политологии принципиально не отличалась от российской. Проведенный проф. СПбГУ И.А. Быковым мониторинг политологических статей в зарубежных изданиях из базы Scopus за двадцатилетний период показал резкое увеличение публикаций на тему «ИИ в политической науке» только с 2018 г.; большинство из обнаруженных им 76 статей имели «лишь косвенное отношение к центральным проблемам политической науки» [Быков 2020: 23]. Они были опубликованы преимущественно в журналах по философии науки и техники, коммуникативистике и по техническим наукам и на момент проведения исследования за редким исключением имели низкие показатели цитирования. О появлении за рубежом значимых аналитических работ, показывающих возможности развития политических исследований под влиянием нейросетей по сценариям «адаптации» или «ревизии», преимущественно после 2018 г., свидетельствует и публикация В.С. Авдонина и В.Л. Силаевой [Авдонин, Силаева 2023: 127–154].

Объективно ИИ — зонтичное обозначение феномена, являющегося частью цифровой революции, радикально меняющей в том числе и инструментарий аналитики в политологических исследованиях. Цель исследования — обобщить позиции отечественных ученых по вопросу о принципиальной применимости методов ИИ в эмпирических политологических исследованиях с учетом уже сложившихся практик изучения конкретных тематических областей и точек зрения о преимуществах и издержках данного инструментария.

Становление методов ИИ

Хотя формируется впечатление, что тема ИИ привлекает внимание современного исследователя-политолога только в последние несколько лет, развитие нейронных сетей и методов машинного обучения началось несколько десятилетий назад. Стартом можно считать предложение Дж. Маккартни

термина «искусственный интеллект» на конференции в Дартмутском колледже в 1956 г. В 1960-х гг. появились персептроны — специализирующиеся на классификации информации первые нейронные сети, был разработан приоритетный для ИИ язык программирования LISP, создан первый чат-бот ELIZA. В 1970–1980-х гг. за рубежом финансирование государством разработок ИИ несколько сократилось[5]. В 1980-х гг. в контексте становления теории распределенного искусственного интеллекта возникла идея одновременного использования нескольких мощных компьютеров, чьи объединенные ресурсы позволили бы быстро решать сверхсложные и энергозатратные интеллектуальные задачи. В 1990-е гг. с развитием компьютерных технологий стали развиваться методы анализа BD на основе машинного обучения. Начало XXI в. ознаменовалось созданием мощных нейронных сетей на основе использования графических процессоров. В последние 15 лет сфера ИИ развивается очень быстро. Особенно заметными в потоке новаторских разработок оказались программы с использованием естественного языка, создающие реалистичные изображения и видео генеративные сети (GAN), большие языковые модели (LLM). Ведущие специалисты в области ИИ превозносят технологию AGI (общего искусственного интеллекта), утверждая, что уже в 2026 г. она оставит способности человека далеко позади[6]. Ставка на развитие сильного (генеративного) ИИ отнюдь не отрицает возможность и необходимость развития так называемого слабого ИИ, который предназначен для решения узких задач и не обладает самосознанием или высоким интеллектом.

Исследователи предлагают разные варианты классификации методов ИИ. Достаточно распространенной является точка зрения, выделяющая семь основных направлений: машинное обучение (есть два варианта — индуктивный ИИ и дедуктивный ИИ), глубокое обучение (обрабатывает данные на основе нейронных сетей), нечеткую логику, экспертные темы (метод опирается на интеграцию сложных данных), фреймовые технологии, нейронные сети (в том числе прямого распространения, сверточные, рекуррентные), эволюционное моделирование. Актуальная справочная информация свидетельствует о весьма разнообразном перечне программ и методов, которые могут быть использованы политологами. В этом списке представлено ориентированное на поиск скрытых закономерностей в огромном объеме данных «Машинное обучение» (Machine Learning, ML), «Глубокое обучение» (Deep Learning, DL), «Большие данные» (Big Data), которые уже с 2015 г. не считаются у программистов чем-то новаторским, «Распознавание образов» (Image Recognition), «Алгоритмы оптимизации» (Optimization Algorithms). Среди актуальных моделей сетей специалисты называют позволяющие распознавать образы, осуществлять классификацию

[5] *Патрушева А., Павлова А.* Второй разум: как развивается искусственный интеллект и что его ждёт в будущем. 2025. 28 февраля. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-iskusstvennyi-intellekt/ (дата обращения: 10.03.2025).

[6] *Смелов Л.* Искусственный интеллект 2026: что предсказывают Маск, Гейтс и сам ИИ. 2026. 20 января. URL: https://infokam.su/iskusstvennyj-intellekt-2026-chto-predskazyvayut-mask-gejts-i-sam-ii.html (дата обращения: 21.01.2026).

и делать прогнозы «Нейронные сети прямого распространения» (Feedforward Neural Networks), работающие с речью, текстами и временными рядами «Рекуррентные нейронные сети» (Recurrent Neural Networks), а также применяемые для анализа и обработки фотографий и видео «Сверточные нейронные сети» (Convolutional Neural Networks). Кроме того, для изучающих политические процессы ученых явно полезными могут быть заточенные на принятие решений модели машинного обучения — так называемые «Решающие деревья» (Decision Trees), позволяющие анализировать сложные системы и делать предсказания о развитии ситуации с ними «Байесовские сети» (Bayesian Networks), а также обнаруживающие закономерности и связи между различными параметрами такие методы машинного обучения, как «Ассоциативные правила» (Association Rules).

Возникла парадоксальная ситуация: при многообразии разработанных эффективных методов ИИ обществоведы пишут преимущественно об использовании для анализа сферы политики естественного языка (NLP), нейронных сетей и технологии машинного обучения. Естественный язык позволяет определять ключевые темы, тональность публичного официального, общественного и массмедийного политического дискурса и определять тенденции его изменения. Искусственные нейронные сети считаются удобными для распознавания образов, прогнозирования итогов голосований и принятия решений при тактическом планировании. Они обрабатывают большие данные для создания точных моделей политических процессов. Алгоритмы машинного обучения прогнозируют исход выборов, моделируют массовые настроения электората, просчитывают сценарии развития событий. В литературе часто упоминается алгоритм KCore Analytics, который использовался для прогноза исхода выборов в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Индия, Кипр, США. В качестве источников информации рассматриваются данные опросов общественного мнения, особенности обсуждений участниками виртуальных политизированных интернет-сообществ значимых событий, а также политические документы, относящиеся к официальному и неофициальному политическому дискурсу[7].

В настоящее время у исследователей сложилось определенное представление о том, какие из инструментов ИИ могут быть наиболее полезны для проведения политологических исследований (табл. 1).

Это не единственный вариант определения наилучших для аналитики программ и платформ ИИ. Заслуживает внимания классификация инструментов ИИ для бизнес-аналитиков безотносительно узкой сферы применения, поскольку она может быть полезна специалистам и в области изучения политических процессов (табл. 2). При сравнении включенных в таблицы программ мы видим почти полное отсутствие совпадения списков.

[7] *Кузнецов Г.С.* Искусственный интеллект в социологии. 2024. 23 сентября. URL: https://sociologos.ru/blog/iskusstvennyy-intellekt-v-sotsiologii/ (дата обращения: 12.09.2025).

Таблица 1. **Функционал программ ИИ для проведения политологических исследований**

Программы	Функционал	Особенности
	Модели ИИ для сбора данных	
PalitrumLab	Сбор информации в масс-медиа и социальных сетях	Выявляет оценку общественного мнения по поводу конкретных политических событий и явлений
	Модели ИИ для анализа данных	
UPDF	Цель — реферирование конкретных объемных текстов с составлением резюме	Требует загрузки конкретного текста Пригодна для анализа и интерпретации выступлений политиков, научных статей, рекламных политических материалов, политических проектов и т.д. Может анализировать тексты на разных языках, в том числе на русском, но лучше справляется с интерпретацией содержания англоязычных текстов
Google Cloud Vertex AI	Выполнение широкого круга задач: от выявления смысла текста и обнаружения трендов в наборе текстов до прогноза принятия определенных политических решений без необходимости использования стандартных средств программирования и написания кода	Использует алгоритмы машинного обучения на собственных данных для решения конкретных исследовательских задач Для работы необходимы определенные знания в сфере машинного обучения
Julius AI	Средство визуализации большого объема информации и построения графиков в одном стиле	Не требует написания кода Работает с естественным языком Может обнаруживать тенденции в предоставляемых данных и проводить их общую аналитику
Chat With Data	Используется для обнаружения и извлечение информации из большого массива данных из файлов разного формата	Не требует написания кода Работает с естественным языком Позволяет анализировать информацию из файлов разного формата Позволяет оперативно обнаружить значимые тематические направления для анализа массива данных Позволяет формулировать и проверять гипотезы, возникающие в ходе исследования Позволяет выявлять проблемы в анализируемом массиве данных
Tomat.AI	Предназначен для работы с файлами для хранения данных таблиц в текстовом формате (CSV)	Анализ, сортировка, группировка информации из больших CSV-файлов Визуализация информации без кодов SQL и формул Перевод текстов на другие языки Анализ тональности текстов
	Текстовые генеративные модели ИИ	
ChatGPT	Позволяет проводить анализ текстов, выявлять тенденции, предлагать идеи для интерпретации полученных результатов	Необходимость получения доступа к программе на территории РФ через специализированные программы Качество ответов ChatGPT зависит от навыков исследователя правильно задавать вопросы с точки зрения заложенных в программу алгоритмов Программа чувствительна к ценностно окрашенным вопросам с политическим подтекстом; высока вероятность получения ответа в леволиберальной стилистике Ограничивается набором данных, на котором проводилось обучение модели С лета 2025 г. доступны такие модели ChatGPT, как GPT–5 (базовый вариант по бесплатной подписке, а по платной — ChatGPT-Pro и ChatGPT-Plus), ChatGPT agent для решения многоходовых задач, а также с ноября 2025 г. GPT-5,1, позволяющий создавать групповые чаты
Perplexity	Созданный в 2022 г. специализированный генеративный ИИ на базе ChatGPT, обеспечивающий первичный («разведовательный») поиск («умный поисковик»), агрегацию сведений с указанием источников информации	Генерация краткого описания на основании содержания материала Поиск и выдача информации в виде прямой цитаты осуществляется с обязательной ссылкой на конкретную веб-страницу Анализ интернет-ресурсов в режиме реального времени Возможность визуализация данных в виде таблиц Необходимость составления подробных, детальных запросов для получения качественного ответа от программы Ограничение бесплатной версии 5 запросами в день (платная версия позволяет делать до 600 запросов)

Источник: Топ ИИ-инструментов для политических аналитиков. 2024. 4 июня. URL: https://dzen.ru/a/ZI8A2czi4HQCDwrT?ysclid=mknmnfucИсточник7320592640 (дата обращения: 15.09.2025).

Table 1. **Functionality of AI Programs for Conducting Political Science Research**

Programs	Functional	Peculiarities
AI models for data collection		
PalitrumLab	Collection of information in mass media and social networks.	Reveals the assessment of public opinion regarding specific political events and phenomena.
AI models for data analysis		
UPDF	The goal is to review specific, voluminous texts and compile summaries.	Requires uploading specific text. Suitable for analyzing and interpreting political speeches, scientific articles, political advertising materials, political projects, etc. It can analyze texts in various languages, including Russian, but is better at interpreting the content of English-language texts.
Google Cloud Vertex AI	Perform a wide range of tasks: from identifying the meaning of text and detecting trends in a set of texts to predicting the adoption of certain political decisions without the need for standard programming tools and coding.	Uses machine learning algorithms on proprietary data to solve specific research problems. Some knowledge of machine learning is required.
Julius AI	A tool for visualizing large amounts of information and plotting graphs in a single style.	No coding required. Works with natural language. Can detect trends in provided data and conduct general analytics.
Chat With Data	It is used to detect and extract information from a large array of data from files of different formats.	No coding required. Works with natural language. Allows you to analyze information from files of various formats. Allows you to quickly identify significant thematic areas for analyzing a data set. Allows you to formulate and test hypotheses that arise during research. Allows you to identify problems in the analyzed data set.
Tomat.AI	Designed for working with files for storing table data in text format (CSV).	Analysis, sorting, and grouping of information from large CSV files. Visualization of information without SQL codes and formulas. Translation of texts into other languages. Sentiment analysis of texts.
Text generative AI models		
ChatGPT	Allows you to analyze texts, identify trends, and propose ideas for interpreting the results obtained.	Access to the program within the Russian Federation is required through specialized software. The quality of ChatGPT responses depends on the researcher's ability to correctly formulate questions within the program's algorithms. The program is sensitive to value-laden questions with political overtones; there is a high probability of receiving answers with a left-liberal bias. Limited by the dataset on which the model was trained. Since summer 2025, ChatGPT models such as GPT-5 (the basic version is available with a free subscription, while ChatGPT-Pro and ChatGPT-Plus are available with a paid subscription), ChatGPT agent for solving multi-step problems, and, since November 2025, GPT-5.1, which allows for the creation of group chats, will be available.
Perplexity	Created in 2022, a specialized generative AI based on ChatGPT, providing primary ("reconnaissance") search ("smart search engine"), information aggregation with indication of information sources.	Generates a brief description based on the content of the material. Search and retrieve information as a direct quote with a mandatory link to a specific web page. Real-time analysis of internet resources. Data visualization in tables. Detailed queries are required to obtain a high-quality response from the program. The free version is limited to 5 queries per day (the paid version allows up to 600 queries).

Source: Top AI Tools for Policy Analysts. 2024. June 4. URL: https://dzen.ru/a/Zl8A2czi4HQCDwrT?ysclid=mknmnfuc Source 7320592640 (access date: 09/15/2025).

Таблица 2. **Функционал лучших программ ИИ для аналитики данных**

Программы	Функционал	Особенности
1	2	3
Julius AI	Позволяет анализировать, интерпретировать сложные данные, визуализируя их понятным даже для неспециалиста образом	Простота использования Использование естественного языка для запросов интерпретации содержания загруженных источников Поддержание работы с файлами любого формата, в том числе электронных таблиц (.xls, .xlsx, .xlsm, .xlsb, .csv), и базами данных Google Sheets и Postgres Строгий контроль за доступом пользователей только к своим данным Наличие ссылки на источник непосредственно в интерфейсе чата Визуализация электронных таблиц с несколькими вкладками
Coupler.io	Инструмент интеграции данных без написания кода, синхронизирующий сведения более чем 70 популярных приложений непосредственно с электронными таблицами (Google Таблицы, Excel)	Не требует ручного ввода данных, позволяет импортировать данные по расписанию и создавать отчёты в режиме реального времени Интуитивно понятный интерфейс, безопасная инфраструктура, гибкие функции преобразования, отсутствие требования технических навыков у пользователя Фильтрует и сортирует информацию, может переименовывать поля в таблице
PowerDrill AI	Платформа быстрого и эффективного анализа загруженных данных через диалоговый интерфейс	Обеспечивает быстрый анализ данных и прогнозирование тенденций за счет расширенного машинного обучения с помощью интуитивно понятного диалогового интерфейса Позволяет настраивать панели в процессе мониторинга данных Поддерживает интеграцию с существующими системами Проводит аналитику в реальном времени, Обеспечивает конфиденциальность данных Требует стабильного интернет-соединения при обработке данных Интегрируется с существующими ИТ-системами для повышения скорости работы
DataLab	Платформа для повышения эффективности обработки данных с помощью упрощения и ускорения преобразования данных на основе мощной интегрированной среды разработки (IDE) и генеративной технологии ИИ	Помогает писать и исправлять код, объяснять структуру данных, предлагает контекстно-зависимые рекомендации Поддерживает совместную работу в режиме реального времени, позволяя командам обмениваться информацией и эффективно контролировать версии Автоматически обновляет создаваемые в реальном времени отчеты Подключается к различным источникам данных
Microsoft Power BI	Платформа бизнес-аналитики, позволяющая сортировать данные и визуализировать их для лучшего понимания	Импортирует данные из любого источника и позволяет практически сразу создавать информационные панели и отчеты Позволяет создавать модели машинного обучения и использовать другие функции ИИ для анализа данных Легко интегрируется с существующими приложениями Создает персонализированные информационные панели Помогает публиковать защищенные отчеты Отсутствуют ограничения по памяти и скорости
Polymer	Преобразует разрозненные данные в единую базу данных	Нет необходимости кодирования информации и программирования Позволяет искать электронные таблицы Анализирует данные, облегчает понимание их сути
Аккио	Инструмент для анализа и прогнозирования, подходит для новичков	Инструмент предназначен для начинающих, не требует опыта программирования Позволяет на основе загрузки определенного набора данных сформировать нейтронную сеть вокруг выбранной переменной и предсказать ее значение Позволяет рассчитать рейтинг точности различных моделей прогноза
Echobase	Платформа для работы команды для запроса сведений, создания контента и анализа данных на основе загрузки файлов или синхронизации облачного хранилища	Подходит для работы команды, обеспечивает доступ к агентам ИИ, назначает роли и управляет разрешениями Не требует знаний в области программирования Обеспечивает пользователям безопасность их данных с помощью шифрования AWS и полный контроль над ними Предлагает такие инструменты ИИ, как создание текстов, включая истории и электронные письма
BlazeSQL	Инструмент мгновенного преобразования запросов на естественном языке в запросы на языке программирования SQL с целью поиска, извлечения и визуализации данных	Поддерживает несколько баз данных SQL Предлагает облачную и настольную версии; вторая из них обеспечивает полную конфиденциальность и безопасность данных пользователя Самообучаема: позволяет на основе изучения базы данных пользователя лучше понимать их структуру и предлагать усложненные запросы Может генерировать сложные SQL-запросы Позволяет на основе аналитики быстро принимать обоснованные решения

Окончание табл. 2

1	2	3
Tableau	Платформа для аналитики и визуализации данных с созданием отчетов, которыми можно поделиться	Работает с языком запросов VizQL Проста в использовании, не требует навыков в области программирования Обрабатывает большие объемы данных Выполняет сложные вычисления, объединение данных, создает информационные панели Создает интерактивные визуализации Позволяет работать в облаке и локально Позволяет создавать отчеты и делиться ими на настольных компьютерах и в мобильных устройствах

Источник: МакФарланд А. 10 лучших инструментов искусственного интеллекта для аналитиков данных (январь 2026 г.). URL: https://www.unite.ai/ru/ai-tools-data-analysts/ (дата обращения: 03.01.2026).

Table 2. **Features of the Best AI Programs for Data Analytics**

Programs	Functional	Peculiarities
Julius AI	Allows you to analyze and interpret complex data, visualizing it in a way that is understandable even to a non-specialist.	Ease of use. Use of natural language to query and interpret the content of downloaded sources. Support for files of any format, including spreadsheets (.xls, .xlsx, .xlsm, .xlsb, .csv), and Google Sheets and Postgres databases. Strict user access control ensures that users only access their own data. Link to the source directly in the chat interface. Spreadsheet visualization with multiple tabs.
Coupler.io	A no-code data integration tool that syncs data from over 70 popular apps directly with spreadsheets (Google Sheets, Excel).	It eliminates manual data entry and allows scheduled data import and real-time reporting. It features an intuitive interface, secure infrastructure, flexible transformation functions, and no technical skills required. Filters and sorts information and allows renaming of table fields.
PowerDrill AI	A platform for fast and efficient analysis of uploaded data via a dialog interface.	Provides rapid data analysis and trend forecasting using advanced machine learning through an intuitive dialog interface. Allows you to customize dashboards while monitoring data. Supports integration with existing systems. Performs real-time analytics. Ensures data privacy. Requires a stable internet connection for data processing. Integrates with existing IT systems to improve performance.
DataLab	A platform for improving data processing efficiency by simplifying and accelerating data transformations based on a powerful integrated development environment (IDE) and generative AI technology.	Helps you write and fix code, explains data structure, and offers context-sensitive recommendations. Supports real-time collaboration, allowing teams to share information and effectively control versions. Automatically updates generated reports in real time. Connects to various data sources.
Microsoft Power BI	A business intelligence platform that lets you sort and visualize data for better understanding.	Imports data from any source and allows you to create dashboards and reports almost instantly. Allows you to create machine learning models and use other AI features to analyze data. Easily integrates with existing applications. Creates personalized dashboards. Helps publish secure reports. No memory or speed limits.
Polymer	Transforms disparate data into a single database.	No coding or programming required. Allows you to search spreadsheets. Analyzes data, making it easier to understand.
Аккио	A tool for analysis and forecasting, suitable for beginners.	This tool is designed for beginners and requires no programming experience. It allows you to generate a neural network around a selected variable and predict its value based on a specific data set. It also allows you to calculate the accuracy rating of various forecasting models.

Ending of theTable 2

Programs	Functional	Peculiarities
Echobase	A team collaboration platform for querying information, creating content, and analyzing data based on file uploads or cloud storage synchronization.	Suitable for teamwork, it provides access to AI agents, assigns roles, and manages permissions. No programming knowledge required. Provides users with data security and full control using AWS encryption. Offers AI tools such as text generation, including stories and emails.
BlazeSQL	A tool for instantly converting natural language queries into SQL queries for searching, retrieving, and visualizing data.	Supports multiple SQL databases. Offers cloud and desktop versions, the latter of which ensures complete privacy and security of user data. Self-learning: By studying the user's database, it can better understand its structure and suggest complex queries. Can generate complex SQL queries. Enables quick, informed decision-making based on analytics.
Tableau	A platform for data analytics and visualization with the creation of shareable reports.	Works with the VizQL query language. Easy to use, no programming skills required. Processes large volumes of data. Performs complex calculations, combines data, and creates dashboards. Creates interactive visualizations. Works in the cloud and on-premises. Allows you to create reports and share them on desktops and mobile devices.

Source: McFarland A. Top 10 AI Tools for Data Analysts (January 2026). Retrieved March 1, 2026, from https://www.unite.ai/ru/ai-tools-data-analysts/ (access date: 01/03/2026).

Основные тематические направления политических исследований с использованием ИИ

Использование ИИ в электоральных прогнозах позволяет учитывать позицию взрослого населения территорий, которые обычно не попадают в выборку традиционных массовых опросов и дают возможность отслеживать изменения намерений избирателей непосредственно перед выборами. В отличие от традиционного социологического подхода, в котором сравниваются электоральные предпочтения и намерения различных социально-демографических групп, использование ИИ позволяет одновременно учитывать также политические взгляды, стиль жизни и даже личностные характеристики, что в итоге позволяет с помощью микротаргетинговой рекламы отправлять избирателям уникальные сообщения, которые подталкивают их к определенным действиям. В электоральных исследованиях доминируют практические оперативные цели использования ИИ.

Сделанный весной 2025 г. прогноз об использовании ИИ на выборах в Госдуму IX созыва[8] прямо указывает на разработку и использование принципиально отличающихся от предыдущих нейросетей, которые позволят предельно быстро и гибко принимать стратегические и ситуативные решения с целью повлиять на избирателей, оперативно создавать и рассылать целевые агитматериалы для конкретных малых социальных групп. Проводимые с помощью ИИ в интернет-пространстве электоральные исследования объективно

[8] Приближение кибер-айсберга. Нейросети на выборах в Госдуму 2026. 2025. 26 марта. URL: https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2026/priblizhenie-kiber-aysberga/?ysclid=ml15cc0gq3101334256 (дата обращения: 12.11.2025).

потребуют очень небольшого количества времени, отнюдь не всегда будут проходить в опросной форме и при этом позволят учитывать колоссальное число переменных, которые не может вместить традиционный массовый опрос. Обещают разработку цифрового образа идеального кандидата, возможность использования ИИ-ассистента, а также генерацию агитационного контента любого формата, жанра на любой вкус предельно быстро, адресно и относительно недорого. Наряду с особыми формами изучения общественного мнения ИИ явно может быть использован политическими экспертами, которые будут ссылаться на этот источник, акцентируя объективность предоставляемой информации. Безусловно, эксперты — «говорящие головы» также заинтересованы в оперативном получении контента при минимизации своих собственных интеллектуальных усилий.

Представляется интересным посвященный теме государственной политики электоральных инноваций научно-методический эксперимент, проведенный проф. Н.А. Барановым (СЗИУ РАНХиГС) в 2024 г. и основанный на сравнении полученных традиционным для политологов методом экспертного глубокого нестандартизованного интервью данных и ответов ИИ (NicbarBot). Ответы экспертов и программы ИИ на 14 вопросов гайда оказались неидентичными. По оценке ученого, чат-бот демонстрирует «теоретическую проработанность вопросов… политическую нейтральность, нацеленность на достижение положительных результатов… Эксперты соизмеряют свои ответы с реальной политической ситуацией, готовностью общества к новациям, включая техническую составляющую… отсутствует идеализированное оптимистичное представление» [Баранов 2025b: 617–618].

Перед выборами президента США в 2024 г., президента Польши в 2025 г. и федеральными выборами в Палату общин в Канаде в 2025 г. были проведены интересные научно-методические эксперименты, показывающие возможность коммуникации избирателей с ИИ повлиять на электоральные намерения людей не за счет манипулятивных приемов, а благодаря качеству аргументов, поскольку чат-боты приводят множество убедительных фактов в поддержку своей позиции[9].

Среднесрочное и долгосрочное прогнозирование в области международных отношений [Баранов, 2025a: 159–179] и геополитики также становится весьма популярным направлением применения ИИ, особенно в таких вопросах, как «мировая экономика, военное стратегическое планирование и мегатренды мировой политики»[10]. Алгоритм использования ИИ для прогнозирования международных отношений предполагает первоначально создание базы информации из надежных источников, содержащих количественные и качественные данные по интересующей исследователя теме, с последующим использованием нескольких инструментов ИИ, каждый из которых дополняет и уточняет выводы.

[9] *Осборн Э.* Чат-боты с ИИ повлияли на мнение избирателей в эксперименте. URL: https://naukatv.ru/news/chatboty_s_iskusstvennym_intellektom_mogut_effektivno_vliyat_na_izbiratelej_v_lyubuyu_storonu (дата обращения: 22.12.2025).

[10] *Токарева А.* Многополярность, фрагментация и роль России: каким JPMorgan видит мир к 2050 г. 2026. 7 января. URL: https://frankmedia.ru/256801 (дата обращения: 07.01.2026).

В качестве наиболее оптимальных вариантов в настоящее время называют анализ на основе исторических данных временных рядов *LSTM*-сети с долговременной памятью и сверточных сетей *(TCN)*, использование в качестве более простой альтернативы для обеих сетей высокопроизводительных обучающихся рекуррентных блоков с вентилями *(GRU),* а также генеративно-состязательных сетей *(GAN)* для обнаружения новых вариантов развития событий[11].

Информационные сообщения в Интернете показывают, что ИИ активно применяют для изучения геополитических процессов с помощью сценарного метода в новых исследовательских центрах при крупнейших коммерческих фирмах. Примером может служить созданный в 2024 г. при инвестиционно-банковском конгломерате JPMorgan и начавший функционировать летом 2025 г. «Центр по геополитике»[12]. Официально он должен предоставлять корпоративным клиентам информацию о территориях с высокими рисками для финансового инвестирования и логистических цепочек поставки продукции, однако сведения о том, что штатными сотрудниками Центра являются специалисты с опытом работы в Пентагоне и Белом доме, а первые доклады были связаны с оценкой состояния военно-промышленной базы США, перспектив развития международных отношений на Ближнем Востоке, а также между Россией и Украиной, свидетельствуют о появлении аналитических структур, в которых выводы экспертов, работающих со сценарным методом, опираются прежде всего на извлекаемую программистами из Интернета гигантскую по объему информацию.

С помощью естественного языка (NLP) политологи могут анализировать тексты из СМИ, соцсетей и речи политиков и политических активистов для выявления трендов принятия решений и мониторинга общественного мнения, прогнозирования реакций людей на различные события. Этот метод позволяет автоматизировать многие виды работ с большими объемами текстовых данных.

Исследователи всерьез обсуждают возможность «социологии без респондентов» — изменение способов изучения общественного мнения на основе моделирования реакции представителей различных социально-демографических групп на какие-либо значимые социально-политические события с помощью больших языковых моделей (LLM). Естественный язык позволяет быстро определить эмоциональную окраску информации (позитивную, негативную или нейтральную) в официальных сообщениях, постах и комментариях в соцсетях, он извлекает имена политиков и организаций, события из текстов, а в сетевом анализе позволяет построить сети связей для изучения коалиций или конфликтов. Кроме того, рассматривается возможность проведения с помощью этого инструмента мысленных (имитационных) экспериментов.

---

[11] *Аверкин Н.* Прогностические возможности ИИ в области международных отношений. 2025. 30 июля. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/prognosticheskie-vozmozhnosti-ii-v-oblasti-mezhdunarodnykh-otnosheniy/?ysclid=mknmd2hd8145167422 (дата обращения: 01.08.2025).

[12] *Токарева А.* Многополярность, фрагментация и роль России: каким JPMorgan видит мир к 2050 г. 2026. 7 января. URL: https://frankmedia.ru/256801 (дата обращения: 07.01.2026).

Риски и угрозы применения ИИ в политических исследованиях

На первый план выходят, безусловно, этические проблемы применения ИИ в политологических исследованиях. Речь идет не только о возможностях их проведения безопросным методом, что предполагает не только сбор данных по цифровому следу, но и получение практически исчерпывающей персонифицированной информации о конкретных людях, их политических предпочтениях, стиле жизни взглядах и т.д. Если в традиционных опросах при анкетировании исследователи гарантируют респондентам анонимность, а в интервью — конфиденциальность, то в случае ИИ этот вопрос даже не встает: владеющий соответствующими технологиями человек может распоряжаться полученной информацией по своему усмотрению практически без ограничений. Применение ИИ в политологических исследованиях вызывает ряд проблем, связанных с определенной настройкой (предвзятостью) алгоритмов, нарушением приватности частной жизни и опасностью манипулирования общественным мнением. Эти негативные процессы требуют разработки и внедрения не только этических стандартов и прозрачных механизмов контроля, но и определенных норм Административного и, возможно, даже Уголовного кодексов.

Важный вопрос — обладание интеллектуальными правами на полученный результат исследований. Если функции исследователя сводятся к написанию промта (совокупность вопросов, на которые ИИ должен дать ответ), то кто будет обладать авторскими правами на проект, текст отчета, содержащуюся в нем информацию? Поскольку мы вступили с ИИ в «пространство неизвестного», то разработка юридических норм очень долго, почти всегда будет носить запаздывающий характер и стремиться, скорее, в догоняющем режиме хотя бы частично снять возникающие негативные эффекты.

Алгоритмы ИИ могут воспроизводить предубеждения из используемых для обучения модели данных, что неизменно приведет к субъективным выводам. В конце 2025 г. изучающий большие языковые модели (LLM) французский стартап Foaster Labs провел онлайн-исследование The Gap Between Machines & Citizens, сравнив ответы нескольких моделей ИИ (GPT-5, Grok-4, Gemini 2.5 Pro, Claude 4.5 Sonnet, Kimi K2 Thinking, Magistral Medium) на вопросы о социальной, налоговой и миграционной политике, состоянии рынка труда и безопасности граждан, а также регулировании ИИ. Некоторые ответы систем выглядели странно, и после их отсеивания ученым удалось отразить положение программ ИИ в двумерном пространстве экономических и политических взглядов на основе шкалы «левые — правые». В результате «GPT-5 оказалась почти в центре, но с небольшим уклоном в сторону либертарианства по вопросам личных свобод. Grok-4 оказался единственным правым либертарианцем, а Claude, Gemini, Kimi и Magistral стали левыми либертарианцами: их ответы чаще поддерживают перераспределение и социальные программы при относительно мягком отношении к контролю над частной жизнью граждан»[13]. В 2023 г. университет-

[13] *Пешков А.* Раскрыты политические взгляды ИИ: GPT-5 ближе к центру, Grok-4 справа. 2025. 26 ноября // URL: https://habr.com/ru/news/970666/?ysclid=mknmqy0s23773432159 (дата обращения: 22.12.2025).

ские ученые из США и КНР протестировали 14 различных языковых моделей, задав 62 вопроса на политические темы, и получили подтверждение не только ориентации ИИ на те базы данных, которые использовались для обучения, но и практической невозможности «переобучения» систем[14]. Эта ситуация показывает исключительность влияния исходной использованной информации на результаты работы ИИ.

Отдельная проблема — прозрачность алгоритмов ИИ. Ученые утверждают, что это — «черный ящик» подчас для самих разработчиков. В такой ситуации непонимания неизбежны недоверие и скептицизм со стороны рядовых граждан в отношении использования ИИ в сфере политики безотносительно того, идет ли речь о принятии управленческих решений, о научном анализе произошедших или прогнозировании грядущих событий. Риски утечки персональных данных и/или возможности скрытой агитации неизбежно негативно скажутся на отношении к ИИ. Достоверность полученных данных с помощью ИИ остается под вопросом из-за так называемого феномена «галлюцинации ИИ», когда пользователю в ответ на его запрос «большая языковая модель» (LLM; Large Language Model) предлагает несуществующие факты со ссылками на псевдоисточники. Возможный выход — «ограничение автономии ИИ… продвижение заслуживающих доверия неагентных моделей… разработка безопасных ИИ-систем во главе с ИИ-контролером, отслеживающим их работу и имеющим возможность останавливать потенциально вредные действия ИИ»[15].

Старший научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН А.В. Дождиков выделил следующие ключевые проблемы технического плана, неизбежно возникающие при использовании ИИ в социальных и политических исследованиях:

а) требование увеличения вычислительных ресурсов для становящихся все более громоздкими моделей ИИ;

б) ограниченность оригинальных данных, трудоемкость их разметки на этапе подготовки проекта (машинного обучения модели), особенно в случае проведения экспертизы по очень узкой, специфической теме;

в) требование постоянной перенастройки модели (буквально через два-три месяца после запуска исследовательского проекта), поскольку социальные и политические процессы развиваются нелинейно, скорость их изменения, а то и направление постоянно трансформируются, соответственно, устаревают исходные данные и качество интеллектуального продукта также ухудшается;

г) необходимость учета в модели аномальных (нетипичных) данных и возможное игнорирование перенастроенной дообученной моделью исходных типов объектов;

[14] *Агазода Р.* У языковых моделей есть политические взгляды — исследование. 2023. 8 августа // URL: https://tproger.ru/articles/u-yazykovyh-modelej-est-politicheskie-vzglyady-issledovanie (дата обращения: 22.12.2025).

[15] *Демьяненко В.* Козни, шантаж и коварство: автономный ИИ без «красных линий» // Эконс. 2025. 13 ноября. URL: https://econs.online/articles/techno/kozni-shantazh-i-kovarstvo-avtonomnyy-ii-bez-krasnykh-liniy/ (дата обращения: 07.01.2026).

д) проблема выдачи ИИ имитационных недостоверных результатов, которые создают у исследователей иллюзию истинных [Дождиков 2025: 258–259].

Приведенный список показывает, что преимущества быстрого автоматизированного получения аналитических результатов исключительно значимы, но их необходимо укреплять за счет минимизации реальных рисков, связанных с использованием ИИ в политологических исследованиях.

Заключение

Научные исследования в области политики за редким исключением (касающимся, например, конкретных узких вопросов истории политической мысли) перестают быть в настоящее время продуктом отдельных ученых («одиночек»); чаще всего требуется синергетический эффект интеллектуальных усилий научного коллектива мотивированных и профессионально подготовленных специалистов. В период активного внедрения ИИ эта тенденция, несмотря на то, что новые технологии значительно облегчают процедуры сбора, обработки и интерпретации материалов, скорее всего, лишь усилится.

Остро стоит вопрос о необходимости знания современными политологами методических правил и процедур выполнения различных видов анализа в случае повсеместного использования ИИ. Напрашивается лишь внешне очевидный ответ на вопрос о возможности их не изучать, не приобретать никаких специальных знаний и навыков, а положиться на технологии ИИ, сосредоточившись на обучении правилам «промт-инжиниринга» («искусства задавать ИИ правильные вопросы»). Безусловно, мы наблюдаем «естественное умирание» некоторых эмпирических методов политологических исследований (преимущественно методов сбора данных). Но не окажемся ли мы, безответственно полагаясь на методы ИИ, в роли персонажа из старого советского мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве», где всю работу за главного героя с очень плохим результатом делали «двое из ларца, одинаковых с лица»?!

Собственно говоря, альтернатив решения этой проблемы немного: политолог осваивает искусство и науку самостоятельной работы с помощью ИИ или работает в команде с программистами. Но и во втором случае ситуация не очень простая. При отсутствии слаженной работы политологов и программистов и признания в проекте стратегического лидерства в определении цели и дизайна исследования именно за обществоведами возникнут дополнительные риски узкой трактовки полученных результатов вне контекста влияющих на них многочисленных исторических, экономических и социально-политических факторов.

Поступила в редакцию / Received: 03.11.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 10.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Авдонин В.С., Силаева В.Л. Нейросети нового поколения в контексте технологий искусственного интеллекта, философии и социально-политических наук // Политическая наука. 2023. № 4. С. 127–154. http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.05.

Алексеев С.А., Никитина Т.Н. Методологические основания социологии искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 219–223. http://www.doi.org 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223.

Баранов Н.А. Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025b. Т. 27. № 3. С. 606–621. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-606-621

Баранов Н.А. Искусственный интеллект как новый актор системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025a. № 3. С. 159–179. http://www.doi.org 10.24412/2227-1538-2025-3-159-179.

Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. № 4 (2). С. 23–33.

Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 406–424. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424. EDN: LWSYCV.

Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19–42. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03. EDN: VCXQCS.

Дождиков А. Между Минотавром и Тесеем: общий искусственный интеллект и цифровой апгрейд человека // Логос. 2025. Т. 35. № 4 (167). С. 253–273.

Ерохина О.В. Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (3). С. 67–73. http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73.

Иванова Е.Р., Ильмиев Р.И., Чупрова Т.О. Искусственный интеллект в гуманитарных науках: перспективы и вызовы // Социология. 2025. № 12. С. 179–185.

Качанов Ю.А., Кравченя П.Д., Кузнецов М.А., Кузнецова А.С., Гилка В.В. Распределенный алгоритм извлечения текстовой информации из новостных сайтов с использованием технологий больших данных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Управление, вычислительная техника, информатика. Медицинское приборостроение. 2021. № 11 (4). С. 8–25. https://doi.org/10.21869/2223-1536-2021-11-4-8-25

Понкин И.В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры. Москва : Буки Веди, 2022. 106 с.

Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637

Соснило А.И. Атлас искусственного интеллекта для бизнеса и власти. СПб : Университет ИТМО, 2022. 98 с.

Торкунов А.В. Цифровая трансформация и искусственный интеллект в преобразовании политического мира // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 24–35. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.05.03. EDN: TGGHCI.

Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53. http://www.doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53.

Ясницкий Л.Н. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии // Вестник Пермского университета. Политология. 2008. № 2. С. 147–155.

References

Alekseev, S.A., & Nikitina, T.N. (2024). Methodological foundations of the sociology of artificial intelligence. *Bulletin of Economics, Law and Sociology, 4,* 219–223. (In Russian). http://www.doi.org 10.24412/1998-5533-2024-4-219-223.

Avdonin, V.S., & Silaeva, V.L. (2023). New generation neural networks in the context of artificial intelligence technologies, philosophy and socio-political sciences. *Political science,* (4), 127–154. (In Russian). http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.05.

Baranov, N.A. (2025a). Artificial intelligence as a new actor in the system of international relations: Challenges and prospects. *PolitBook,* (3), 159–179. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179

Baranov, N.A. (2025b). Harnessing artificial intelligence in electoral processes: Emerging opportunities and innovations. *RUDN Journal of Political Science*, *27(3),* 606–621. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-606-621

Bykov, I.A. (2020). Artificial intelligence as a source of political judgments. *Journal of Political Research, 4*(2), 23–33. (In Russian).

Dozhdikov, A. (2025). Between the Minotaur and Theseus: general artificial intelligence and human digital upgrade. *Logos, 35*(4), 253–273. (In Russian).

Erokhina, O.V. (2020). Implementation of machine learning methods to solve political problems. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 10*(3), 67–73. (In Russian). http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73.

Fedorchenko, S. (2020). The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: Problems of legitimacy, information security and soft power. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences, 1,* 41–53. (In Russian). http://www.doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53.

Gaman-Golutvina, O.V. (2019). Overcoming methodological differences: The debate about knowledge politics in an age of uncertainty. *Polis. Political Studies*, *5,* 19–42. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03

Ivanova, E.R., Ilmiev, R.I., & Chuprova, T.O. (2025). Artificial intelligence in the humanities: prospects and challenges. *Sociology*, *12,* 179–185. (In Russian).

Kachanov, Y.A., Kravchenya, P.D., Kuznetsov, M.A., Kuznetsova, A.S., & Gilka, V.V. (2021). Distributed algorithm for extracting text information from news sites using big data technologies. *Proceedings of the Southwest State University. Series: IT Management, Computer Science, Computer Engineering. Medical Equipment Engineering, 11(4),* 8–25. (In Russian). https://doi.org/10.21869/2223-1536-2021-11-4-8-25

Ponkin, I.V. (2022). *Military analytics. Military applications of artificial intelligence and numbers.* Moscow : Buki Vedi. (In Russian).

Sokolov, A.V., Frolov, A.A., & Babajanyan, P.A. (2025). Leveraging AI technologies in politics: Navigating threats and unveiling opportunities. *RUDN Journal of Political Science*, *27*(3), 622–637. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637

Sosnilo, A.I. (2022). *Atlas of artificial intelligence for business and government.* St. Petersburg : ITMO University. (In Russian).

Torkunov, A.V. (2025). Digital transformation and artificial intelligence in the shaping of the political world. *Polis. Political Studies*, *5,* 24–35. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2025.05

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2024). Risks, threats, and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the contemporary system of sociopolitical communications: the results of expert study. *RUDN Journal of Political Science, 26*(2), 406–424. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-1438 2024-26-2-406-424.

Yasnitsky, L.N. (2008). On the possibilities of using artificial intelligence methods in political science. *Bulletin of Perm University. Political Science, 2,* 147–155. (In Russian).

Сведения об авторе:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: pov_64@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

About the author:

Olga V. Popova — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University; Professor of the Department of Social Technologies, Northwestern Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: pov_64@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 169–185**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

POLITICAL MANAGEMENT

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-169-185
EDN: KOFANK

Научная статья / Research article

Электоральные технологии в структуре российского политического менеджмента

В.Н. Амелин

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ amelin-vn@rudn.ru

Аннотация. Сведение электоральных технологий к процессам коммуникации кандидата (партии) с избирателями, что делают многие авторы, неправомерно сужает содержание этого понятия. Цель исследования — обоснование более широкого подхода к пониманию электоральных технологий как механизмов, управляющих электоральными процессами в интересах определенного политического субъекта. Именно поэтому электоральные технологии занимают центральное место в структуре политического менеджмента. Каждая электоральная технология представляет собой синтез исследовательских, проектных, коммуникационных, организационных, контролинговых, финансовых действий, рационально организованных и распределенных во времени на пути достижения результата. Методология исследования основана на различении электоральной технологии и электоральной стратегии, каждая из которых подчинена собственной логике. Как стратегия, так и технологии формируются на основе маркетинговых исследований электоральной ситуации. Политический менеджмент как особый вид управленческой деятельности использует результаты маркетинговых исследований для достижения целей политического субъекта. Успешная избирательная стратегия уникальна, ее реализация предполагает систему скоординированных электоральных технологий, вовлекающих избирателей в сферу влияния кандидата, гарантированно дающих определенное количество избирателей в общий массив сторонников кандидата (партии), готовых проголосовать за него. Электоральные технологии разрабатываются и используются не только кандидатами в органы власти и их командами, но также избирательными комиссиями, исполнительными органами власти и другими социальными субъектами. Показано, что электоральная технология является синтезом как материальных, так и интеллектуальных действий, объединенных в единый процесс воздействия на политическое поведение и сознание избирателей. Перспективы электорального менеджмента в России видятся в расширении инструментария предварительного

© Амелин В.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

отбора кандидатов и увеличении периода избирательной кампании, а также в расширении публичного пространства политической конкуренции. Это продолжение государственной электоральной политики по продвижению в органы власти подлинных патриотов, делом доказавших свое стремление к общему благу.

Ключевые слова: электоральная технология, избирательная стратегия, политический менеджмент, административный ресурс

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Амелин В.Н.* Электоральные технологии в структуре российского политического менеджмента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 169–185. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-169-185 EDN: KOFANK

Electoral Technologies in the Structure of Russian Political Management

Vladimir N. Amelin

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ amelin-vn@rudn.ru

Abstract. The reducing electoral technologies to the processes of communication of a candidate (party) with voters, which many authors do, unduly narrows the content of this concept. The purpose of the study is to substantiate a broad approach to understanding electoral technologies as mechanisms that control electoral processes in the interests of a particular political entity. That is why electoral technologies occupy a central place in the structure of political management. Each electoral technology represents a synthesis of research, design, communication, organizational, controlling, and financial actions that are rationally organized and time-distributed on the way to achieving results. The research methodology is based on the distinction between electoral technology and electoral strategy, each of which is subject to its own logic. Both strategy and technology are formed on the basis of marketing research of the electoral situation. Political management as a special type of management activity uses the results of marketing research to achieve the goals of a political entity. A successful electoral strategy is unique; its implementation involves a system of coordinated electoral technologies that involve voters in the candidate's sphere of influence, ensuring that a certain number of voters are included in the total number of supporters of the candidate (party) who are ready to vote for him. Electoral technologies are being developed and used not only by candidates for government and their teams, but also by election commissions, executive authorities and other social actors. It is shown that electoral technology is a synthesis of both material and intellectual actions combined into a single process of influencing the political behavior and consciousness of voters. The prospects of electoral management in Russia are seen in the expansion of pre-selection tools for candidates and in development of political competition. This is a continuation of the state's electoral policy of promoting genuine patriots who have proven their commitment to the common good.

Keywords: electoral technology, electoral strategy, political management, administrative resource

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Amelin, V.N. (2026). Electoral technologies in the structure of Russian political management. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 169–185. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-169-185 EDN: KOFANK

Введение

Выборы в органы власти — важнейший политический институт современного общества. В ходе голосования граждане избирают своих представителей в органы власти и управления, доверяя им решение важнейших общественных проблем. По итогам голосования формируется персональный состав депутатского корпуса, который определяет приоритетные цели общественного развития и средства их достижения. В целом доверие граждан к выборам в России растет: согласно данным ВЦИОМ 2023 г., 61 % респондентов доверяют итогам выборов, в 2021 г. эта доля составляла 53 %. Тем не менее до трети граждан итогам выборов не доверяет, остальные затрудняются ответить на этот вопрос[1]. Одна из распространенных причин недоверия к выборам — это убеждение в том, что выборы ничего не меняют в органах власти, все кандидаты определены начальством заранее и при любом исходе голосования станут депутатами.

Вызывают много вопросов и новые электоральные технологии, внедряемые Центральной избирательной комиссией. Например, С. Обухов, кандидат в депутаты в Государственную Думу РФ от КПРФ в 2021 г., отказался признавать результаты дистанционного электронного голосования на том основании, что наблюдателей исключили из процесса подсчета голосов[2]. А на выборах мэра г. Москвы в 2023 г., согласно сообщению председателя ЦИК Э. Панфиловой, было много жалоб в Центральную избирательную комиссию на нестабильную работу системы электронного дистанционного голосования в г. Москве[3]. Несмотря на агитационную кампанию по продвижению ДЭГ, у многих избирателей остаются сомнения в ее объективности, особенно у избирателей старшего поколения[4].

Претензии общественности к избирательным технологиям были и ранее. В конце 1990-х гг. политтехнологи кандидатов (партий) широко использовали неправовые, а порой и «грязные» электоральные технологии. В результате информационное пространство искажалось компрометирующими кандидатов материалами. И в настоящее время, когда агитация за кандидатов (партии) активно распространяется в социальных сетях, использование

[1] Выборы в России: участие, легитимность, доверие. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie/ (дата обращения: 12.08.2025).

[2] Как это было. Сергей Обухов про скандал вокруг ДЭГ: Система не проверяема, электронное голосование — крупнейшая внутриполитическая афера. URL: https://kprf.ru/activity/elections/205611.html. (дата обращения: 12.08.2025).

[3] Памфилова рассказала о жалобах на нестабильную работу ДЭГ в Москве. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6209514 (дата обращения: 12.08.2025).

[4] *Тихонов А.* ДЭГ. Поражение в избирательных правах на выборах Мэра Москвы 8–10 сентября 2023 г. ввиду невозможности возврата к электронному бюллетеню. URL: https://dzen.ru/a/ZnH1PWt6lSitwwch (дата обращения: 12.08.2025).

фейков является распространенным методом дискредитации соперников. Все эти явления ведут к утрате доверия не только к агитационным сообщениям, но и к самим выборам как политическому институту. Более того, ряд исследователей квалифицируют электоральные технологии как средства манипуляции общественным сознанием и социальным поведением граждан. К примеру, М.В. Рыбина, С.Н. Федорченко, анализируя электоральные технологии, приходят к выводу: «Применение электоральных технологий политического менеджмента, к сожалению, происходит по большей мере в целях манипуляции сознанием избирателей. Практически нет примеров, когда такие технологии использовались во благо, для великой цели, решающей задачи демократического расцвета государства и экономической модернизации страны» [Рыбина, Федорченко 2012: 273]. Поэтому вопросы использования электоральных технологий принципиально важны для понимания управления электоральными и, более широко, политическими процессами в обществе.

Концептуальные основания исследований электоральных технологий

В России имеется большой массив публикаций, посвященный электоральным технологиям. В них отмечается, что электоральные технологии — это особый вид политических технологий, используемых в избирательных процессах. В самом широком смысле политические технологии, как отмечает А.И. Соловьев, — «это совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенное время в определенном месте» [Соловьев 2003: 376]. Согласно этому определению для описания электоральных технологий требуется определить, какие субъекты используют электоральные технологии, какие результаты достигаются с их помощью, какие материальные средства образуют технологию и какими социальными (включая когнитивные) процессами они управляют.

Принято считать, что *основными субъектами,* которые участвуют в избирательных процессах, являются кандидаты в органы власти и управления и избиратели. Однако в избирательном процессе активно участвуют избирательные комиссии, а также органы государственной власти и экономические субъекты и даже криминальные сообщества [Бадретдинов 2006: 249]. Естественно, что цели этих субъектов различаются, как и способы достижения этих целей. К примеру, Центральная избирательная комиссия определяет порядок проведения выборов, способы голосования, подсчета голосов и распределения мандатов, а также систему избирательных комиссий, которые непосредственно занимаются подготовкой и проведением выборов. Для этого она использует современные технологические комплексы, которые обеспечивают организацию справедливого и честного процесса народного волеизъявления, контроль за соблюдением избирательных прав всех субъектов избирательного процесса.

При рассмотрении электоральных технологий обычно выделают их узкое и широкое определение. В узком определении электоральные технологии

обеспечивают взаимодействие кандидатов (партий) и избирателей [Малкин, Сучков 2000, 23]. *Электоральные технологии* — это средства, методы, приемы воздействия кандидатов (партий) на сознание и поведение избирателей, используемые для достижения поставленных ими целей. Узкое определение распространено среди практикующихся политтехнологов. Так, О.П. Кудинов определяет электоральные технологии как «совокупность логически взаимосвязанных моделей, методов, процессов подготовки, организации и проведения избирательных кампаний, конкретных способов агитации за определенного кандидата или политические силы, направленных на достижение поставленной цели на выборах» [Кудинов 2003: 37].

Ряд политтехнологов полагает, что к электоральным технологиям относятся: «1) технологии электоральных исследований и ситуационный анализ; 2) технологии разработки электоральных стратегий (технологии создания месседжа; позиционирования, дискредитации конкурентов) и 3) коммуникационные технологии (каналы доставки месседжа)» [Гринберг, Минтусов, Цветкова 2022: 46–47].

Безусловно, исследовательские, проектные и коммуникационные технологии занимают важнейшее место в избирательных кампаниях. Однако для управления избирательным процессом используются и другие технологии в соответствии с теми целями и задачами, которые требуется решать в ходе их проведения. Для проведения избирательной кампании помимо исследований и организации коммуникации кандидата с избирателями требуется широкий спектр действий, которые также должны быть технологически организованы.

Широкое определение электоральных технологий рассматривает их как механизмы, управляющие электоральными процессами в интересах электорального субъекта. Помимо кандидатов (партий) и избирателей в электоральные взаимодействия включаются и другие электоральные субъекты, прежде всего избирательные комиссии и исполнительные органы власти. Сами электоральные взаимодействия помимо коммуникационных процессов включают также проектирование, организацию, контролинг и другие составляющие.

С нашей точки зрения, понятие электоральной технологии необходимо рассматривать в связке с понятием избирательной стратегии. Электоральная технология — это рационально просчитанная, практически апробированная последовательность действий, направленных на получение *запланированного электоральным субъектом результата.* Однако и избирательная стратегия — это также рационально продуманная последовательность действий электорального субъекта. Но в отличие от электоральной технологии стратегия направлена на достижение цели. Понятие электоральной технологии сопряжено с понятием результата. В избирательной кампании результат — это количество избирателей, проголосовавших за кандидата (партию). Вместе с тем *категория стратегии сопряжена с понятием цели* [Амелин, Федоркин 2001: 23; Володенков 2023: 114].

Для такого субъекта, как кандидат в органы власти и управления, победа на выборах — это одна из возможных целей. Кандидат может поставить себе и такую цель, как «повеселиться на выборах» или продвинуть бренд своего

предприятия. Для крупной корпорации целью избирательной кампании является продвижение своих представителей, которые будут защищать ее интересы в органах власти. Политическая партия, взвесив свои возможности, может поставить своей целью получить определенное количество мандатов. Таким образом, спектр выдвигаемых целей оказывается достаточно большим, точно так же, как и наборы технологий, обеспечивающие достижение этих целей. Целеполагание в избирательной кампании определяется как положением субъекта в электоральном пространстве, так и финансовыми, юридическими, организационными и другими возможностями.

Категории электоральной стратегии и электоральной технологии теснейшим образом связаны. В одних случаях, исходя из преследуемых целей, политический субъект проектирует стратегию избирательной кампании и соответствующий набор электоральных технологий. В этом случае по отношению к понятию электоральной технологии категория избирательной стратегии является понятием более высокого уровня, ведь в зависимости от поставленных целей подбираются средства и методы их достижения. Но бывают ситуации, когда владение новыми эффективными электоральными технологиями позволяет политическим субъектам ставить более высокие цели. Тогда электоральные технологии содержат такие средства и методы, которые определяют цели политического субъект и гарантируют их достижение. Поэтому принципиально важно проводить различие между электоральными стратегиями и электоральными технологиями и верно оценивать их взаимоотношения, что не всегда делается исследователями.

В случае полномасштабной избирательной кампании, в которой основной целью является победа кандидата (партии) на выборах для реализации стратегии, требуется множество электоральных технологий. Имеет смысл даже говорить об технологических комплексах, соответствующих определенной избирательной стратегии. В рамках избирательной кампании стратегические цели и соответственно стратегия существенно не меняются, а технологии получения результата могут варьироваться на различных этапах избирательной кампании.

Все эти технологические комплексы должны быть методически описаны и увязаны друг с другом, а самое главное — сопряжены со стратегией избирательной кампании. Таким образом, при определении электоральной технологии требуется соотнесение ее с электоральной стратегией. Стратегия — это система скоординированных электоральных технологий, каждая из которых вовлекает определенную часть избирателей в сферу влияния кандидата, дает определенное количество избирателей в общий массив сторонников кандидата (партии), готовых проголосовать за него. Стратегия содержит целостный образ избирательной кампании, начиная от выдвижения кандидата и завершая легитимизацией его победы. В хорошо разработанной стратегии прописан используемый набор электоральных технологий, предназначенных для решения частных задач избирательной кампании, без чего невозможно достижение главной цели. Каждая из электоральных технологий вносит свой вклад в достижение общего результата. В этом смысле эффективность электоральных технологий

может быть оценена только в увязке с реализацией избирательной стратегии. Рассматривать отдельно электоральную технологию вне избирательной стратегии бессмысленно, так как ее эффективность определяется вкладом в достижение запланированного результата.

Маркетинговые технологии избирательной кампании

В период избирательной кампании гражданам предоставляется возможность высказать претендентам на власть все свои озабоченности и проблемы и потребовать их решения. Побеждают те кандидаты и политические партии, которые смогли аккумулировать и артикулировать наиболее общие проблемы и предложить их внятные решения. В рамках этого взаимодействия происходит обмен обещаний кандидатов на голоса избирателей. В этом обмене видится исток политического рынка: одни символические ресурсы (обещания, программы, лозунги и т.п.) обмениваются на другие (доверие, сопричастность, поддержка и т.п.). Кандидаты предлагают «лучшее будущее», в котором будут решены проблемы избирателей, удовлетворены их запросы, а избиратели делегируют кандидатам право решать за них волнующие их проблемы. Именно из этого обмена возникает такой ресурс политического рынка, как политический капитал. Согласно П. Бурдье, «политический капитал является формой символического капитала, кредитом, основанным на *вере* и *признании,* точнее на бесчисленных кредитных операциях, с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают» [Бурдье 1993: 208]. По итогам голосования политический капитал кандидата может конвертироваться в политический статус депутата, а затем, возможно, и в должность в системе исполнительной власти. Концепт политического рынка расширяет возможности анализа политических отношений, позволяет использовать инструменты исследования рынка товаров и услуг в политической сфере. В пространстве политического рынка идет конкуренция между кандидатами (партиями) за голоса избирателей. Кандидаты предстают одновременно и в виде продавцов, и виде специфического товара, который предлагается избирателям. В этом отличие политического рынка от рынка товаров и услуг.

Для того чтобы эффективно продавать товар на политическом рынке, требуется его исследование. Так появляется *политический маркетинг* — практика исследований электоральной ситуации, электоральных групп населения, их политических предпочтений и поведения, и построение на этой основе стратегии продвижения кандидатов в электоральном пространстве с учетом интересов разных категорий избирателей, каналов их информирования, имеющихся ресурсов кандидата, возможных действий конкурентов и предполагаемых рисков, а также других факторов, выявленных в исследованиях [Нежданов 2004]. На электоральном рынке политический капитал измеряется достаточно простыми социологическими показателями: уровень известности, уровень доверия, готовность голосовать за кандидата (партию) (электоральный рейтинг), нежелание голосовать за кандидата (электоральный антирейтинг). *Технологии*

исследования избирательной ситуации и сформированные на этой основе избирательные стратегии следует отнести к маркетинговым электоральным технологиям, используемым кандидатами и их командами. Их главным достоинством является мощный исследовательский инструментарий и точный расчет поведения избирателей и других субъектов избирательного процесса, как конкурентов, так и союзников. Это позволяет выстраивать верифицируемые электоральные технологии, которые позволяют внушить избирателям доверие к кандидатам (партиям). Как отмечает В.А Франц: «Так называемое производство доверия (trust building) является на сегодняшний день наиболее популярным трендом политического маркетинга» [Франц 2017: 7]. Маркетинговые технологии производства доверия позволяют спроектировать и реализовать эффективные избирательные и, более широко, политические стратегии, которые лежат в основе политического менеджмента.

Политический менеджмент — особый вид управленческой деятельности, направленный на достижение целей политического субъекта на политическом рынке [Морозова 1999; Соловьев 2003; Володенков 2023]. Для растущего политического субъекта целью, как правило, является приобретение наибольшего массива политического капитала при наименьшей затрате различного рода ресурсов. Для политического субъекта, находящегося во власти, целью, как правило, является сохранение своего положения. И в первом и во втором случае для достижения этих целей требуется продуманная рациональная система управления имеющимися ресурсами. Политический менеджмент не сводится к электоральному менеджменту, однако последний является важнейшей составной его частью. Выборы в органы власти — это испытание, которое должен пройти в том или ином качестве любой легитимный политический субъект. На выборах кандидат (партия) аккумулируют и артикулируют запросы различных социальных групп, выражают их в ярком и привлекательном месседже и вовлекают граждан в число своих сторонников, которые готовы поддержать его на выборах, а затем и в проводимую им политику. Но для этого нужно обладать компетенциями организовать общение с избирателями по различным информационным каналам, начиная от личных встреч и завершая интернет-коммуникациями. Кроме того, необходимо привлечь на свою сторону других политических субъектов — представителей политического класса, общественные движения, малые политические партии и т.п. Необходимо заручиться поддержкой или по меньшей мере нейтралитетом государственных и муниципальных органов власти, пролоббировав свои интересы. И многое, многое другое.

Как правило, большинство кандидатов предпочитает *добросовестную конкуренцию* на политическом рынке, используя согласованные всеми участниками рынка технологии. Но есть и такие, которые прибегают к недобросовестной конкуренции, используя несанкционированные и даже запрещенные методы. Например, В Красноярском крае по итогам избирательной кампании в Государственную Думу РФ в 2016 г. представители девяти партий, среди которых КПРФ, «Яблоко», «Патриоты России», «Родина», заявили о непризнании итогов выборов в Госдуму и Законодательное собрание региона

и потребовали их отмены. Они направили обращение президенту Владимиру Путину. «Единую Россию» обвинили в недобросовестной конкуренции, использовании административного ресурса[5]. Каждый избирательный цикл политические партии, участвующие в выборах, подписывают меморандум о честных и справедливых выборах. Документ имеет моральную силу и весьма важен для формирования соответствующей морально-психологической атмосферы выборов[6]. Тем не менее по итогам выборов всегда звучат критические замечания на недобросовестную конкуренцию. Например, лидеры парламентских фракций в Государственной Думе России на встрече с Президентом России В.В. Путиным в 2016 г. выражали недовольство недемократичностью выборов. Звучали жалобы на нечестность избирательных комиссий, манипуляции с голосами, ограничение доступа к СМИ оппозиционных партий и нарушения процедуры электронного голосования[7].

Задача Центральной избирательной комиссии состоит в том, чтобы оперативно реагировать на жалобы участников избирательного процесса, а также следить за соблюдением равных возможностей политической конкуренции. Однако в условиях, когда территориальные и участковые избирательные комиссии формируются при содействии исполнительных органов власти и потому зависимы от них, трудно избежать соблазна поддержки «партии власти».

Административный ресурс и административные технологии

Электоральные технологии активно используются исполнительными органами власти как в России, так и за рубежом [Жежко-Браун 2022]. Они заинтересованы с определенном составе депутатского корпуса и часто оказывают непосредственное влияние на избирательный процесс. Не секрет, что кандидаты от «партии власти» иногда используют административный ресурс. Использование административного ресурса нарушает принцип равенства кандидатов и партий. К административному ресурсу относится:

– зачистка электорального поля от серьезных кандидатов, которым предлагаются привлекательные должности (или судебное преследование);

– интеллектуальные ресурсы, включая наиболее профессиональные команды политтехнологов;

– человеческие ресурсы, которые включают в свой состав сотрудников органов управления и аффилированных с ними предприятий, учреждений и организаций,

[5] Партии несогласных. Подсчет голосов привел к уголовным делам и митингам. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3094797?utm_source=kommersant&utm_medium=strana&utm_campaign=four (дата обращения: 14.08.2025).

[6] Партиям предложили подписать меморандум о честных выборах. URL: https://ulpravda.ru/rubrics/gov/partiiam-predlozhili-podpisat-memorandum-o-chestnykh-vyborakh (дата обращения: 14.08.2025).

[7] Встреча с лидерами партий, прошедших по итогам выборов в Госдуму. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52957 (дата обращения: 14.08.2025).

– финансовые ресурсы предприятий и организаций, сотрудничающих с органами власти и управления;

– медийные ресурсы, обеспечивающие доступ к СМИ и интернет коммуникациям;

– нормативные ресурсы — законы, правила, распоряжения, создающие преимущества определенным политическим силам и их представителями;

– символические ресурсы — персональные данные, используемые в технологии «прямого маркетинга» в социальных сетях, инсайдерская информация, усиливающая позиции приоритетных для органов власти и управления партий и кандидатов.

В российском законодательстве непосредственно участие органов власти и управления в поддержке кандидатов материальными и символическими ресурсами считается противоправным, так же как и «использование преимуществ должностного или служебного положения» кандидатами, занимающими государственные и муниципальные должности [Антонова, Назарова, Артемова 2021]. Однако судебная практика не богата случаями юридического противодействия злоупотреблениями административным ресурсом.

К примеру, органы исполнительной власти часто используют технологии мобилизации сотрудников управленческого аппарата, сотрудников аффилированных с администрацией учреждений, организаций и предприятий для поддержки «своих» кандидатов. Это также разновидность электоральных технологий, которую нельзя не учитывать при проведении избирательной кампании кандидатами (партиями). Разумеется, этот вид электоральных технологий непубличен и его непросто вскрыть. Тем не менее в социальных сетях регулярно появляются сообщения педагогов, медицинских работников и сотрудников других организаций и предприятий о фактах принуждения голосовать за «партию власти»[8]. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в использовании административного ресурса замечена не только «Единая России», но и другие партии [Антонова, Назарова, Артемова 2021].

Вместе с тем отметим, что административные электоральные технологии не всесильны, особенно если административный орган, их использующий, не обеспечил достаточной организационной и информационной поддержки «своих» кандидатов и не был готов к массированной дискредитации органов власти через социальные сети и СМИ. В частности, в 2018 г. на выборах мэра Якутска победила оппозиционер Сардана Авксентьева, выдвинутая «Партией возрождения России». Она набрала 39,9 % голосов, обойдя главного оппонента — единоросса, спикера гордумы Александра Саввинова, который получил 31,8 %. Феномен «голосование от противного» — яркий пример модели эмоционального выбора, получившей широкое распространение в последние годы во многих странах. В целом следует отметить, что случаев победы

[8] В Тюмени педагоги жалуются на принуждение к участию в предварительном голосовании «Единой России». URL: https://72.ru/text/education/2023/05/27/72344129 (дата обращения: 17.08.2025).

кандидатов вопреки административному давлению достаточно много[9]. Но при этом кандидату и его политтехнологам требуется прилагать двойные усилия, чтобы преодолеть административные барьеры. Одно из основных направлений противодействия административному ресурсу состоит в формировании структур общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти со стороны политических партий и общественных организаций [Нечаев, Селиванова 2013]. Это также особая электоральная технология, которая применяется в избирательных кампаниях.

Имеется еще один аспект неприемлемости административных технологий. С начала 1990-х гг. политические менеджеры в России не только полностью освоили арсенал электоральных технологий, используемых в западных странах, но и спроектировали новые электоральные технологии в соответствии с проработанными избирательными стратегиями, учитывающие особенности российского политического ландшафта [Матвейчев 2018, Дубравский 2021, Согомонян 2022]. Сформировалось политтехнологическое сообщество, которое продвигает высокие профессиональные стандарты. В 2015 г. Российской ассоциацией политических консультантов учреждена ежегодная Премия. Ее основной целью является выявление и поощрение специалистов в области проведения избирательных кампаний, ведущих свою деятельность на высоком профессиональном и этическом уровне. С 2016 г. аналогичную премию присуждает Российская ассоциация по связям с общественностью. Согласно требованиям политтехнологических стандартов использование политтехнологами административного ресурса оценивается отрицательно.

Структура электоральной технологии

Как уже говорилось, структура электоральной технологии представляет рационально организованную последовательность действий электорального субъекта по достижению запланированного результата. Эта последовательность действий является механизмом, обеспечивающим протекание электоральных процессов в нужном для политического субъекта направлении. Электоральная технология является тем инструментом, посредством которого политический субъект может рассчитывать на определенную долю голосов избирателей на политическом рынке. Цели избирательной стратегии достигаются благодаря правильно подобранным технологическим комплексам. Однако управление электоральными процессами требует от политического субъекта еще множество составляющих.

Прежде всего это персонал, который обладает необходимыми компетенциями для выполнения технологических операций. Далее, это материальные средства, требуемые технологией. Это финансовые средства для закупки

[9] *Абрамова К.* Кандидат «Против всех». Как сантехник может выиграть выборы, а джедай — проиграть. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/23/luke_iam_your_father (дата обращения: 12.08.2025).

необходимых материалов и оборудования. Это нормативные документы, обеспечивающие работу персонала и т.д.

Рассмотрим в качестве примера структуру традиционной технологии проведения кампании агитации «От двери к двери». Даже в современный период доминирования интернет-технологий агитации эта технология остается востребованной как в России, так и в других странах. К примеру, на выборах президента США в 2024 г. миллиардер И. Маск лично организовал кампанию агитации «От двери к двери» в колеблющихся штатах США — Пенсильвании, Висконсине, Мичигане, Северной Каролине, Джорджии, Аризоне и Неваде[10]. Прежде всего он создал комитет политических действий America PAC для аккумулирования финансовых средств. Для работы своей команды снял отель в столице штата Пенсильвания, разместил там штаб этой кампании. Нанял порядка 400 сотрудников и волонтеров в каждом из колеблющихся штатов, вооружил их петицией в поддержку первой и второй поправки к Конституции США — о свободе слова и о праве на оружие (за это подписанту полагалось единовременная выплата 47 долл. США). Для повышения мотивации участия в подписной кампании начал ежедневный розыгрыш 1 млн долл. среди подписантов. Вот как оценил итоги этой кампании один из местных чиновников: «Мы просто поражены. Илон добивается значительных успехов в формировании необходимой нам демографической группы — молодых и менее политически активных мужчин — что особенно важно в таком штате, как Пенсильвания. В политике важен каждый дюйм, и Илон прибавляет ярд»[11]. Персональные данные подписантов команда Трампа затем использовала в адресной рассылке его политической рекламы в социальных сетях.

Электоральная технология агитации «От двери к двери» представляет собой целый комплекс взаимосвязанных действий, управление которым требует особых профессиональных навыков и средств.

1. Определение целей (например, количество избирателей необходимых для победы) и задач кампании агитации «От двери к двери» (например, количество агитаторов, необходимых для работы).

2. Определение целевых групп избирателей и адресов домов, где они проживают.

3. Паспортизация всех домов в избирательном округе (тип дома, дата постройки, коды в подъездах, количество избирателей в доме, категория избирателей, в том числе особенности их голосования на прошлых выборах, старшие по подъездам в многоквартирных домах и т.п.).

4. Определение концепции и стратегии кампании агитации «От двери к двери», скоординированной с другими кампаниями кандидата.

5. Составление сметы кампании.

[10] Маск или пропал. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7233324 (дата обращения: 17.08.2025).

[11] Пособие Илона Маска по Пенсильвании. URL: https://novostisegodnya.com/posobie-ilona-maska-po-pensilvanii (дата обращения: 12.08.2025).

6. Формирование корпуса агитаторов и бригадиров, а также создание материальных условий для их работы (подбор штабных помещений, установка там связи, оргтехники и т.п.).

7. Определение нормативов работы, форм и периодичности отчетности, а также размеров и периодичности оплаты персонала.

8. Определение маршрутов, по которым работают агитаторы, подготовка маршрутных заданий агитаторам.

9. Формирование пакета раздаточных материалов (текст беседы агитатора с набором аргументов «за» кандидата, подписной лист в поддержку инициативы кандидата, презентационная листовка, календарик, наказ кандидату, бланк согласия на использование персональных данных, авторучка, полиэтиленовая сумка с эмблемой и лозунгом кандидата и т.п.).

10. Определение моментов присутствия на избирательном участке кандидата, чтобы сделать его пребывание в округе для избирателей «постоянным».

11. Утверждение на заседании штаба концепции, плана-графика и сметы кампании «от двери к двери».

12. Проведение тренингов и инструктажей с корпусом агитаторов и бригадиров.

13. Проведение агитации в будние и выходные дня, мобилизация избирателей на участие подписной кампании и в массовых мероприятиях кандидата.

14. Контроль за работой агитаторов посредством анализа геолокации, обеспечение безопасности их работы и ежедневное обобщение результатов работы.

15. Контроль за реакцией на агитацию со стороны избирателей с помощью телефонного центра, оценка эффективности работы агитаторов и бригадиров.

16. Ежедневная отчетность руководителя кампании «от двери к двери», обсуждение ее хода на заседаниях штаба.

17. Анализ наказов избирателей и откликов граждан на работу агитаторов и их обработка.

18. Инкорпорирование в выступления кандидата информации, полученной от агитаторов.

В принципе любую электоральную технологию можно представить в виде подобной последовательности действий. Предложенный в качестве примера перечень действий команды кандидата демонстрирует, что электоральная технология является синтезом как материальных, так и интеллектуальных действий, объединенных в единый процесс воздействия на политическое поведение и сознание избирателей. Она предусматривает:

– исследовательские процедуры;
– создание нормативных и финансовых документов для агитаторов;
– юридическую поддержку кампании (заключение договоров и т.п.);
– проведение медийных акций;
– организацию событийного ряда;
– контролинг и т.п.

В основе этой электоральной технологии лежит коммуникация представителей кандидата с избирателями, но не меньшую роль играют и другие

составляющие. В некоторых избирательных кампаниях эта технология может стать доминирующей [Полуэктов 2002]. В других кампаниях она может вовсе не применяться — все зависит от принятой кандидатом (партией) избирательной стратегии. Но все требования, обозначенные на данном примере, в большей или меньшей степени относятся к каждой из электоральных технологий, включенных в стратегию избирательной кампании кандидата (партии) или практику работы избирательной комиссии.

Заключение

В современной России электоральные технологии широко используются не только в избирательных кампаниях, но и в системе государственного управления. После 2014 г. в связи с изменением государственной электоральной политики политтехнологи массово переместились на работу в органы исполнительной власти. Естественно, что в своей работе они стали использовать проверенные и эффективные электоральные технологии. Например, в Московской области обязательным требованием для руководителей муниципальной власти являются массовые встречи с гражданами по волнующим их вопросам. Для организации этих встреч используется адаптированная к местным условиям электоральная технология «Организация встречи кандидата с избирателями». Или в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» регулярно проводятся электронные голосования за тот или иной объект благоустройства. Для достижения нужного результата используется электоральная технология мобилизации избирателей. Согласно Распоряжению Правительства РФ[12] для всех государственных и муниципальных учреждений является обязательной регулярная коммуникация с жителями на аккаунтах в социальных сетях. Это также разновидность электоральной коммуникационной технологии.

Исследование продемонстрировало, что сведение электоральных технологий к процессам коммуникации кандидата (партии) с избирателями неправомерно сужает содержание этого понятия. Электоральные технологии — это инструменты управления избирательным процессом в интересах определенных электоральных субъектов, стремящихся к достижению своих целей в избирательной кампании. Каждая электоральная технология представляет собой синтез исследовательских, проектных, коммуникационных, организационных, контролинговых, финансовых действий, рационально организованных и распределенных во времени на пути достижения результата.

На наш взгляд, нельзя сводить электоральные технологии и к манипуляциям. Электоральное пространство — это поле конкурентной борьбы, и электоральные технологии являются необходимым инструментом достижения победы в этой борьбе. Побеждают те политические субъекты, которые в полной мере овладели электоральным инструментарием, адаптировали его к местным

[12] Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 г. № 2523-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038 (дата обращения: 13.08.2025).

условиям и на этой основе придумали новые технологии. Ядром этих электоральных технологий является убеждение избирателей в подлинности декларируемых целей и намерений кандидата. Слабые политические субъекты вынуждены прибегать к манипуляциям, сильным — это не требуется.

Перспективы электорального менеджмента в России видятся в расширении поля приложения социальных инициатив, а также в развитии инструментария предварительного отбора кандидатов. Однако при этом чрезвычайно важно обеспечить условия политической конкуренции различных политических сил. Соревнование политических партий и выдвигаемых ими кандидатов, их взаимная критика препятствуют застойным явлениям в политической жизни, требует от членов политического класса постоянно держать руку на пульсе народной жизни, предлагая новые общезначимые инициативы развития общества. Политическая конкуренция делает электоральное пространство достаточно напряженным полем взаимодействия исполнительной власти и граждан, поэтому эффективное использование электоральных технологий — это необходимое условие развития политической системы страны. Это продолжение государственной электоральной политики по продвижению во власть подлинных патриотов, делом доказавших свое стремление к общему благу.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Амелин В.Н., Федоркин Н.С. Стратегия избирательной кампании / Рос. центр обучения избират. технологиям при Центр. избират. комиссии Рос. Федерации. Москва : РЦОИТ, 2001.

Антонова И.С., Назарова А.А., Артемова О.Е. Административный ресурс: понятие, виды и правовые ограничения // Социальные нормы и практики: сетевой электрон. науч. журн. 2021. № 2. https://doi.org/10.24412/2713-1033-2021-2-07-17. EDN: NSXHMO.

Бадретдинов И.Р. Субъекты избирательного процесса в России: понятие, правовой статус, классификация. 2006. EDN: TDMZEL.

Бурдье П. Социология политики / пер. с франц. П. Бурдье ; сост. Н.А. Шматко. Москва : SOCIO-LOGOS, 1993. EDN: QYBTPF.

Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. Москва : Изд-во: РГ-Пресс, 2023. https://doi.org/10.31085/9785998807060-2019-584. EDN: ULKMSM.

Гринберг Т.Э., Минтусов И.Е., Цветкова Д.А. Электоральные и неэлекторальные политические технологии: опыт классификации // Российская школа связей с общественностью. 2022. № 27. С. 43–68. EDN: ZDYNGH.

Дубравский П.В. Миссия выборы. Н. Новгород : Черная сотня; Листва, 2021.

Жежко-Браун И.В. Теневая президентская кампания в США // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 1, ч. 1. С. 163–193. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-163-193. EDN: FZPFZS.

Кудинов О.П. Большая книга выборов. Как проводятся выборы в России. Москва : Изд-во «Арт Бизнес Центр», 2003.

Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. 2-е изд., расш. и доп. Москва : SPSL. «Русская панорама», 2000.

Матвейчев О.А. Этапы становления и развития рынка политических технологий в России и его перспективы // Полис (Политические исследования): научный и культурно-просветительский журнал. 2018. № 2. С. 82–99.

Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Неждановв Д.В. Политический маркетинг. Санкт Петербург : Питер, 2004. EDN: QOCGNX.

Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. Противодействие административному ресурсу в избирательных кампаниях через призму общественного контроля // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. EDN: RBFRYF.

Полуэктов В. От двери к двери. Полевые технологии в избирательной кампании. Москва: SPSL «Русская панорама». 2002.

Рыбина М.В., Федорченко С.Н. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия МГТУ «МАМИ», 2012. Т. 3. № 2 (14). С. 267–274. EDN: PVIVKT.

Согомонян В. Политика как сюжет. Драматургия современных предвыборных кампаний. Москва: Изд-во: Альпина-ПРО, 2022.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. Москва : Аспект Пресс, 2003. EDN: QOBVKH.

Франц В.А. Политический маркетинг : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

References

Amelin, V.N., & Fedorkin, N.S. (2001). *Election campaign strategy*. Russian Center for Electoral Technologies Training under the Central Election Commission of the Russian Federation. (Modern Electoral Technologies Series). ISBN 5-93639-018-7.

Antonova, I.S., Nazarova, A.A., & Artemova, O.E. (2021). Administrative resource: Concept, types, and legal limitations. *Social Norms and Practices: Network Electronic Scientific Journal*, (2). https://doi.org/10.24412/2713-1033-2021-2-07-17. EDN: NSXHMO.

Badretdinov, I.R. (n.d.). *Subjects of the electoral process in Russia: Concept, legal status, classification*. EDN: TDMZEL.

Bourdieu, P. (1993). *Sociology of politics* (N. A. Shmatko, Ed.; Trans. from French). Moscow: SOCIO-LOGOS. EDN: QYBTPF.

Volodenkov, S.V. (2023). *Political management and the governance of modern political campaigns*. Moscow: RG-Press. https://doi.org/10.31085/9785998807060-2019-584. EDN: ULKMSM.

Grinberg, T.E., Mintusov, I.E., & Tsvetkova, D.A. (2022). Electoral and non-electoral political technologies: Classification experience. *Russian School of Public Relations*, (27), 43–68. EDN: ZDYNGH.

Dubravsky, P.V. (2021). *Mission elections*. Nizhny Novgorod: Chernaya sotnya; Listva.

Zhezko-Braun, I.V. (2022). The shadow presidential campaign in the USA. *Ideas and Ideals*, 14 (1, part 1), 163–193. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-163-193. EDN: FZPFZS.

Kudinov, O.P. (2003). *The big book of elections: How elections are conducted in Russia*. Moscow: Art Business Center.

Malkin, E., & Suchkov, E. (2000). *Fundamentals of electoral technologies* (2nd ed., expanded and revised). Moscow: SPSL “Russkaya Panorama”.

Matveychev, O.A. (2018). Stages of formation and development of the political technology market in Russia and its prospects. *Polis (Political Studies)*, (2), 82–99.

Morozova, E.G. (1999). *Political market and political marketing: Concepts, models, technologies*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

Nezhdanov, D.V. (2004). *Political marketing. Saint Petersburg: Piter. EDN: QOCGNX.*

Nechaev, D.N., & Selivanova, E.S. (2013). Countering administrative resource in election campaigns through the prism of public control. *Bulletin of Tula State University. Humanities*, (2). EDN: RBFRYF.

Poluektov, V. (2002). *Door-to-door: Field technologies in electoral campaign*. Moscow: SPSL "Russkaya Panorama".

Rybina, M.V., & Fedorchenko, S.N. (2012). Electoral technologies of political management. *Technical University "MAMI" Bulletin*, *3*(2), 267–274. EDN: PVIVKT.

Sogomonyan, V. (2022). *Politics as a plot: Dramaturgy of modern election campaigns*. Moscow: Alpina PRO.

Soloviev, A.I. (2003). *Political science: Political theory and political technologies*. Moscow: Aspekt Press. EDN: QOBVKH.

Frants, V.A. (2017). *Political marketing: A study guide*. Yekaterinburg: Ural University Press.

Сведения об авторе:

Амелин Владимир Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: amelin-vn@rudn.ru) (ORCID: 0009-0001-7954-6289)

About the author:

Vladimir N. Amelin — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: amelin-vn@rudn.ru) (ORCID: 0009-0001-7954-6289)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 186–200**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200
EDN: KQJQJN

Научная статья / Research article

Корпоративная политическая активность и публичная политика компаний в системе публичного менеджмента

А.А. Дегтярёв, П.М. Давыдов, А.С. Тетерюк

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ teteryuk-as@rudn.ru

Аннотация. В анализе стратегий политической деятельности и политического поведения бизнеса в отношении государственных органов разных стран используется целый комплекс понятий. В отечественной литературе среди наиболее изученных встречаются лоббизм и GR-менеджмент. Зарубежная литература в сфере политической науки и стратегического менеджмента, наоборот, акцентирует внимание на «корпоративной политической активности», «корпоративной публичной политике» и «менеджменте публичных дел». Сложная политико-экономическая среда бизнеса, особенно международного, неизбежно приводит к коммуникации с государственно-общественными структурами, диктуя необходимость использования нерыночных (non-market) стратегий. На практике это приводит к смешению различных подходов, призванных сформулировать релевантную среде стратегию политико-управленческого взаимодействия. Комплексность современных организаций бизнеса нередко затрудняет изучение политического измерения их деятельности, поскольку указанные выше понятия трактуются как синонимические или же остаются вовсе неохваченными в политическом анализе. Тем самым процесс формирования политических стратегий становится более непрозрачным для изучения. В данной статье предпринимается попытка сформулировать схему указанных выше понятий, соотнести их между собой и описать взаимосвязь, добавив ясности к алгоритму анализа политических стратегий и тактик бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная политическая активность, публичная политика, Government Relations, GR-менеджмент, лоббизм, лоббирование, бизнес, связи с государственными органами, Public Affairs

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Дегтярёв А.А., Давыдов П.М., Тетерюк А.С.* Корпоративная политическая активность и публичная политика компаний в системе публичного менеджмента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 186–200. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200 EDN: KQJQJN

© Дегтярёв А.А., Давыдов П.М., Тетерюк А.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Corporate Political Activity and Firms' Public Policy in the System of Public Affairs Management

Andrey A. Degtyarev, Pavel M. Davydov, Alexey S. Teteryuk

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ teteryuk-as@rudn.ruu

Abstract. A whole range of concepts are used in the analyses of the strategies of political activity and political behavior of business towards state bodies in different countries. In the Russian literature, lobbying and GR-management are among most well-known concepts. On the contrary, foreign literature in the field of political science and strategic management focuses on «corporate political activity», «corporate public policy» and «public affairs management». The complex political and economic environment of business, especially international, inevitably leads to its involvement in various kinds of communications with state and public structures, dictating the need to create integrated non-market strategies. In practice, this leads to a mixture of different approaches designed to formulate a strategy for political and managerial interaction relevant to the environment. The complexity of modern companies often complicates the study of the political dimension of business activities, since the above-mentioned concepts are interpreted as synonymous or are not considered in political analysis, thus making the process of forming political strategies unclear for research. This study attempts to formulate a conceptual scheme of above-mentioned definitions, to correlate them with each other and to describe the relationship, adding clarity to the algorithm of analyzing political strategies and business tactics.

Keywords: corporate political activity, public policy, Government Relations, GR-management, lobbyism, lobbying, business, government relations, Public Affairs

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Degtyarev, A.A, Davydov, P.M., & Teteryuk, A.S. (2026). Corporate political activity and firms' public policy in the system of public affairs management. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 186–200. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200 EDN: KQJQJN

Введение

Актуальные изменения социально-политической и экономической среды усиливают влияние государства и общества на деятельность корпоративного сектора, побуждая вырабатывать новые стратегии поведения в отношении внешних стейкхолдеров. Мотив к участию в социально-политическом процессе обусловлен не только внутренним стремлением компаний извлечь экономическую и символическую (влияние, политические дивиденды) ренту посредством влияния на государственные решения, но и самой динамичной реальностью, предъявляющей к субъектам бизнеса повышенные требования.

Активность корпораций, их размер, выручка, ресурсы и уникальность продукции неизбежно приводят к взаимодействию с государственно-общественными структурами, диктуя необходимость имплементации политических стратегий для митигирования социально-политических рисков [Baron 1999]. На фоне этого значительный импульс к дальнейшему

теоретическому осмыслению получают такие направления нерыночного стратегического менеджмента, как «корпоративная политическая активность» (corporate political activity, CPA), «корпоративная публичная политика» (corporate public policy, CPP) и «менеджмент публичных дел» (public affairs management, PAM) [Cosmina 2017]. Управление процессом политического поведения становится частью долгосрочного развития компаний, в особенности действующих на международном уровне [Shirodkar 2020].

В этой связи при рассмотрении политической деятельности бизнеса возникает несколько вопросов: где проходит раздел между близкими понятиями (PAM, CPA и CPP), означающими на практике отличные друг от друга, но взаимодополняющие направления работы? Как соотносятся данные понятия и где они пересекаются в структуре управления бизнесом? И, что немаловажно, какая роль отведена в этом комплексе GR-менеджменту?

На сегодняшний день можно выделить определенный пласт работ, изучающих данные вопросы. Во-первых, исследования, посвященные мотивам и типам *политического* поведения современных корпораций [Puck 2018; Elsahn 2018; Banerjee 2018; Hillman, Hitt 1999]. Первые и отдельные труды по политической активности ТНК можно проследить еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг., и сегодня это направление представлено в трудах преимущественно американо-европейских авторов, хотя в последнее время наблюдается рост публикаций со стороны Азии и Латинской Америки. Во-вторых, выделяется достаточно широкий набор литературы, затрагивающих различные подходы к формированию стратегий публичной политики компаний и вопросам ее встраивания в пространство институтов внешней среды, в особенности на зарубежных рынках [Kostova, Zaheer 1999; Holzinger, Oliver 2008]. В-третьих, постепенно формируется пласт литературы, периодически объединенный в крупные тематические сборники, по направлению менеджмента публичных связей на локальном и глобальном уровнях [Fleisher 2017].

Таким образом, активная разработка экспертами проблематики политической деятельности бизнеса в последние годы приводит к заключению, что возможно мы наблюдаем постепенную легитимацию CPA как академической субдисциплины в политической науке [Schuler, Rehbein, Green 2019: 1400]. Этот тезис также подтверждается многочисленными публикациями в специализированных международных журналах, в частности Business and Politics и Business & Society.

В этой связи примечательно, что на фоне появления уже нескольких крупных обзорных статей по теме CPA и ее аспектам [Schaffer 1995; Lawton 2012] данная область остается практически неизученной в российской политнауке, за исключением нескольких работ крупных отечественных ученых [Перегудов 2006; Peregudov, Semenenko 1996; Сморгунов 2024].

Корпоративная политическая активность в структуре управления организации

Корпоративная политическая активность (CPA) определяется как «стремление оказать влияние на формирование политического курса» (политики правительства) [Hillman 2004: 837]. По мере усложнения организационной структуры бизнеса,

усиления государственного давления и глобальной экспансии данное понятие прошло определенный путь от узкой интерпретации как функции лоббирования к комплексной управленческой области, интегрированной в стратегическое планирование, которую в литературе называют «нерыночным стратегическим менеджментом».

CPA — зонтичное понятие, применяемое для описания всех политически-направленных форм и методов (формальных и неформальных, публичных и непубличных, прямых и косвенных) участия компании или корпорации в политическом процессе страны присутствия. Это динамически-ориентированный взгляд на деятельность бизнеса по отношению к внешней среде. CPA рассматривает организацию как активного субъекта, стремящегося менять эту среду или адаптироваться к ней, и ищет инструментально-практические решения для реализации этих целей. Отсюда и четкая взаимосвязь CPA со стратегией, ресурсами фирмы и экономическими результатами.

Применительно к бизнесу корпоративная политактивность сосредоточена, во-первых, на *долгосрочном целеполагании*, то есть межсекторальном соучастии в публично-государственном управлении для влияния на госполитику и поиске определенной линии политического поведения в отношении стейкхолдеров и регуляторов отрасли для достижения частных целей.

Во-вторых, на средне- и краткосрочном *целедостижении*, то есть реализации конкретной политической стратегии и тактики структурными подразделениями организации для оказания влияния на лица и центры принятия решений [Puck 2018: 668].

Важность CPA для понимания политической составляющей деятельности компании обусловлена несколькими причинами. Во-первых, CPA содержит набор предпосылок для объяснения мотивов политической активности: отраслевых (industry level antecedents), организационных (firm level antecedents), проблемных (issue-specific antecedents) и институциональных (institutional level antecedents). Это позволяет идентифицировать и структурировать факторы, влияющие на лоббистскую деятельность. Во-вторых, единицами анализа в CPA выступает компания (чаще — корпорация) и такие ее элементы, как руководство и специализированные подразделения по Government Relations. Следовательно, фокус анализа смещается с макросоциетального уровня (государство, бизнес) на микроуровень поведения отдельных акторов и их групп. В-третьих, CPA обладает неплохой междисциплинарной методологической основой, опирающейся на несколько теоретических подходов.

Например, **теория ресурсной зависимости** представляет CPA как стратегический ресурс, напрямую влияющий на показатели бизнеса (выручка, безопасность, развитие). Доступ к каналам влияния, выстроенный диалог с политическими стейкхолдерами, связи в экспертной среде, репутация в отрасли интерпретируется как конфигурация ресурсов, которую нужно накапливать и задействовать для получения и защиты рыночных преимуществ [Shirodkar, Rajwani 2022]. Это направление анализа развивается весьма динамично, открывая и систематизируя различные наборы ресурсов [Puck, Lawton, Mohr 2018].

Другой распространенный методологический подход, ***институциональный,*** утверждает, что CPA, помимо экономических интересов, формируется внешней средой фирмы [Hillman, Keim 2004]. CPA выступает как ответ на давление нормативной среды, что важно в странах с различным уровнем зрелости институтов. Компании адаптируют стратегии в зависимости от того, какие «правила игры» установлены в той или иной стране. Для международных корпораций, действующих в разных юрисдикциях со своими нормами и политическими режимами [Kostova, Zaheer 1999], институциональный подход особенно важен, поскольку помогает понять различия в политической активности между странами. Можно выделить и другие подходы, содержащие объяснительный потенциал политической активности бизнеса, такие как теория принципал-агента, концепция макро- и микропереходов, различные подходы из менеджмента, делающие акцент на политстратегиях.

Инклюзивный характер CPA проявляется в частных заимствованиях положений и моделей из литературы по «корпоративному гражданству» (corporate citizenship) и «корпоративной социальной ответственности» (corporate social responsibility) [DeNicola 2010; Zueva, Fairbrass 2019].

Таким образом, CPA — гибкий концепт, который можно применять как для анализа базовых мотивов формирования политического поведения бизнеса (зачем компания решает лоббировать?), так и для рассмотрения конкретных примеров политической активности (как компания осуществляет стратегию и тактику лоббирования и GR-менеджмента). В реальной же практике CPA выступает важным элементом управленческой стратегии, связывающим экономическое измерение деятельности с политической сферой и тем самым формирующим адекватные ответы на вызовы, исходящие из стран присутствия.

Корпоративная публичная политика в политактивности бизнеса

Корпоративная публичная политика (CPP) отвечает за верхнеуровневое институциональное наполнение мотивов, предпосылок и инструментов политической активности. CPP является той стадией создания нерыночной стратегии, когда партикулярные интересы интегрируются в общую «формулу интересов» отрасли и системы государственных органов, способствуя повышению легитимности субъектов бизнеса.

Корпоративная публичная политика отвечает за стратегию межсекторального соучастия (governance) фирмы в публично-государственном управлении для достижения общих целей в процессе разработки и реализации отраслевой государственной политики. Согласно К. Флейшеру [Fleisher 2017: 23], «публичная политика представляет собой совокупность действий (или план действий), предпринимаемых государственными служащими для достижения национальных целей, которые с большой вероятностью повлияют на значимую часть граждан». Процесс формирования публичной политики состоит из комплексного взаимодействия общественно-политических механизмов, правил и процедур, посредством которых разрабатываются, принимаются, реализуются,

оцениваются и изменяются различные типы государственных политик, закрепляющихся в отраслевых государственных стратегиях. Следовательно, корпорации необходимо встроиться в этот процесс, используя институционально адекватные и этически приемлемые правила и процедуры.

Несмотря на кажущуюся эфемерность слова «политика», CPP остается осознанной и интегрированной в корпоративную стратегию целенаправленную деятельность по выявлению, конструированию и совместной легитимации норм и правил публичной политики, охватывающей весь цикл — от постановки проблемы до реализации и оценки. В отличие от CPA, которая говорит о мотивах политического поведения и о конкретных ресурсах, стратегиях и тактиках влияния, CPP занимается «со-производство» правил и норм в треугольнике «государство — бизнес — общество», встраиваясь в многоуровневые режимы коммуникации и управления [Kellow, Porter 2021].

Значимость CPP возросла на фоне усиления госрегулирования, цифровизации процессов представительства интересов и усиления внимания к прозрачности. Отныне фирмы вынуждены мыслить не только инструментально («как действовать, чтобы изменить правила»), но и институционально («как действовать, чтобы сохранить легитимность в текущих условиях»).

В менеджменте нерыночных стратегий CPP сближается со стратегическим политическим менеджментом в том плане, что фирма стремится развить динамические способности мониторинга политической среды, координацию с публичными институтами и преобразование знаний о политике в устойчивые преимущества, при этом выходя за пределы лоббистских практик [Hilman 2004].

CPP соотносится с корпоративной социальной ответственностью (corporate social responsibility, CSR), но не сводится к ней. CSR ставит во главу угла добровольные социальные практики и репутационные эффекты, а CPP формирует архитектуру правил и институтов, в которых CSR затем реализуется. CPP может усиливать и дисциплинировать корпоративные практики ответственности [Almatrooshi 2018].

В условиях многоуровневого лоббирования CPP опирается на межорганизационные сети и площадки (парламенты стран присутствия, национальные регуляторы, консультационно-совещательные органы), где от фирмы требуется не только «позиция», но и компетентное участие в оценке регуляторного и фактического воздействия, обмене лучшими практиками.

С методологической точки зрения CPP зиждется на аналогичных CPP-подходах, в частности неоинституционализма и теории ресурсной зависимости. К примеру, институционализм трактует CPP как адаптацию фирмы к формальным и неформальным нормам и использует методы картирования «организационных полей» (organizational fields), внутри которых действует фирма, для выявления интересов и организационных логик других акторов.

Резюмируя, CPP отвечает за институциональное «производство», то есть ориентацию на совместное создание правил функционирования политической среды, а не на поиск «точек доступа» для оказания влияния. Для выявления стейкхолдеров, разделяющих «ценности» субъекта бизнеса, CPP

картирует страновые или трансграничные «организационные поля», то есть пространства взаимодействия групп акторов, обладающих своими наборами правил. Понимание организационной логики и соответствие институтам позволяет извлекать легитимность (признание), и эта цель глубоко инкорпорирована в общекорпоративную стратегию развития. Она требует способности к быстрой перестройке и мимикрии под актуальную повестку.

Таким образом, CPP — это переход от «влияния на правила» к «созданию правил» в партнерстве с институтами публичной власти и обществом. Некоторые авторы полагают, что такой подход точнее отражает современную конфигурацию взаимоотношений бизнес — государство [Сморгунов 2024].

Соотнесение понятий

Отвечая на поставленные в начале статьи вопросы об иерархии понятий политического управления современной организации бизнеса, авторы выдвигают предположение, что, исходя из актуальной специализированной литературы, CPA выступает в следующем ключе. Во-первых, общей методологической рамкой, содержащей набор подходов (прежде всего, качественных) для поиска и описания взаимосвязей между мотивами фирмы, ее ресурсами, отраслевыми факторами и институциональными условиями, формирующими целеполагание (концептуальный замысел) будущей лоббистской деятельности. Во-вторых, комплексом политически-ориентированных стратегий (их типологий) и тактик (форм и методов лоббистской деятельности), обеспечивающих целедостижение.

Внутри этой рамки находится два среза прикладной деятельности организации: верхний уровень (соотносящийся с политической стратегией к*о*мпании) и операционно-тактический уровень (соответствующий конкретным стратегиям GR-к*а*мпаний).

CPP представляет верхнеуровневый подход к участию в формировании отраслевых правил игры на уровне институтов и норм, для чего используется несколько направлений по работе с различными категориями стейкхолдеров. PAM объединяет эти направления в комплексное управление ресурсами и связями компании. Весьма точное определение корпоративной публичной политики дано Л.В. Сморгуновым, отмечающим, что CPP есть *«комплекс стратегий и методов деятельности компаний по взаимодействию с обществом для эффективного осуществления ее миссии и общественных интересов... что обеспечивает инклюзивный экономический рост»* [Сморгунов 2016].

Следовательно, CPP компании состыкуется с государственной публичной политикой, обеспечивая верхний контур ее политического соучастия в выработке и реализации отраслевой политики.

Примерами CPP иностранных корпораций являются различные форматы стратегического партнерства с государством на федеральном или региональном уровнях, предполагающие локализацию на мощностях национальной компании-партнера, инвестирование в создание собственного производства,

заключение долгосрочных соглашений с правительством. На международном уровне это могут быть глобальные и макрорегиональные инициативы по оказанию содействия в решении некоей социально значимой проблемы, что влечет за собой продолжительное сотрудничество с ключевыми стейкхолдерами.

Так, лидеры индустрии вроде Unilever или Philips постоянно участвуют в инициативах по снижению вреда окружающей среды, устанавливают добровольные экологические стандарты и публикуют отчеты об устойчивом развитии [Wong 2021]. Параллельно эти же компании лоббируют менее жесткие нормы регулирования их отраслей, участвуют в торговых ассоциациях, требующих послаблений [Lyon 2018]. Элементами CPP выступают здесь утверждение целей устойчивости, публичные обязательства перед акционерами. Одновременно предпринимается комплекс мер для легитимации организации в глазах широкой группы потребителей, чему служит, к примеру, добровольная сертификация, ориентированность на «зеленых» потребителей[1], сотрудничество с НКО и международными инициативами по климату и экологии.

Ярким примером среди российских компаний является ПАО «Сбербанк», продвигающий имидж «платформы для общества». Инвестиции в сервисы, образовательные проекты, корпоративная этика и публичная претензия на роль «социального» банка — типичный пример CPP-стратегии, ориентированной на репутацию и доверие[2]. В то же время руководство банка публично высказывает оценки по экономической ситуации, что превращает публичную платформу в инструмент влияния на экономическую повестку. А мощнейшие GR и медиаресурсы, включая контакты с политическим руководством страны и многочисленные экспертные площадки, позволяют оказывать воздействовать на регуляторную среду и конкретные государственные отраслевые решения[3].

Для реализации CPP организация бизнеса, как правило, опирается на менеджмент публичных дел (связей), именуемый Public Affairs Management. В структуре международной корпорации разработка и осуществление CPP могут быть закреплены за вице-президентом всей организации или региональным директором по Public Affairs, курирующим реализацию PAM-стратегии в крупном регионе, или же за локальным директором по Public Affairs.

Менеджмент публичных дел (связей) включает работу не только со стейкхолдерами политико-государственной среды, но и социальной, экономической, технологической и научной субсред, способных индивидуально

[1] Unilever. Responsible business. Reporting Standards. URL: https://www.unilever.com/sustainability/responsible-business/reporting-standards/ (accessed: 20.09.2025).

[2] Sberbank. Code of Corporate Ethics and Business Conduct. URL: https://www.sberbank.com/sustainability/ethics (accessed: 20.09.2025).

[3] Sberbank CEO Gref warns of Russian recession if rates not slashed, 2025. URL: https://www.reuters.com/business/finance/sberbank-ceo-gref-warns-russian-recession-if-rates-not-slashed-2025-09-04/ (accessed: 20.09.2025).

и коллективно содействовать корпорации в отстаивании или продвижении ее позиции, улучшении имиджа и укреплении бренда. Используя терминологию О.С. Виханского, на этом уровне корпоративного политического менеджмента Public affairs (PA) подразумевает анализ и управление всей совокупностью отношений, возникающих между компанией и ее макроокружением [Виханский 2005].

Инструментарий PA содержит целый спектр направлений работы:

- с государственными органами (Government Relations);
- со стейкхолдерами (Stakeholder Relations);
- с локальными сообществами (Community Relations);
- с внутренней средой организации (Organizational Relations);
- с корпоративной социальной ответственностью (Corporate Social Responsibility).

Значительный объем направлений и задач, решаемых PAM, позволяет охарактеризовать ее как функцию интегрированных коммуникаций, направленную на решение следующих задач: комплексное воздействие на внешнюю среду в региональном разрезе для создания условий по легитимизации деятельности корпорации в глазах целевых стейкхолдеров; формирование коалиции поддержки политики и продукции, которая может выступить рычагом давления на регуляторы; осуществление внешней коммуникативной стратегии по донесению месседжей корпорации до всех целевых групп.

PAM пронизывает всю структуру корпоративного управления по вертикали: от работы подразделения на страновом рынке до политики глобального руководства, содействуя единообразию в трансляции основных посылов компании вовне.

Вторым (нижним) уровнем в структуре CPA выступает *корпоративная политическая стратегия и тактика (Corporate Political Strategy and Tactics, далее — CPST),* которая представляет определенный тип политического поведения (содержащий средне- и краткосрочный периоды) фирмы в отношении ключевых стейкхолдеров, служащий для достижения узкоспециализированных целей и соблюдения формулы интересов при разработке конкретных государственных мер. CPST позволяет организации участвовать в реализации отраслевой госполитики за счет работы на бюрократическо-чиновничьем уровне (уровень отделов и департаментов министерств, заместителей руководителей отраслевых регуляторов и служб, руководства комитетов ассоциаций и экспертных агентств), ответственном за составление проекта госрешения, его корректировки и перемещения по линии межведомственного согласования.

В структуре крупной компании или ТНК CPST обеспечивает отдел по связям с государственными органами (Government Relations). Таким образом, искомый GR-менеджмент также располагается в системе корпоративного политического управления, но выступает как секторально-функциональное направление, уполномоченное за работу с системой государственных и регуляторных органов на уровне странового филиала, причем не только на локальном, но и на региональном и иногда макрорегиональном (например,

в ЕС, ЕАЭС) уровнях. В американо-европейских корпорациях распространено расширенное толкование GR как Government Affairs (государственных дел), то есть системы связей, включающей ряд пограничных и окологосударственных стейкхолдеров (semi-government), в частности государственных экспертов, парламентариев и их помощников, экс-чиновников, лидеров общественного мнения, а также групп интересов, обладающих влиянием (рис.).

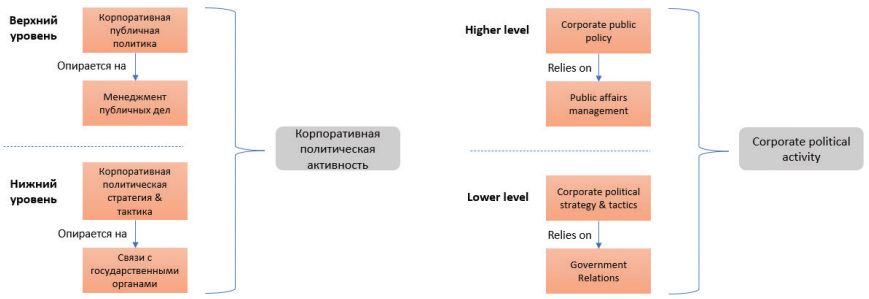

Схема структуры CPA в крупной организации бизнеса / ТНК

Источник: составлено А.А. Дегтярёвым, П.М. Давыдовым, А.С. Тетерюком.

Scheme of structure of CPA in major business organization / MNC

Source: compiled by A.A. Degtyarev, P.M. Davydov, A.S. Teteryuk.

После разлива дизельного топлива в Арктике в 2020 г. «Норильский Никель» был вынужден комбинировать элементы CPP и CPST. На фоне экологической катастрофы компания привлекла собственные ресурсы для реализации программы по восстановлению экологии, а также усилила публичную отчетность по устойчивости (CPP) для восстановления доверия стейкхолдеров[4]. На уровне GR руководство стремилось достичь договоренности с федеральными и региональными властями. В параллели осуществлялись выплаты компенсаций и шли судебные разбирательства (CPST).

Кейс «Норникель» демонстрирует классическую трансформацию «кризис — публичные обязательства»: оперативный режим переговоров с государственными органами был необходим для минимизации рисков и санкций, а последующие CSR-инициативы и отчеты — для восстановления легитимности и репутации[5].

[4] Заявление ПАО «Норникель» об экологической катастрофе, принятии мер по ее устранению и оценки ущерба. Гиперссылка: URL: https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-otsenivaet-ushcherb-ot-razliva-topliva-v-21-4-mlrd-rubley/ (дата обращения: 20.09.2025 г.); Заявление ПАО «Норникель» об увеличении объема инвестиций в промышленную безопасность. Гиперссылка. URL: https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-uvelichivaet-obem-investitsiy-v-promyshlennuyu-bezopasnost/ (дата обращения: 20.09.2025 г.).

[5] Годовой отчет ПАО «Норникель» за 2021 г. Гиперссылка. URL: https://ar2021.nornickel.ru/ (дата обращения: 20.09.2025 г.).

Отличительные критерии категорий CPA, CPP и PAM

Категория	CPA	CPP	PAM
Цель	Влияние на решения, представление позиции, доступ к стейкхолдерами, выстраивание долгосрочных отношений	Формирование общественной позиции, достижение легитимности в глазах государственных органов, укрепление репутации, разделение ценностей с обществом; соучастие в создании институтов	Реализация долгосрочной корпоративной публичной политики, достижение легитимности в глазах общества (потребителей), достижение баланса в отношениях со всем спектром стейкхолдеров
Формы и методы работы	Личные контакты, юридические действия, консультанты, пожертвования, участие в ассоциациях, прямая работа с политическими стейкхолдерами и государственными служащими	Публичные заявления и медиакампании, участие в консультативно-совещательных органах, отчеты, CSR-инициативы, сотрудничество с НКО и научно-экспертным сообществом	Публичные заявления, участие в консультативно-совещательных органах, отчеты об устойчивом развитии, CSR-инициативы, сотрудничество с НКО и лидерами общественного мнения, медиакампании
Целевая аудитория	Государственные органы, регуляторы, политики, ответственные чиновники	Общественные группы (меньшинства, этнические диаспоры), государственные агентства, научные центры, инвесторы, СМИ	Потребители, топ-менеджмент, акционеры, инвесторы, СМИ, общественные группы, партнеры по бизнесу
Горизонт планирования	Среднесрочная и краткосрочная перспектива	Долгосрочный, направлен на формирование доверия, устойчивой позиции	Долгосрочный, направлен на формирование доверия, устойчивой позиции

Источник: составлено А.А. Дегтярёвым, П.М. Давыдовым, А.С. Тетерюком.

Differential criteria of categories of CPA, CPP and PAM

Categoria	CPA	CPP	PAM
Objective	Influence on decisions, position presentation, access to stakeholders, long-term relations building	Formulation of public legitimacy, reputation building, social values sharing, participation in institutions' building	Implementation of long-term corporate public policy, achieving balance in relations with all key stakeholders
Forms and methods of work	Personal contacts, legal actions, consultants, donations, associations' membership, official and public interactions with state bodies	Public statements, involvement in consulting and advisory bodies, reports, CSR-initiatives, cooperation with NGOs, media campaigns	Public statements, involvement in consulting and advisory bodies, reports, CSR-initiatives, cooperation with NGOs, media campaigns, opinion leaders (from academia, media, civil society)
Target audience	State bodies, regulatory authorities, politicians, appointed officials	Society, state agencies, scientific centers, investors, mass media	Consumers, top-management, investors, mass media, public (social) groups, business partners
Planning horizon	Mid-term and short-term period	Long-term period, oriented on formulation of trust and sustainable position	Long-term period, oriented on formulation of trust and sustainable position

Source: compiled by A.A. Degtyarev, P.M. Davydov, A.S. Teteryuk.

Заключение

В исследовании была предпринята попытка разграничить понятия CPA, CPP, PAM (табл.), образующие архитектуру управления внешней средой бизнеса. Современные исследования показывают, что начиная с последней трети XX в. по настоящее время фундаментальная роль CPA возрастает, характеризуя, на контрасте с базовым производственно-коммерческим направлением работы, его вторую, нерыночную область работы. CPA задает методологический каркас для анализа политической деятельности фирм, располагая одновременно с этим широким инструментарием анализа возможностей влияния на повестку: от различных типологий стратегий, основанных на комбинации ресурсов, до тактического набора методов и форм лоббистской деятельности.

Внутри CPA располагаются два крупных направления осуществления политического управления внешней среды: CPP и CPST.

CPP интегрирует корпоративную стратегию в процессы публичного управления, превращая фирму из субъекта лоббирования в партнера государства в институциональном проектировании. CPP можно интерпретировать через понятие политической стратегии компании, то есть деятельности фирмы по межсекторальному соуправлению процессами создания, изменения и поддержания институциональных отраслевых регуляторных правил и норм.

Для реализации публичной политики компания опирается на менеджмент публичных связей (PAM), вбирающий в себя столь большое количество вспомогательных корпоративных функций по внешним и внутренним связям, что образует самостоятельную сферу изучения.

CPST является одним из прикладных направлений PAM и представляет собой определенный тип политического поведения фирмы в отношении ключевых стейкхолдеров, служащий для достижения конкретных бизнес-целей организаций. На практике эту функцию выполняет GR-менеджмент.

Поступила в редакцию / Received: 13.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 10.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2026

Библиографический список

Виханский О.С. Стратегическое управление. Москва : Изд. ЮНИТИ-ДАНА, 2005. EDN: OZJSQN.

Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. Москва : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. EDN: QRMKEZ.

Сморгунов Л.В. Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббизма к корпоративной публичной политике // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71). С. 100–104. EDN: VQAQJR.

Сморгунов Л.В. GR-менеджмент и публичная политика // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 170–178. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.12. EDN: QSNVYP.

Almatrooshi S. Role of Public Policies in Promoting CSR: Empirical Evidence From Business and Civil Society of UAE // Corporate Governance. 2018. Vol. 18 (1). P. 1107–1123. https://doi.org/10.1108/CG-08-2017-0175

Banerjee S., Venaik S. The Effect of Corporate Political Activity on MNC Subsidiary Legitimacy: An Institutional Perspective // Management International Review. 2018. Vol. 58. P. 813–844. https://doi.org/10.1007/s11575-017-0324-0

Baron D.P. Integrated Market and Nonmarket Strategies in Client and Interest Group Politics // *Business and Politics*. 1999. Vol. 1. P. 7–34. https://doi.org/10.1515/bap.1999.1.1.7

Cosmina L.V. Nonmarket Strategic Management. Routledge, 2017.

DeNicola P. et al. Handbook of Corporate Political Activity: Emerging Corporate Government Issues. New York, 2010.

Elsahn Z., Benson-Rea M. Political Schemas and Corporate Political Activities During Foreign Market Entry: A Micro-Process Perspective // Management International Review. 2018. Vol. 58. No. 5. P. 771–811. https://doi.org/10.1007/s11575-018-0350-6

Fleisher C.S. Corporate Public Affairs: Revisiting the Development of the Field // The SAGE Handbook of International and Corporate Public Affairs. SAGE Publications Ltd. 2017. https://doi.org/10.4135/9781473947391.n2

Hillman A.J., Keim G.D., Schüler D. Corporate Political Activity: A Review and Research Agenda // Journal of Management. 2004. Vol. 30. Iss. 6. P. 837–857. https://doi.org/10.1016/j.jm.2004.06.003

Hillman A., Hitt A. Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions, 1999. Vol. 24. P. 825–842. https://doi.org/10.2307/259357

Holzinger I., Oliver C. The Effectiveness of Strategic Political Management: A Dynamic Capabilities Framework // The Academy of Management Review. 2008. Vol. 33 (2). P. 496–520. https://doi.org/10.5465/AMR.2008.31193538

Kellow A., Porter T. Business and Public Policy: Introducing the Field. Handbook of Business and Public Policy, 2021. 416 p. https://doi.org/10.4337/9781788979122.00009

Kostova T., Zaheer S. Organizational Legitimacy under Conditions of Complexity: The Case of the Multinational Enterprise // The Academy of Management Review. 1999. Vol. 24. No. 1. P. 64–81. https://doi.org/10.2307/259037

Lawton T. Corporate Political Activity: A Literature Review and Research Agenda // International Journal of Management Reviews. 2012. Vol. 15. Iss. 1. P. 86–105. https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x

Lyon T.P. CSR Needs CPR: Corporate Sustainability and Politics // California Management Review. 2018. Vol. 60. P. 5–24. https://doi.org/10.1177/0008125618778854

Peregudov S., Semenenko I. Lobbying Business Interests in Russia // Democratization. 1996. No. 2. P. 115–139. https://doi.org/10.20542/0131-2227-1996-9-28-42

Puck J., Lawton T., Mohr A. The Corporate Political Activity of MNCs: Taking Stock and Moving Forward // Management International Review. 2018. No. 58. P. 663–673. https://doi.org/10.1007/s11575-018-0364-0

Rajwani T., Liedong T. Political Activity and Firm Performance Within Nonmarket Research: A Review and International Comparative Assessment // Journal of World Business. 2014. Vol. 50. No. 2. P. 273–283. https://doi.org/10.1016/j.jwb.2014.10.004

Schaffer B. Firm-level Responses to Government Regulation: Theoretical and Research Approaches // Journal of Management. 1995. Vol. 21. Iss. 3. P. 495–514. https://doi.org/10.1016/0149-2063(95)90017-9

Schuler A.D., Rehbein K., Green C.D. Is Corporate Political Activity a Field? // Business & Society. 2019. Vol. 58. Iss. 7. P. 1376–1405. https://doi.org/10.1177/0007650316680206

Shirodkar V. Non-market Strategies in International Business. Palgrave Macmillan, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-35074-1

Shirodkar V., Rajwani T. Corporate Political Activity and Firm Performance: The Moderating Effects of International and Product Diversification // Journal of International Management. 2022. Vol. 28. No. 4. https://doi.org/10.1016/j.intman.2022.100941

Wong C. Strategies for Building Environmental Transparency and Accountability // Sustainability. 2021. Vol. 13. No. 16. P. 1–25. https://doi.org/10.3390/su13169116

Zueva A., Fairbrass J. Politicising Government Engagement with Corporate Social Responsibility: "CSR" as an Empty Signifier // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 170. P. 635–655. https://doi.org/10.1007/s10551-019-04330-5

References

Almatrooshi, S. (2018). Role of public policies in promoting CSR: empirical evidence from business and civil society of UAE. *Corporate Governance*, *18*(1), 1107–1123. https://doi.org/10.1108/CG-08-2017-0175

Banerjee, S., & Venaik, S. (2018). The effect of corporate political activity on MNC subsidiary legitimacy: an institutional perspective. *Management International Review, 58,* 813–844. https://doi.org/10.1007/s11575-017-0324-0

Baron, D.P. (1999). Integrated market and nonmarket strategies in client and interest group politics. *Business and Politics, 1,* 7–34. https://doi.org/10.1515/bap.1999.1.1.7

Cosmina, L.V. (2017). *Nonmarket Strategic Management*. Routledge.

DeNicola, P. et al. (2010). *Handbook of Corporate Political Activity: Emerging Corporate Government Issues*. International Association For Business & Society, New York.

Elsahn, Z., & Benson-Rea, M. (2018). Political schemas and corporate political activities during foreign market entry: a micro-process perspective. *Management International Review*, *58*(5), 771–811. https://doi.org/10.1007/s11575-018-0350-6

Fleisher, C.S. (2017*).* Corporate public affairs: revisiting the development of the field. *The SAGE Handbook of International and Corporate Public Affairs*. SAGE Publications Ltd., *43*(2), 196–220. https://doi.org/10.4135/9781473947391.n2

Hillman, A.J., Keim, G.D., & Schüler, D. (2004). Corporate political activity: a review and research agenda. *Journal of Management*, *30*(6), 837–857. https://doi.org/10.1016/j.jm.2004.06.003

Hillman, A., & Hitt, A. (1999). Corporate political strategy formulation: a model of approach, participation, and strategy decisions. *The Academy of Management Review*, *24,* 825–842. https://doi.org/10.2307/259357

Holzinger, I., & Oliver, C. (2008). The effectiveness of strategic political management: A dynamic capabilities framework. *The Academy of Management Review*, *33*(2), 496–520. https://doi.org/10.5465/AMR.2008.31193538

Kellow, A., & Porter, T. (2021). *Business and public policy: introducing the field*. Handbook of Business and Public Policy, Edward Edgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781788979122.00009

Kostova, T., & Zaheer, S. (1999). Organizational legitimacy under conditions of complexity: the case of the multinational enterprise. *The Academy of Management Review*, *24*(1), 64–81. https://doi.org/10.2307/259037

Lawton, T. (2012). Corporate political activity: a literature review and research agenda. *International Journal of Management Reviews*, *15*(1), 86–105. https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x;

Lyon, T.P. (2018). CSR needs CPR: corporate sustainability and politics. *California Management Review*, *60,* 5–24. https://doi.org/10.1177/0008125618778854

Peregudov, S., & Semenenko, I. (1996). Lobbying business interests in Russia. *Democratization*, *2,* 115–139. https://doi.org/10.20542/0131-2227-1996-9-28-42

Peregudov, S.P. (2006). *A large corporation as a subject of public policy.* Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian). EDN: QRMKEZ.

Puck, J., Lawton, T., & Mohr, A. (2018). The corporate political activity of MNCs: taking stock and moving forward. *Management International Review*, *58,* 663–673. https://doi.org/10.1007/s11575-018-0364-0

Rajwani, T., & Liedong, T. (2014). Political activity and firm performance within nonmarket research: a review and international comparative assessment. *Journal of World Business*, *50*(2), 273–283. https://doi.org/10.1016/j.jwb.2014.10.004

Schaffer, B. (1995). Firm-level responses to government regulation: theoretical and research approaches. *Journal of Management*, *21*(3), 495–514. https://doi.org/10.1016/0149-2063(95)90017-9

Schuler, A.D., Rehbein, K., & Green, C.D. (2019). Is corporate political activity a field? *Business & Society*, *58*(7), 1376–1405. https://doi.org/10.1177/0007650316680206

Shirodkar, V. (2020). Non-market Strategies in International Business. *Palgrave Macmillan.* https://doi.org/10.1007/978-3-030-35074-1

Shirodkar, V., & Rajwani, T. (2022). Corporate political activity and firm performance: the moderating effects of international and product diversification. *Journal of International Management*, *28*(4), https://doi.org/10.1016/j.intman.2022.100941

Smorgunov, L.V. (2016). Interaction between the state and business in Russia: from lobbying to corporate public policy. *Science and education; Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, *4*(71), 100–104. (In Russian). EDN: VQAQJR.

Smorgunov, L.V. (2024). GR-management and public policy. *Polis. Political research*, *6,* 170–178. (In Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.12. EDN: QSNVYP.

Vikhansky, O.S. (2005). *Strategic management*. UNITY-DANA, Moscow. (In Russian). EDN: OZJSQN.

Wong, C. (2021). Strategies for building environmental transparency and accountability, *Sustainability*, *13*(16), 1–25. https://doi.org/10.3390/su13169116

Zueva, A., & Fairbrass, J. (2019). Politicising government engagement with corporate social responsibility: "CSR" as an empty signifier. *Journal of Business Ethics*, *170,* 635–655. https://doi.org/10.1007/s10551-019-04330-5

Сведения об авторах:

Дегтярёв Андрей Алексеевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (andrew.a.degtyarev@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8167-2092)

Давыдов Павел Михайлович — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (dawydow.pawel@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-3161-879X)

Тетерюк Алексей Сергеевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (teteryuk-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-9945-2215)

About the authors:

Andrey A. Degtyarev — PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Russian Federation (e-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8167-2092)

Pavel M. Davydov — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Russian Federation (dawydow.pawel@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-3161-879X)

Alexey S. Teteryuk — PhD in Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Comparative Politics, RUDN University, Russian Federation (teteryuk-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-9945-2215)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 201–216**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-201-216
EDN: KXWUSZ

Научная статья / Research article

Лоббирование в федеральном законодательном процессе: «точки доступа» бизнеса

А.В. Зуйков, А.С. Потапкин ✉, С.С. Чирков

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ arpotapkin@yandex.ru

Аннотация. Эффективность каналов влияния бизнес-организаций на процесс разработки и принятия законодательных инициатив в России остается недостаточно изучена, несмотря на их значимость для формирования государственной политики. Цель исследования — выявить, какие институционально закрепленные «точки доступа» существуют и используются бизнесом для участия в федеральном законодательном процессе, а также проанализировать их эффективность. Анализ охватывает основные сценарии разработки и внесения законопроектов в Государственную Думу сенаторами, депутатами и Правительством Российской Федерации. Для выявления «точек доступа» проведен политико-правовой анализ регламентов Совета Федерации, Государственной Думы и Правительства Российской Федерации, а также связанных с ними нормативных правовых актов и документов, определяющих процедуры подготовки, внесения и рассмотрения законопроектов. Для иллюстрации результатов анализа приведены примеры из практики разработки законодательного регулирования в ИТ-сфере. По итогам исследования выделены основные направления участия бизнеса в законодательном процессе и выявлены институциональные ограничения, снижающие эффективность соответствующих «точек доступа».

Ключевые слова: GR-менеджмент, законодательное лоббирование, государственное регулирование, представление интересов, продвижение интересов, точки доступа

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Зуйков А.В., Потапкин А.С., Чирков С.С.* Лоббирование в федеральном законодательном процессе: «точки доступа» бизнеса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 201–216. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-201-216 EDN: KXWUSZ

© Зуйков А.В., Потапкин А.С., Чирков С.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Lobbying in the Federal Law-Making Process: Business Access Points

Anton V. Zuykov, Artyom S. Potapkin ✉, Stanislav S. Chirkov

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ arpotapkin@yandex.ru

Abstract. The effectiveness of business influence channels in the process of drafting and adopting legislative initiatives in Russia remains insufficiently studied, despite their significance for public policy formation. The aim of this study is to identify which institutionally formalized «access points» exist and are used by business actors to participate in the federal legislative process, as well as to analyze their practical effectiveness. The analysis covers the main scenarios of drafting and introducing bills to the State Duma by senators, deputies, and the Government of the Russian Federation. To identify these «access points», the study employs a political and legal analysis of the regulations of the Federation Council, the State Duma, and the Government of the Russian Federation, as well as related normative legal acts and documents that define procedures for the preparation, submission, and consideration of bills. To illustrate the results of the analysis, examples from the practice of developing legislative regulation in the IT sector are provided. The findings identify the main forms of business participation in the legislative process and reveal institutional constraints that reduce the effectiveness of the corresponding «access points».

Keywords: GR-management, legislative lobbying, government regulation, interest representation, interest promotion, access points

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Zuykov, A.V., Potapkin, A.S., & Chirkov, S.S. (2026). Lobbying. in the federal law-making process: Business access points. *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 201–216. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-201-216 EDN: KXWUSZ

Введение

Сегодня в России сложилась система представления интересов бизнеса во власти, растет число площадок согласования и форм взаимодействия бизнеса и государства [Шохин 2018]. Важной вехой стали поправки к Конституции 2020 г.[1], в том числе возложившие на Правительство обязанность обеспечивать участие институтов гражданского общества в выработке политики и содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы.

При разработке и рассмотрении законопроектов бизнес пытается добиться учета своих интересов и взаимодействует с законодателями, предоставляя отраслевую информацию и обозначая возможные выгоды (в т. ч. электоральные) [Nownes 2006]. Крупные компании тесно вовлечены в государственные проекты, их развитие зависит от национальных приоритетов, поэтому они выстраивают устойчивые связи с властью и заинтересованы в формировании

[1] пп. е[1] п. 1 ст. 115 Конституции Российской Федерации.

ресурсов для законодательного лоббирования [Каневский 2022]. В литературе распространена позиция, что лоббирование является вкладом бизнеса в законодательный процесс, когда предоставляемая экспертиза помогает законодателю добиться нужного результата [Hall, Deardorff 2006; Ellis, Groll 2019], но отмечается и риск обслуживания государством партикулярных интересов вследствие зависимости органов власти от такой помощи [Dal Bó 2006].

В исследовании ставятся вопросы: на каких площадках вырабатывается и согласуется новое регулирование, какие стейкхолдеры вовлечены, какими «точками доступа» располагает российский бизнес и какие сохраняются проблемы и возможные решения. Под точкой доступа понимается институционально закрепленный или устойчиво воспроизводимый механизм, позволяющий бизнес-организациям и другим негосударственным акторам легально участвовать в законотворческом процессе для влияния на него. Не рассматриваются неинституционализированные и нерегулярные каналы (личные встречи, непубличные совещания и т. п.), а также взаимодействие бизнеса со СМИ (например, медиакампании) из-за отсутствия верифицируемых данных и невозможности систематизации в научной работе.

Согласно Конституции правом законодательной инициативы обладают в числе прочих сенаторы Российской Федерации (далее — сенаторы), депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее соответственно — депутаты, Государственная Дума) и Правительство Российской Федерации (далее — Правительство). Именно эти субъекты права законодательной инициативы (СПЗИ) чаще всего вносят законопроекты в отношении предпринимательства и отраслевого регулирования. В отечественной литературе уже анализировались регламентные процедуры разработки и внесения законопроектов в Думу и кейсы продвижения инициатив с разбором точек доступа для бизнеса [Тетерюк, Бондарев 2020; Толстых 2020]. С близких позиций оценивались формальные возможности участия бизнеса в механизме регуляторной гильотины и в процедуре ОРВ [Ляликов 2022]. Участие бизнеса в законотворческой деятельности Правительства изучено меньше, хотя фактически оно интегрировано в федеральный законодательный процесс почти на всех стадиях, выходя за рамки догматического понимания разделения властей [Анохин 2023].

Правительство является одним из самых результативных участников законотворческого процесса. В 2025 г. из 588 принятых Думой законов 277 (47 %) внесло Правительство. Процедуры подготовки и внесения правительственных законопроектов, поправок, отзывов и заключений определены Регламентом Правительства[2] и Положением о законопроектной деятельности[3], в которых можно выделить конкретные точки доступа для бизнеса.

[2] Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации».

[3] Постановление Правительства РФ от 30.04.2009 № 389 «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации»).

Точки доступа в Совете Федерации также детально не рассматриваются, поскольку возможности повлиять на содержание закона после его принятия Государственной Думой резко снижаются. Так, за время VIII созыва (октябрь 2021 — август 2025) Государственной Думы Совет Федерации всего шесть раз отклонял принятые ею законы. Вместе с тем его роль шире, чем формальное одобрение или блокирование законов: сенаторы обладают правом законодательной инициативы, а комитеты и комиссии служат площадками обсуждения отраслевого регулирования и необходимости его корректировки.

В рамках данной статьи проведен политико-правовой анализ федеральных законов, иных нормативных правовых актов (далее — НПА), а также внутренних регламентов, определяющих порядок работы Совета Федерации, Государственной Думы и Правительства в части разработки и принятия законопроектов, Правил проведения оценки регулирующего воздействия (далее — ОРВ) и раскрытия федеральными органами исполнительной власти (далее — ФОИВ) информации о подготовке законопроектов. Результаты анализа подкрепляются примерами практической работы рассматриваемых механизмов на публично верифицируемых кейсах из опыта регулирования российской ИТ-отрасли.

«Точки доступа» на этапе подготовки законопроекта к внесению в Государственную Думу

Внесение законопроекта сенаторами и депутатами

Для представления и продвижения интересов бизнеса ключевыми являются этапы до вынесения законопроекта на второе чтение, поскольку после этого шансы на его отклонение или существенную доработку резко снижаются.

«Нулевым» этапом можно считать подготовку законопроекта к внесению в Государственную Думу. Поскольку порядок подготовки депутатами и сенаторами детально не регламентирован (кроме требований к пакету документов и уведомлению фракции), возникает значительное пространство для бизнес-инициатив, подкрепленных юридическим и финансово-экономическим обоснованием и аргументацией модели регулирования при взаимодействии с депутатами.

Отдельного внимания заслуживают институционализированные механизмы предзаконодательных инициатив: участие ТПП РФ на основании п. «а» ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О торгово-промышленных палатах в РФ»[4], а также институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей (п. 1 ст. 6 соответствующего федерального закона).

[4] См., например: План законопроектной деятельности ТПП РФ на 2025 г. и отчет о его выполнении (в весеннюю сессию). URL: https://zakon.tpprf.ru/monitoring_prav/План%20законопроектной%20деятельности%20ТПП%20РФ_2025.pdf; https://zakon.tpprf.ru/Отчет%20ДЗД_весенняя%20сессия%202025%20г.%20Государственной%20Думы%20(1678915%20v1).pdf (дата обращения: 16.09.2025).

Если депутат входит во фракцию, бизнесу важно работать с ее внутренними структурами. Так, в ведущей думской фракции «Единая Россия» с ноября 2021 г. действуют Координационный и Экспертный советы по законотворческой деятельности, куда привлекаются эксперты, общественные объединения и представители бизнеса[5].

Сенаторы до внесения инициативы вправе направлять законопроект в комитеты и профильные управления Аппарата Совета Федерации для экспертизы, а комитеты разрабатывают и предварительно рассматривают законопроекты, готовят отзывы и могут направлять своих представителей к работе над ними. Это открывает для бизнеса возможности использовать комитетские площадки профильных комитетов и их экспертные структуры для официального процедурного оформления своих правовых потребностей[6].

Внесение законопроектов в Госдуму Правительством

Законопроектная работа Правительства носит преимущественно плановый характер, что предполагает включение законопроектов, подлежащих разработке ФОИВ, в план законопроектной деятельности Правительства на соответствующий год. Кроме того, законопроекты могут разрабатываться во исполнение международного договора, решения Конституционного Суда, актов Президента и Правительства, поручений Президента и Правительства.

Учитывая, что план законопроектной деятельности Правительства является публичным документом, анализ его содержания может упрощать мониторинг разрабатываемых ФОИВ законопроектов — в плане указывается примерная направленность законопроекта, а также его разработчик. Кроме того, план законопроектной деятельности позволяет интегрировать в GR-стратегию компании планируемые сроки внесения законопроектов в Правительство и Государственную Думу (учитывая, безусловно, что данные сроки могут переноситься).

Если же основание для разработки законопроекта носит не плановый, а директивный характер (например, поручение Правительства), то получение информации об этом, тем более оперативное, может быть затруднено, поскольку не все такого рода поручения находятся в публичном доступе. В этой связи для бизнеса особенно актуален мониторинг официальных источников и публикаций в СМИ о деятельности Правительства и профильных ФОИВ, но следует отметить, что СМИ, как правило, получают сведения о разрабатываемых инициативах уже после начала их межведомственного согласования.

---

[5] «Единая Россия» совершенствует подход к законопроектной работе // Официальный сайт партии «Единая Россия». 10.11.2021. URL: https://er.ru/activity/news/prezidium-gensoveta-edinoj-rossii-sozdal-koordinacionnyj-sovet-pri-dumskoj-frakcii-i-ekspertnyj-sovet-po-zakonotvorcheskoj-deyatelnosti-partii (дата обращения: 16.09.2025).

[6] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

В Регламенте Правительства предусмотрен механизм параллельного межведомственного согласования законопроектов с проведением процедур общественного обсуждения, ОРВ и независимой антикоррупционной экспертизы. На практике это означает, что текст законопроекта после завершения межведомственного согласования может существенно отличаться от той версии, которая была представлена общественности.

Также параллельно с согласованием может проходить подготовка заключения Экспертного совета при Правительстве (далее — Экспертный совет) и обсуждение законопроекта на площадках общественных советов при ФОИВ. При наличии в заключении Экспертного совета замечаний руководитель ФОИВ-разработчика обязан обеспечить его обсуждение с участвовавшими в подготовке заключения членами Экспертного совета. Здесь следует отметить, что в состав Экспертного совета входят в том числе представители экспертных организаций, крупных компаний и бизнес-объединений, что при разработке законопроекта с участием Экспертного совета открывает для бизнеса возможность получать информацию о поступающих на рассмотрение Экспертного совета инициативах и участвовать в подготовке заключений на них.

При Правительстве также могут организовываться координационные и совещательные органы — комиссии и советы. В них могут входить представители ФОИВ, палат Федерального Собрания, а также научных организаций, общественных объединений и пр. Решения комиссий являются обязательными для всех ФОИВ, которые в них входят (если иное не предусмотрено законом). При этом решения советов носят рекомендательный характер.

Крупные бизнес-объединения (РСПП, ТПП, «Опора России», «Деловая Россия») имеют своих представителей в ряде ключевых советов и комиссий (например, в Правительственной комиссии по проведению административной реформы, Комиссии Правительства по законопроектной деятельности, Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, Экспертном совете и пр.).

Полномочия отдельных советов и комиссий (как, например, в случае с перечисленными выше), имея закрепление в законодательстве, могут иметь существенное влияние на законодательный процесс. Так, проекты нормативных актов, содержащие (изменяющие, отменяющие) обязательные требования[7], вносятся в Правительство с протоколом заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы или ее подкомиссии. В ряде случаев проекты нормативных актов, прошедшие через комиссии или подготовленные ФОИВ во исполнение их решений, могут вноситься в Правительство без соблюдения требований Регламента Правительства в части проведения ОРВ, комплекта документов, получения необходимых заключений и согласований и пр.

Большинство комиссий и советов, имея отраслевую направленность, включают представителей крупнейших отраслевых бизнес-объединений и компаний.

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ».

При внесении представленного на заседании комиссии предложения бизнеса, в частности по доработке законопроекта, в протокол заседания его исполнение будет обязательным для ФОИВ-инициатора.

Особый порядок согласования имеют проекты нормативных актов, подготавливаемые в рамках федеральных проектов. Бизнес-организации (в зависимости от архитектуры конкретного федерального проекта и механизма его реализации) могут участвовать как в инициировании разработки таких нормативных актов, так и в их согласовании, тогда как для других, не вовлеченных в реализацию федерального проекта компаний, не только участие, но и получение информации о планируемых изменениях в законодательстве (по крайней мере, на ранних этапах разработки) могут оказаться недоступны. Так, например, в ходе реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2019–2024 гг.) при разработке предложений по корректировке отраслевого регулирования, мониторинге его разработки и оценке результатов активно участвовали бизнес-организации через предусмотренные регулированием проектной деятельности механизмы.

После урегулирования разногласий между ФОИВ, вовлеченными в разработку законопроекта, и завершения рассмотрения законопроекта в Аппарате Правительства он направляется на согласование в Администрацию Президента, где Государственно-правовое управление Президента (далее — ГПУ) в том числе на основе позиций профильных управлений-соисполнителей готовит заключение, в котором отражаются содержательные и юридико-технические замечания к законопроекту, а также позиция о возможности или невозможности поддержать законопроект (т.е. согласовать его).

Заключения ГПУ являются непубличными (не попадают в открытый доступ ни в период разработки законопроекта, ни после его внесения в Государственную Думу), при этом на основе представленных в них замечаний законопроекты могут претерпевать существенные изменения перед рассмотрением на заседании Правительства и внесением в Государственную Думу. Асимметрия между информированностью о содержании данных заключений и их реальным весом (при том, что Администрация Президента имеет в настоящее время конституционный статус государственного органа) порождает риски для бизнеса. Заключения ГПУ могут включать в том числе концептуальные, содержательные замечания (с учетом позиций профильных управлений Администрации), а поскольку согласование законопроекта с Администрацией Президента относится к завершающим этапам разработки перед внесением в Государственную Думу, предсказуемость законотворческого процесса и возможности эффективного, своевременного реагирования бизнеса снижаются.

Согласование законопроекта в Правительстве, среди прочего, сопряжено с необходимостью проведения межведомственного согласования, ОРВ и независимой антикоррупционной экспертизы. Из-за этого встречаются случаи внесения требующих оперативного принятия законопроектов через сенаторов и депутатов, когда происходит замена субъекта права законодательной инициативы. Например, законопроект об ужесточении административной ответственности

бизнеса за утечку персональных данных, который готовился Минцифры России и планировался к внесению Правительством, ввиду серьезных межведомственных разногласий был внесен (в редакции, схожей с разрабатываемой на площадке Правительства) в Госдуму группой сенаторов и депутатов[8].

Правительственные законопроекты могут публиковаться для публичного обсуждения в рамках двух процедур — проведения ОРВ[9] и раскрытия ФОИВ информации о подготовке проектов нормативных актов[10].

Правилами раскрытия ФОИВ информации о подготовке проектов нормативных актов и результатах их общественного обсуждения установлен исчерпывающий перечень оснований для неприменения процедуры раскрытия информации (например, принятие федерального бюджета, реализация путем федерального закона международных обязательств, реализация федеральных проектов, принятие в сжатые сроки по решению Правительства и т. п.).

Правилами также предусмотрена возможность опубликования уведомления о разработке проекта акта (предполагалось, что в рамках данного этапа ФОИВ-разработчик и общественность смогут обсудить целесообразность внесения изменений в регулирование еще до того, как проект был разработан). Однако на практике данная процедура используется редко, так как в Правилах предусмотрена упрощенная процедура отказа от уведомления (решением профильного заместителя руководителя ведомства).

Все поступившие в ходе общественного обсуждения предложения должны быть рассмотрены разработчиком и размещены не позднее направления законопроекта на согласование с ФОИВ-соисполнителями. При этом ФОИВ-разработчик не обязан учитывать поступающие в ходе общественного обсуждения замечания и предложения, что наиболее часто встречается на практике.

В рамках ОРВ предусмотрено размещение разработчиком уведомления о подготовке проекта нормативного акта, публичное обсуждение проекта нормативного акта и сводного отчета об ОРВ, а также подготовка заключения Министерства экономического развития об ОРВ (в рамках ОРВ также предусмотрена упрощенная процедура отказа от размещения уведомления).

---

[8] Проект федерального закона № 502104–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части усиления ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8 (дата обращения: 30.08.2025).

[9] Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии»).

[10] Постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения».

Ключевой (и наиболее эффективной) точкой доступа для бизнеса в рамках ОРВ является рассмотрение законопроекта рабочими группами при подкомиссии Правительственной комиссии по проведению административной реформы. После подготовки проекта разработчик готовит сводный отчет об ОРВ и определяет степень регулирующего воздействия.

При декларируемой низкой степени регулирующего воздействия комплект документов направляется в Министерство экономического развития и Аналитический центр при Правительстве для обеспечения рассмотрения рабочими группами при подкомиссии по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций ФОИВ при Правкомиссии по проведению административной реформы (далее соответственно — Подкомиссия, Правкомиссия), интересы которых затрагиваются проектом акта, для подтверждения произведенных разработчиком расчетов.

В случае, если Министерство экономического развития и (или) рабочая группа не подтвердили корректность оценки, разработчик организует публичное обсуждение в соответствии с высокой или средней степенью регулирующего воздействия (увеличенные сроки обсуждения — 15 и 20 дней соответственно вместо 5). Все поступившие в ходе публичного обсуждения предложения должны быть рассмотрены разработчиком и объединены в сводку с указанием сведений об их учете или причинах отклонения.

Затем комплект документов направляется в Министерство экономического развития для подготовки заключения об ОРВ, в процессе которой могут проводиться консультации с другими ФОИВ, представителями предпринимательского сообщества и профильной рабочей группой при подкомиссии Правительственной комиссии по проведению административной реформы. Однако проактивного способа участия бизнеса в рамках данной процедуры не предусмотрено.

Также законодательством предусмотрен механизм проведения ОРВ в отношении законопроектов, принятых во втором чтении, однако на этом этапе процедура не носит обязательный характер и проводится только в случае поступления в Правительство соответствующего предложения из Государственной Думы и принятия Правительством решения о проведении ОРВ.

Участие упомянутых выше рабочих групп при Подкомиссии в работе механизма «регуляторной гильотины» также представляет собой институционализированный элемент системы подготовки новых и пересмотра действующих НПА, содержащих обязательные требования. Его правовую основу составляют положения Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», постановление Правительства от 31 июля 2003 г. № 451, положения о Подкомиссии и ее рабочих группах.

Организационно механизм функционирует через систему коллегиальных органов, включающую рабочие группы, Подкомиссию и Правкомиссию. Рабочие группы являются базовым звеном механизма, в рамках которого происходит выработка содержательных предложений, они формируются с участием представителей предпринимательского и экспертного сообщества. Рабочие группы

рассматривают проекты федеральных законов, постановлений Правительства и актов ФОИВ устанавливающие, изменяющие или отменяющие обязательные требования, предоставляют позиции и предложения по ним.

Подкомиссия рассматривает проекты НПА в случае наличия неурегулированных разногласий между ФОИВ-разработчиком и рабочими группами. Решения Подкомиссии оформляются протоколами и являются обязательным элементом процедуры подготовки НПА, содержащих обязательные требования, включая соответствующие законопроекты. Решения, закрепленные в протоколах заседаний Подкомиссии, подлежат обязательному учету ФОИВ-разработчиком, что фактически исключает возможность игнорирования согласованной позиции бизнеса без процедурных последствий для разработчика (например, возврат проекта НПА Аппаратом Правительства на доработку после внесения в Правительство).

Таким образом, механизм «регуляторной гильотины» также может быть весьма эффективным каналом влияния бизнеса на нормотворческий процесс, распространяющийся в том числе на законопроекты (в случае наличия положений, связанных с введением, отменой или изменением обязательных требований).

Одним из примеров реализации механизма регуляторной гильотины в сфере ИТ-регулирования являются подготовка и принятие в 2024–2025 гг. ключевого для отрасли закона о платформенной экономике и законов-спутников к нему. Законопроекты рассматривались в рамках рабочих групп с участием представителей цифровых платформ, ИТ-компаний и отраслевых объединений, что позволило бизнесу представить свои позиции еще до внесения законопроектов в Правительство и Государственную Думу. В ноябре 2025 г. (уже после принятия двух из трех законопроектов о платформенной экономике) в рамках механизма регуляторной гильотины была создана отдельная рабочая группа по платформенной экономике, наряду с уже существующей рабочей группой в сфере связи и информационных технологий, на площадке которой законопроекты рассматривались ранее, — в ее состав в том числе вошли представители крупнейших посреднических цифровых платформ и бизнес-ассоциаций.

Точки доступа после внесения законопроекта в Государственную Думу

После внесения законопроекта в Государственную Думу бизнес располагает несколькими основными точками доступа к законодательному процессу. В Совете Федерации и Государственной Думе действуют экспертные советы, комитеты и комиссии, которые создают рабочие группы с участием представителей бизнеса и иных организаций.

Через эти каналы бизнес может доносить позицию по законопроектам до Совета Государственной Думы, профильного и ответственного комитетов, комитетов-соисполнителей, а также индивидуальных депутатов и фракций, особенно если работа со структурными органами не дает результата. Приоритет следует отдавать сотрудничеству с ответственным комитетом, выстраивая

коммуникацию с его руководством и членами, участвуя в профильной рабочей группе.

Ответственный комитет определяет порядок работы и состав рабочей группы, рассылает законопроект по органам власти и организациям, устанавливает сроки представления отзывов, готовит заключения о принятии, отклонении или доработке инициативы, аккумулирует поправки и вырабатывает рекомендации по ним, а также организует круглые столы, парламентские слушания и общественные обсуждения. Комитеты-соисполнители могут влиять на судьбу законопроекта, внося альтернативную позицию через содоклад при рассмотрении в первом чтении.

Взаимодействие с членами и аппаратом Совета Государственной Думы позволяет влиять на определение профильного и ответственного комитетов, комитетов-соисполнителей, направления законопроекта в органы власти и Общественную палату, сроки сбора замечаний, включение инициативы в план законопроектной работы, утверждение предложений ответственного комитета и поручения экспертным советам провести оценку законопроекта.

Совет Федерации оказывает опосредованное влияние через комитеты и комиссии, организующие круглые столы с участием власти и экспертов, а также через консультативные органы, в которых представлены деловые структуры.

Законотворческая деятельность Правительства: работа с уже внесенными в Госдуму законопроектами

Правительство предоставляет заключения[11] (перед внесением законопроекта в Государственную Думу), официальные отзывы (на любой стадии рассмотрения законопроекта палатами Федерального Собрания) и поправки (в период между первым и вторым чтением законопроекта в Государственной Думе) к законопроектам, разработанным иными субъектами права законодательной инициативы или самим Правительством (в случае с подготовкой поправок).

Включение бизнеса в работу по подготовке официального отзыва возможно посредством направления соответствующих предложений от лица компаний или бизнес-объединений в ФОИВ, ответственный за подготовку проекта заключения, официального отзыва или проекта поправок, или в ФОИВ-соисполнитель, участвующий в межведомственном согласовании проекта соответствующего документа.

Проекты поправок, подготавливаемые Правительством (равно как и поправки, подготавливаемые другими субъектами права законодательной инициативы), не публикуются в рамках процедур общественного обсуждения и ОРВ.

Одним из немногих способов включения бизнеса в обсуждение проектов поправок, заключений и официальных отзывов Правительства на законопроекты

[11] Заключения, предусмотренные ч. 3 ст. 104 Конституции РФ на законопроекты о введении или отмене налогов, об освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства.

является опосредованное участие в работе Комиссии Правительства по законопроектной деятельности на площадках крупных российских бизнес ассоциаций. Комиссия может участвовать в рассмотрении 1) неурегулированных разногласий по проектам заключений, официальных отзывов и поправок; 2) проектов поправок к законопроектам, внесенным Правительством в Государственную Думу.

Особенности рассмотрения законопроектов

Если в Государственную Думу внесен законопроект, не соответствующий интересам компании, GR-специалисты могут пытаться заблокировать его или изменить, минимизируя риски. Через описанные ранее точки доступа законопроект можно «снять» на стадии профильного комитета по формальным основаниям (неполный или некачественный пакет документов) либо добиться отрицательных заключений ответственного комитета, комитетов-соисполнителей и Правительства.

После первого чтения шансы на отклонение снижаются, но законопроект может надолго «зависнуть», фактически блокируясь до утраты актуальности. Существенные риски для бизнеса создает практика концептуального пересмотра законопроектов ко второму чтению без широкого общественного обсуждения, когда поправки либо расширяют предмет регулирования, либо вводят принципиально новые нормы [Синельщиков 2024].

Так, законопроект о доступе к информации для людей с нарушениями зрения ко второму чтению был трансформирован в акт о создании реестра ПО для собственных нужд и реестра доверенного ПО, критически важного для ИТ-отрасли, при том что информация о поправках появилась лишь за три рабочих дня до второго чтения, а второе и третье чтения прошли в конце весенней сессии[12].

В Регламенте Государственной Думы закреплена обязанность представлять пояснительную записку с изложением концепции законопроекта, а первое чтение служит площадкой для ее обсуждения; ответственный комитет вправе вынести в отдельную таблицу и рекомендовать к отклонению поправки, меняющие концепцию. Однако в Регламенте не раскрыто само понятие концепции, не определена роль Правового управления при оценке ее соблюдения, а практика Конституционного Суда по вопросам конституционной процедуры толкует требование концептуальной неизменности достаточно гибко (постановление от 10.04.2025 № 16-П, определение от 11.10.2016 № 2152-О и др.).

Снизить неопределенность для бизнеса позволило бы нормативное определение концепции законопроекта и уточнение полномочий ответственного комитета и Правового управления по оценке соответствия поправок принятой

[12] Федеральный закон от 31.07.2025 № 325-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

концепции, а также переход от чисто регламентного к законодательному регулированию федерального законодательного процесса.

У бизнеса сохраняется запрос на расширение объема публикуемой информации об обсуждении законопроектов. Непубличными остаются заключения ГПУ, существенно влияющие на ход законопроектной работы.

В карточке законопроекта в системе обеспечения законодательной деятельности, как правило, размещаются только стенограммы заседаний Государственной Думы, тогда как важные дискуссии проходят в Общественной палате, на заседаниях ответственного комитета, круглых столах и парламентских слушаниях в Госдуме и Совете Федерации. Прикрепление анонсов, видео, стенограмм и протоколов таких мероприятий дало бы бизнесу больше информации о процессе принятия решений и позволило бы конструктивно транслировать свою позицию и адаптироваться к новым условиям.

Заключение

Политико-правовой анализ регламентных процедур и примеры из регулирования ИТ-отрасли демонстрируют, что формально бизнес как негосударственный актор имеет весьма обширную сеть точек доступа для оказания влияния на законотворческий процесс.

На уровне Государственной Думы ключевыми точками доступа остаются профильные депутаты и ответственный комитет, на площадке которого ведется обсуждение законопроекта. Такое взаимодействие может носить как эпизодический (вхождение в профильную рабочую группу по законопроекту), так и системный (участие в экспертно-консультативных советах при комитетах). Точки доступа в Совете Федерации (взаимодействие с отдельными сенаторами) с учетом процедурных особенностей и сложившейся практики, отражаемых в статистике последних лет, являются в большей степени дополняющим каналом оказания влияния на содержание проектируемого регулирования.

Участие бизнеса в подготовке законопроектов, вносимых Правительством в Государственную Думу, осуществляется через совокупность формальных и полуформальных механизмов, различающихся по степени доступности для бизнеса и реального влияния на содержание регулирования. К ним относятся процедуры общественного обсуждения проектов НПА и оценки регулирующего воздействия, участие представителей бизнеса в деятельности Экспертного совета при Правительстве, а также работа в рамках комиссий и советов при Правительстве. При этом необходимо отметить, что перечисленные точки доступа предусматривают скорее «консультативно-совещательное» участие бизнеса — продвигаемые через данные площадки предложения будут носить рекомендательный характер для ФОИВ-разработчика (исключение составляют правительственные комиссии).

Одним из наиболее эффективных из рассмотренных в рамках статьи каналов влияния бизнеса на содержание правительственных законопроектов является механизм «регуляторной гильотины». Его эффективность обусловлена

в первую очередь тем, что обсуждение проектов НПА на площадках рабочих групп при Подкомиссии встроено в правительственную процедуру подготовки проектов актов, а фиксация и урегулирование разногласий являются обязательными. В то же время институциональными ограничениями данного механизма являются ограниченность применения (наличие обязательных требований в законопроекте), а также зависимость от включения отдельных компаний в состав профильных рабочих групп.

Необходимо также отметить, что данное исследование имеет ряд ограничений, связанных с выбранным авторами определением понятия «точка доступа» (в статье не учитывались неинституционализированные каналы взаимодействия) и особенностями эмпирической базы (работа отдельных «точек доступа» была проиллюстрирована на примерах из ИТ-отрасли). В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований является проведение более широкого сравнительного анализа отраслевых практик участия бизнеса в законодательном процессе, а также оценка эффективности неформальных каналов взаимодействия с органами власти. Это позволит не только уточнить выявленные закономерности, но и расширить понимание специфики российской модели взаимодействия бизнеса и власти.

Поступила в редакцию / Received: 22.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 19.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Анохин А.Н. Об исследовании организационных и функциональных аспектов правотворческой деятельности Правительства Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 4. С. 300–305. EDN: CDOGOA.

Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 278–300. http://doi.org/ http://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-278-300 EDN: PNLQYO.

Ляликов А.А. Оценка регулирующего воздействия и «регуляторная гильотина» как институциональные формы участия бизнес-сообщества в совершенствовании нормативного правового регулирования в России // Вестник ГУУ. 2022. № 8. С. 14–21. http://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-14-21 EDN: DXYWDN.

Синельщиков Ю.П. О практике изменения концепции законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 10 (24). С. 38–44. http://doi.org/10.31857/S1026945224100042. EDN: OCNRAH.

Тетерюк А.С., Бондарев М.Д. GR-анализ процесса прохождения законодательной инициативы в государственных органах в контексте лоббистской деятельности // Ars Administrandi. 2020. № 3. С. 385–417. http://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-385-417 EDN: XMVZVA.

Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. Москва : Альпина ПРО, 2020.

Шохин А.Н. Введение. Соотношение внешних и внутренних факторов в формировании и развитии кризисных явлений в России // Бизнес и власть в России: взаимодействие в условиях кризиса / отв. ред. А.Н. Шохин. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 6–11.

Шувалов И.И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе. Москва : Норма, 2004.

Dal Bó E., Regulatory Capture: A Review // Oxford Review of Economic Policy. 2006. *22* (2). P. 203–225. http://doi.org/10.1093/oxrep/grj013.

Ellis C.J., Groll T. Strategic Legislative Subsidies: Informational Lobbying and the Cost of Policy // American Political Science Review. 2019. Vol. 114. P. 179–205.

Hall R.L., Deardorff A.V. Lobbying as Legislative Subsidy // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. P. 69–84. http://doi.org/10.1017/S0003055406062010 EDN: HWAYPL.

Nownes A.J. Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get It). Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

References

Anokhin, A.N. (2023). On the study of organizational and functional aspects of law-making activity of the Government of the Russian Federation. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences. 9*(4), 300–305. (In Russian). EDN: CDOGOA.

Dal Bó, E. (2006). Regulatory capture: A review. *Oxford Review of Economic Policy, 22*(2), 203–225. http://doi.org/10.1093/oxrep/grj013.

Ellis, C.J., & Groll, T. (2019). Strategic legislative subsidies: Informational lobbying and the cost of policy. *American Political Science Review, 114*(1), 179–205. http://doi.org/10.1017/S0003055418000767.

Hall, R.L., & Deardorff, A.V. (2006). Lobbying as legislative subsidy. *American Political Science Review, 100*(1), 69–84. http://doi.org/10.1017/S0003055406062010 EDN: HWAYPL.

Kanevskiy, P.S. (2022). The genesis of the lobbying institution in Russia: Post-Soviet period and the present. *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, 28*(1), 278–300. (In Russian). http://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-278-300 EDN: PNLQYO.

Lyalikov, A.A. (2022). Regulatory impact assessment and the "regulatory guillotine" as institutional forms of business community participation in improving legal regulation in Russia. *Bulletin of the State University of Management*, (8), 14–21. (In Russian). http://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-14-21 EDN: DXYWDN.

Nownes, A.J. (2006). *Total lobbying: What lobbyists want (and how they try to get it).* Cambridge: Cambridge University Press.

Teteryuk, A.S., & Bondarev, M.D. (2020). GR-analysis of the process of legislative initiative passage in government bodies in the context of lobbying activities. *Ars Administrandi*, (3), 385–417. (In Russian). http://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-385-417 EDN: XMVZVA.

Tolstykh, P.A. (2020). *GR: A complete guide to the development of public administration decisions, theory and practice of lobbying.* Moscow: Alpina PRO. (In Russian).

Shohin, A.N. (2018). Introduction. Correlation of external and internal factors in the formation and development of crisis phenomena in Russia. In A.N. Shohin (Ed.), *Business and power in Russia: Interaction in crisis conditions* (pp. 6–11). Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).

Сведения об авторах:

Зуйков Антон Владимирович — кандидат юридических наук, доцент юридического института Российского университета дружбы народов (e-mail: zuykov.av@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4249-1808)

Потапкин Артем Сергеевич — аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: arpotapkin@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2957-7108)

Чирков Станислав Сергеевич — аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: stanislavchirkov@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-1351-8585)

About the authors:

Anton V. Zuykov — PhD in Law, Associate Professor of the Law Faculty, RUDN University (e-mail: zuykov.av@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4249-1808)

Artyom S. Potapkin — Postgraduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: arpotapkin@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2957-7108)

Stanislav S. Chirkov — Postgraduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: stanislavchirkov@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-1351-8585)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 217–230**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230
EDN: LBGWJT

Научная статья / Research article

Партийные системы регионов России на выборах 2024 года: что осталось от конкуренции?

С.А. Шпагин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, *Томск, Российская Федерация*

✉ shpagin1972@mail.ru

Аннотация. В условиях трансформации российской избирательной и партийной систем исследование положения политических партий в регионах России и динамики развития региональных партийных систем представляет собой актуальную задачу. Цель исследования — оценить уровень политической конкуренции на региональных выборах и определить актуальные тенденции развития партийных систем российских регионов. Эмпирической основой работы послужили данные ЦИК России об участии политических партий в выборах 2024 г. в законодательные собрания 12 субъектов Российской Федерации в сравнении с результатами двух предшествующих электоральных циклов. Комплексный анализ уровня электоральной конкуренции в регионах проведен на основе авторской методики, включающей в себя как традиционный содержательный анализ статистических материалов, так и применение индексного подхода (расчет эффективного числа партий). На выборах 2024 г. дальнейшее снижение количества партий и уровня их активности сопровождалось заметным падением уровня электоральной конкуренции по сравнению с результатами ряда предыдущих избирательных кампаний. В большинстве регионов зафиксировано не только сокращение числа выдвинутых и зарегистрированных партийных списков, но и значительный рост показателей «Единой России», а также существенное снижение значения индекса эффективного числа электоральных партий. Остается крайне низким и эффективное число парламентских партий. Описанные результаты выборов означают, что наблюдаемая ранее тенденция роста партийного разнообразия и фрагментации электоратов в соответствующих регионах сменилась тенденцией свертывания партийного плюрализма и консолидации избирателей вокруг все более ограниченного круга партий.

Ключевые слова: выборы, законодательные собрания, политические партии, региональные партийные системы, эффективное число партий

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шпагин С.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Шпагин С.А.* Партийные системы регионов России на выборах 2024 года: что осталось от конкуренции? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 217–230. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230 EDN: LBGWJT

Party Systems of Russian Regions in the 2024 Elections: What is Left of the Competition?

Sergey A. Shpagin

National Research Tomsk State University, *Tomsk, Russian Federation*

✉ shpagin1972@mail.ru

Abstract. In the context of the transformation of the Russian electoral and party systems, the study of the situation of political parties in the regions of Russia and the dynamics of the development of regional party systems is an urgent task. The purpose of the study is to assess the level of political competition in regional elections and determine the current trends in the development of party systems in Russian regions. The empirical basis of the work was the data of the Central Election Commission of Russian Federation on the participation of political parties in the elections of 2024 to the legislative assemblies of 12 constituent entities of the Russian Federation in comparison with the results of the two previous electoral cycles. A comprehensive analysis of the level of electoral competition in the regions was carried out on the basis of the author's methodology, which includes both the traditional meaningful analysis of statistical materials and the use of an index approach (calculation of the effective number of parties). In the 2024 elections, a further decline in the number of parties and their level of activity was accompanied by a noticeable drop in the level of electoral competition compared to the results of a number of previous election campaigns. In most regions, not only a decrease in the number of nominated and registered party lists was recorded, but also a significant increase in the indicators of United Russia, as well as a significant decrease in the value of the index of the effective number of electoral parties. The effective number of parliamentary parties remains extremely low. The election results described mean that the previously observed trend of growing party diversity and fragmentation of electorates in the respective regions has been replaced by a trend of curtailment of party pluralism and consolidation of voters around an increasingly limited range of parties.

Keywords: elections, legislative assemblies, political parties, regional party systems, effective number of parties

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shpagin, S.A. (2026). Party systems of Russian regions in the 2024 elections: What is left of the competition? *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 217–230. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-217-230 EDN: LBGWJT

Введение

Оценка политических партий как института, формирующего и выражающего политический плюрализм в демократически организованных политических системах, уже давно стала хрестоматийной. С этой точки зрения конкуренция между партиями за голоса на выборах, места в парламентах и министерские портфели в правительственных коалициях привычно

рассматривается политологами как одно из конституирующих свойств партийных систем. «Партийная система — это именно система взаимодействий, возникающих в результате межпартийной конкуренции», — писал полвека назад итальянский классик партологии Джованни Сартори [Sartori 2005: 39]. «Партийные системы могут быть определены как структуры партийной конкуренции и сотрудничества», — вторят ему Пол Пеннингс и Ян-Эрик Лэйн [Pennings, Lane 1998: 5]. Неудивительно, что исследования межпартийной конкуренции, ее участников, масштабов и характера занимают значимое место в изучении выборов — как в России, так и за рубежом.

Изучение политической конкуренции имеет большое значение не только на национальном, но и на субнациональном уровне. Оценка уровня конкуренции открывает широкие возможности сравнения и типологии регионов. Если выборы губернаторов, мэров, депутатов парламента в одномандатных округах сильно персонифицированы, то выборы в региональные законодательные собрания привлекают значительно больше внимания к партийным брендам. В отличие от парламентских выборов по единому округу, региональные гораздо лучше отражают местную специфику, а потому служат наиболее точными индикаторами состояния партийных систем в соответствующих регионах [Шпагин 2023: 69].

Исследования последних лет показывают, что принятые властями в середине и второй половине 2010-х гг. меры по корректировке избирательной системы существенно ограничили масштабы участия партий в региональных выборах и размеры партийной системы в целом [Любарев 2020; Любарев 2023]. Тем не менее на протяжении всего электорального цикла 2017–2021 гг. ведущими тенденциями региональных выборов оставалось снижение уровня голосования за «Единую Россию», изменение в связи с этим ее электоральной стратегии, укрепление позиций непарламентских партий и рост уровня электоральной конкуренции [Шпагин 2021: 180–181]. *Цель исследования* — понять, как соотносятся с этими тенденциями результаты региональных выборов 2024 г.

Методы исследования

Политологи расходятся в том, по каким критериям и показателям оценивать уровень конкуренции на выборах в той или иной партийной системе. Для многих из них конкуренция представляет собой чисто качественную характеристику, определяемую лишь режимными условиями проведения выборов [Курочкин 2021]. А исследователи, опирающиеся на количественные методики анализа, используют различные показатели. Это и количество партий, принявших участие в избирательной кампании [Шашкова 2017], и процент мест, подконтрольных второй по величине партии [Джанда 2010], и разрыв между процентами голосов, набранными первой и второй партией [Шилов, Рылкина 2013], и эффективные числа электоральных и парламентских партий [Гельман 2008]. Очевидно, что эффективность этих показателей не равнозначна. От количества партий, допущенных к участию в выборах, зависит спектр выбора избирателей. Однако в случае явного доминирования одной партии о реальном уровне

межпартийной конкуренции этот показатель ничего не говорит. Доля мест второй партии — исчерпывающий показатель конкуренции в двухпартийной системе, но мало информативный за ее рамками. Почти то же самое можно сказать и о разрыве в процентах голосов, набранных первой и второй партиями.

Именно в силу неуниверсальности названных показателей при изучении межпартийной конкуренции чаще всего используется индекс эффективного числа партий (ENP). При этом исследователи настолько расходятся в оценке его точности, что наряду с наиболее распространенной формулой М. Лааксо и Р. Таагеперы [Laakso, Taagepera 1979] в научном обиходе применяются и альтернативные формулы Х. Молинара [Molinar 1991], П. Данливи и Ф. Бусек [Dunleavy, Boucek 2003] и Г.В. Голосова [Golosov 2010]. В частности, в исследованиях электоральной политики в российских регионах получили распространение как индекс Лааксо — Таагеперы [Перфильев 2017], так и индекс Голосова [Шпагин 2023], а в некоторых случаях — оба сразу [Korgunyuk, Ross, Shpagin 2018].

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением коллег, подчеркивающих, что для полноценного учета всех аспектов межпартийной конкуренции необходимо применять несколько показателей [Петров, Григорьев 2018]. В частности, выдвижение партийных списков характеризует активность партий и самооценку их положения в регионе, регистрация партийных списков — фильтрационную активность избиркомов, доли голосов за парламентские партии — расстановку сил на электоральном поле, эффективное число партий — уровень фрагментации электоратов и депутатского корпуса. Поэтому для оценки уровня межпартийной конкуренции на выборах в данном исследовании будут использованы несколько показателей: количество выдвинутых и зарегистрированных партийных списков в каждом регионе, доли голосов, полученных парламентскими партиями в едином округе, а также ENP, рассчитанное по формуле Г.В. Голосова:

$$ENP = \sum_{1}^{x} \frac{S_i}{S_i + S_1^2 - S_1^2}.$$

Поскольку в российских регионах конкуренция между партиями проявляется на двух уровнях — электоральном и парламентском, то индекс рассчитывается двумя способами. На электоральном уровне это эффективное число электоральных партий (ENEP), для которого S_i — доля действительных голосов каждой партии в едином округе, а S_1 — доля голосов партии-победительницы. На парламентском уровне это эффективное число парламентских партий (ENPP), для которого S_i — доля мест в органе власти каждой из партий S_1 — доля мест крупнейшей партийной фракции.

Региональные выборы 2024 г.: правовой и политической контекст

В единые дни голосования 6–8 сентября 2024 г. состоялись выборы законодательных собраний в 13 субъектах Российской Федерации. Среди них семь республик (в том числе такие электорально управляемые, как

Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан и Тыва), три области, Хабаровский край, Москва и Севастополь. Если выборы в парламенты Кабардино-Балкарии (КБР) и Карачаево-Черкесии (КЧР) проводились по пропорциональной системе с закрытыми списками, а в Московскую городскую Думу — по мажоритарной системе относительного большинства, то в остальные ассамблеи — по смешанной несвязной системе. Это несколько затрудняет сравнение их результатов и заставляет исключить из рассмотрения Москву. Тем не менее некоторые тенденции участия российских партий в этих выборах просматриваются довольно отчетливо.

В отличие от региональных выборов 2019 г., которые проходили в обстановке роста протестных настроений, обусловленных продолжением непопулярной пенсионной реформы, выборы 2024 г. прошли в совершенно иных условиях. Репрессии против несистемной оппозиции и независимых СМИ, обстановка специальной военной операции, консолидация лояльной части избирателей вокруг политического курса Кремля, неготовность парламентской оппозиции предложить реальные альтернативы ему, наконец, новеллы избирательного законодательства — все это усилило позиции «Единой России» и ослабило возможности других партий соперничать с ней на электоральном поле.

Выборы продемонстрировали дальнейшее снижение активности политических партий и в связи с этим — все менее убедительные перспективы многих из них. Продолжается общее сжатие отечественной партийной системы: если в 2014 г. право участвовать в выборах имели 69 партий, то к 2019 г. это количество сократилось до 51, а в 2024 г., по данным Минюста, после приостановки деятельности «Партии дела» это право сохранили только 24 партии[1]. Основных механизмов сокращения три: ликвидация в связи с недостаточно активным участием в выборах, ликвидация из-за сокращения числа региональных отделений и слияние партий. В частности, из-за объединения со «Справедливой Россией» в бюллетенях 2024 г. не было «Патриотов России» и прилепинской партии «За правду!». А в апреле 2024 г. выбыла из круга участников «Партия роста», которая влилась в состав идеологически близкой парламентской партии «Новые люди».

Выдвижение и регистрация партийных списков

Число партий, выдвинувших свои списки кандидатов в едином округе, продолжает снижаться: в 2014 г. их было 36, в 2019 г. — 22, а в 2024 г. — лишь 14. На первый взгляд, тенденция может показаться даже позитивной: если в 2014 г. доля участвующих партий составила 52,2 %, а в 2019 г.

[1] Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации, по состоянию на 16 июля 2024 г. // ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last/ (дата обращения: 12.01.2025).

и вовсе 43,1 %, то в 2024 г. — 58,3 %. Таким образом, формально партии стали активнее. Однако нельзя не заметить, что активность эту проявляют одни и те же партии, главным образом, парламентские или имеющие региональную льготу при регистрации. Регистрация на основании подписей избирателей остается рискованной, в результате чего потраченные на кампанию деньги пропадают зря. В частности, не сумели зарегистрировать списки «Партия Возрождения России» в Республике Алтай, Российский общенародный союз — в Волгоградской области и «Гражданская инициатива» в Татарстане и Тульской области. Если в 2014 г. избиркомы зарегистрировали в общей сложности списки 27 партий, то в 2019 г. — только 14, а в 2024 г. — всего 10.

Как выглядит ситуация в региональном разрезе? (табл. 1). В большинстве регионов активность партий по выдвижению списков снизилась, местами довольно резко — например, на Алтае, в Татарстане и Севастополе. По количеству выдвинутых списков лидируют Хабаровский край и Тульская область, меньше всего списков выдвинуто в КЧР и Тыве. Среднее количество списков на регион снизилось с 11,5 в 2014 г. до 7 в 2024 г.

Таблица 1. **Выдвижение и регистрация партийных списков на региональных выборах 2014–2024 гг. по регионам**

Регионы	Выдвинуто списков			Зарегистрировано списков		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Республика Алтай	14	13	7	7	9	6
Кабардино-Балкарская Республика	13	7	6	7	6	6
Карачаево-Черкесская Республика	12	8	5	5	6	5
Республика Крым	14	9	8	12	8	7
Республика Марий Эл	9	10	7	6	6	7
Республика Татарстан	11	11	6	7	7	5
Республика Тыва	7	9	5	7	5	5
Хабаровский край	10	10	9	7	7	8
Брянская область	10	7	8	5	5	7
Волгоградская область	15	6	7	4	5	6
Тульская область	8	9	9	7	7	6
Севастополь	15	12	7	14	6	6

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/ region/ izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 1. **Nomination and registration of party lists in regional elections 2014–2024 by regions**

Regions	Lists put forward			Lists registered		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Republic of Altai	14	13	7	7	9	6
Republic of Kabardino-Balkaria	13	7	6	7	6	6
Republic of Karachay-Cherkessia	12	8	5	5	6	5
Republic of Crimea	14	9	8	12	8	7
Republic of Mari El	9	10	7	6	6	7
Republic of Tatarstan	11	11	6	7	7	5
Republic of Tuva	7	9	5	7	5	5
Khabarovsk Territory	10	10	9	7	7	8
Bryansk oblast	10	7	8	5	5	7
Volgograd oblast	15	6	7	4	5	6
Tula oblast	8	9	9	7	7	6
Sevastopol	15	12	7	14	6	6

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Естественно, что показатели количества зарегистрированных партийных списков по регионам еще ниже. Заметим, как в 2014 г. отличались от всех остальных новоприсоединенные регионы. Уже к следующим выборам это различие нивелировалось. Тенденция к снижению показателей здесь хотя и присутствует, но не столь заметна, как в предыдущем случае. Больше всего списков успешно прошло регистрацию в Хабаровском крае, меньше всего — в КЧР, Татарстане и Тыве. Наибольшую строгость проявила избирательная комиссия Тульской области, отказавшая в регистрации спискам сразу трех партий. Зато в КБР, КЧР, Марий Эл и Тыве успешно прошли регистрацию все выдвинутые партийные списки. Среднее количество зарегистрированных партийных списков сократилось с 7,33 в 2014 г. до 6,42 в 2019 г. и 6,16 в 2024 г.

Результаты партий

Если в 2019 г. уровень голосования за «Единую Россию» (ЕР) упал везде, кроме КБР, то в 2024 г. «партия власти» существенно укрепила свои позиции (табл. 2). Особенно это заметно на Алтае (+19,6 %), в Крыму (+20,2 %), Марий Эл (+26,7 %) и Севастополе (+33,1 %). Также ЕР вернула себе лидирующее положение в Хабаровском крае, утраченное в период губернаторства С. Фургала. Средний уровень голосования за нее вырос на 14 %.

Впрочем, случаи наиболее внушительного прироста голосования за «партию власти» связаны, главным образом, с применением голосования вне избирательных участков и ДЭГ. Так, на основе данных ЦИК России можно посчитать, что в Марий Эл в переносные урны проголосовали 20,74 % избирателей, а еще 24,79 % воспользовались возможностью голосования через Интернет. Аналогичное объяснение имеет и почти двукратный скачок голосования за ЕР в Севастополе, где 65,57 % избирателей голосовало вне избирательных участков, а еще 9,6 % — при помощи ДЭГ. Вне избирательных участков проголосовали 16 % избирателей в КЧР, 18,1 % в Тульской области, 21,5 % в Крыму, 22,5 % в Тыве и 24 % избирателей в Брянской области. В литературе уже отмечалось, что применение в России технологий дистанционного и электронного голосования выявило целый ряд проблем: это и устойчивость перед кибератаками, и сложность процедуры проверки и внешнего наблюдения за ходом голосования, и сложность аутентификации пользователя, и возможность оказания давления на избирателя [Виноградова 2024]. А высокая доля голосующих в переносные урны демонстрирует сильную статистическую связь с голосованием за «Единую Россию» [Савенков 2019].

Таблица 2. **Голосование за парламентские партии на региональных выборах 2024 г. по регионам**

Регионы	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди
Республика Алтай	53,8	13,6	18,2	5,7	5,2
Кабардино-Балкарская Республика	73,7	12,4	5,1	10,4	0,8
Карачаево-Черкесская Республика	68,1	12,7	5,1	11,8	-
Республика Крым	74,9	5,2	5,7	2,8	3,1
Республика Марий Эл	61,2	11,6	8,7	4,9	4,4
Республика Татарстан	76,8	11,5	4,4	3,3	4,2
Республика Тыва	80,0	5,5	5,0	3,3	5,4
Хабаровский край	45,9	12,6	16,8	7,3	5,4
Брянская область	68,7	8,4	13,3	3,5	2,5
Волгоградская область	52,4	16,4	13,0	5,5	5,2
Тульская область	58,7	13,2	9,7	7,6	4,2
Севастополь	71,6	5,8	6,9	4,1	7,0
В среднем	**65,7**	**10,9**	**9,5**	**5,9**	**3,9**

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 2. **Voting for parliamentary parties in the regional elections of 2024 by regions**

Regions	UR	CPRF	LDPR	JRPT	New people
Republic of Altai	53.8	13.6	18.2	5.7	5.2
Republic of Kabardino-Balkaria	73.7	12.4	5.1	10.4	0.8
Republic of Karachay-Cherkessia	68.1	12.7	5.1	11.8	-
Republic of Crimea	74.9	5.2	5.7	2.8	3.1
Republic of Mari El	61.2	11.6	8.7	4.9	4.4
Republic of Tatarstan	76.8	11.5	4.4	3.3	4.2
Republic of Tuva	80.0	5.5	5.0	3.3	5.4
Khabarovsk Territory	45.9	12.6	16.8	7.3	5.4
Bryansk oblast	68.7	8.4	13.3	3.5	2.5
Volgograd oblast	52.4	16.4	13.0	5.5	5.2
Tula oblast	58.7	13.2	9.7	7.6	4.2
Sevastopol	71.6	5.8	6.9	4.1	7.0
On average	**65.7**	**10.9**	**9.5**	**5.9**	**3.9**

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Голосование за партии парламентской оппозиции следует обратной динамике. Резко прибавившая в 2019 г., КПРФ в 2024 г. набрала ощутимо меньше голосов, особенно на Алтае (в 2,2 раза), в Марий Эл (в 2,3 раза) и Севастополе (в 3,2 раза). Зато ей удалось пробиться в Народный Хурал Тывы. Похожая динамика и у ЛДПР: после внушительных успехов в 2019 г., партия в 2024 г. вновь не смогла преодолеть заградительный барьер в Татарстане, утратила лидирующее положение в Хабаровском крае, но удержала за собой второе место в Крыму и Брянской области, а также сумела занять его на Алтае и в Севастополе.

Несмотря на объединение, партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду!» (СРЗП) в 2024 г. повторно потерпела неудачи в Крыму, Татарстане и Тыве. К ним добавились поражения в Марий Эл, Брянской области и Севастополе. Заметными успехами «справороссов» можно считать разве что попадание в Законодательную Думу Хабаровского края и двукратный рост голосов в Карачаево-Черкесии — главным образом за счет бывшего электората «Патриотов России». Партия «Новые люди» добилась успеха только на Алтае, в Волгоградской области, Хабаровском крае, Севастополе и Тыве.

Среди непарламентских партий отметим активность «Партии пенсионеров», которая получила в Севастополе отказ в регистрации, приняла участие в выборах в пяти других регионах, оттянув на себя значительную часть избирателей СРЗП, и преодолела заградительный барьер в Волгоградской

области. Хотя списки кандидатов «Гражданской платформы» не прошли регистрацию в Брянской области и Хабаровском крае, она сохранила свою фракцию в Народном Собрании КЧР. То же самое удалось РЭП «Зеленые» в КБР (но не удалось в Крыму). Зато все три кампании партии «Родина» и четыре — «Коммунистов России» в единых округах на этот раз были безуспешными.

Фрагментация региональных партийных систем

Подобно уровню голосования за парламентскую оппозицию, индекс эффективного числа электоральных партий в 2024 г. ощутимо снизился по сравнению с показателями 2019 г. и почти достиг уровня 2014 г. Если по итогам выборов 2019 г. в республиках Алтай и Марий Эл фиксировался средний уровень электоральной конкуренции, а в Крыму, Волгоградской, Тульской областях и Севастополе — низкий [Шпагин 2021: 176–177], то в 2024 г. среднеконкурентных регионов не осталось, а что-то похожее на электоральную конкуренцию просматривается только в Хабаровском крае, Волгоградской области и на Алтае. Наименее конкурентные выборы по традиции прошли в Тыве (табл. 3).

Таблица 3. **Динамика эффективного числа партий на выборах в 2014–2024 гг.**

Регионы	ENEP			ENPP		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Республика Алтай	2,40	3,27	2,05	1,45	1,83	1,11
Кабардино-Балкарская Республика	1,67	1,54	1,56	1,48	1,48	1,48
Карачаево-Черкесская Республика	1,44	1,59	1,57	1,42	1,60	1,58
Республика Крым	1,40	2,02	1,33	1,07	1,27	1,11
Республика Марий Эл	1,64	3,20	1,83	1,14	1,72	1,09
Республика Татарстан	1,19	1,45	1,34	1,22	1,20	1,16
Республика Тыва	1,15	1,26	1,28	1,03	1,07	1,33
Хабаровский край	1,92	1,95	2,57	1,22	1,22	1,32
Брянская область	1,38	1,59	1,54	1,09	1,27	1,19
Волгоградская область	1,76	2,17	2,20	1,21	1,42	1,44
Тульская область	1,62	2,33	1,90	1,16	1,41	1,28
Севастополь	1,28	2,79	1,47	1,09	1,99	1,22
В среднем	**1,66**	**2,10**	**1,72**	**1,25**	**1,57**	**1,27**

Источник: составлено С.А. Шпагиным на основе базы данных ЦИК России. URL: http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom (дата обращения: 24.11.2024).

Table 3. **Dynamics of the effective number of parties in the elections 2014–2024**

Regions	ENEP			ENPP		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Republic of Altai	2.40	3.27	2.05	1.45	1.83	1.11
Republic of Kabardino-Balkaria	1.67	1.54	1.56	1.48	1.48	1.48
Republic of Karachay-Cherkessia	1.44	1.59	1.57	1.42	1.60	1.58
Republic of Crimea	1.40	2.02	1.33	1.07	1.27	1.11
Republic of Mari El	1.64	3.20	1.83	1.14	1.72	1.09
Republic of Tatarstan	1.19	1.45	1.34	1.22	1.20	1.16
Republic of Tuva	1.15	1.26	1.28	1.03	1.07	1.33
Khabarovsk Territory	1.92	1.95	2.57	1.22	1.22	1.32
Bryansk oblast	1.38	1.59	1.54	1.09	1.27	1.19
Volgograd oblast	1.76	2.17	2.20	1.21	1.42	1.44
Tula oblast	1.62	2.33	1.90	1.16	1.41	1.28
Sevastopol	1.28	2.79	1.47	1.09	1.99	1.22
Averege	**1.66**	**2.10**	**1.72**	**1.25**	**1.57**	**1.27**

Source: compiled by S.A. Shpagin based on the Central Election Commission of Russia database. Retrieved November 24, 2025, from http://www.izbirkom.ru/ region/izbirkom

Динамика уровня фрагментации депутатского корпуса избранных законодательных собраний регионов также примерно соответствует результатам парламентской оппозиции. Если в 2019 г. фрагментация в ряде регионов несколько выросла и позволяла говорить о возможности реальной конкуренции, особенно в Москве и Севастополе, то в 2024 г. в большинстве регионов показатели буквально рухнули. Республики Алтай и Марий Эл, входившие ранее в тройку регионов с наиболее фрагментированными ассамблеями, в 2024 г. сформировали наименее конкурентные органы власти. Об уровне партийности заксобраний многое говорит уже тот факт, что на первое место по уровню фрагментации вышла Карачаево-Черкесия, а вовсе неконкурентная Тыва оказалась на 4-м месте.

Партийная динамика по итогам выборов 2024 г.: основные выводы

Тенденции, наблюдаемые по итогам выборов 2024 г., противоречивы. Как и ранее, сокращается количество партий, принимающих участие в региональных выборах. Ни одна партия не смогла зарегистрировать свой список на основании собранных подписей. Однако если прежде сокращение числа партийных игроков приносило дивиденды оппозиции, то на этот раз

тенденция снижения результатов ЕР переломилась. В условиях монополизации информационного пространства и доминирования властной повестки «партия власти» уже не нуждается в маскировке своих кандидатов под независимых и выдвигает их от собственного имени. Не приходится говорить и об укреплении позиций непарламентских партий: их представительство в законодательных органах изучаемых регионов сократилось с 20 депутатов до 7. Отчасти тому способствовало появление в регионах новой парламентской партии «Новые люди». Происходит свертывание партийного плюрализма и консолидация избирателей вокруг все более ограниченного круга партий. В таком контексте неудивительно снижение уровня фрагментации электорального пространства и депутатского корпуса региональных парламентов. В новых условиях для межпартийной конкуренции в регионах осталось очень мало места.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Виноградова И.М. Технология дистанционного и электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. № 2. С. 51–76. http://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76.

Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.

Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 113–142.

Курочкин А.В. Укрепление и укоренение политических партий в России: процесс институционализации в условиях ограниченной электоральной конкуренции. Чебоксары : ИД «Среда», 2021.

Любарев А.Е. Как избирательное законодательство влияет на выборы: анализ 35-летней российской истории // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 150–170. http://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-3-150-170.

Любарев А.Е. Российская партийная система после реформы 2012 г. // Электоральная политика. 2020. № 2 (4). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy2012-goda/ (дата обращения: 21.05.2022).

Перфильев Ю.С. Электоральная конкуренция в современной Иркутской области: муниципальный разрез // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 21. С. 62–70.

Петров Ю.Д., Григорьев Н.А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) // Власть. 2018. № 7. С. 105–112.

Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010–2018) // Политическая наука. 2019. № 2. С. 74–94. http://doi.org/10.31249/poln/2019.02.04.

Шашкова Я.Ю. Влияние новелл партийно-электорального законодательства на формирование легислатур регионов Западной Сибири в 2010-е гг. // Публичная политика. № 2. Октябрь-ноябрь 2017. С. 86–93.

Шилов В.Н., Рылкина А.П. Динамика политической конкуренции в России в постперестроечный и постсоветский периоды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 164–175.

Шпагин С.А. Партийная динамика российских регионов по итогам парламентских выборов 2019–2020 годов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 173–183. http://doi.org/10.17223/1998863X/62/15.

Шпагин С.А. Партийная конкуренция на региональных выборах 2021 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 68–74.

Pennings P., Lane J.-E. Comparing Party System Change / ed. by P. Pennings & J.-E. Lane. London : Routledge, 1998.

Dunleavy P., Boucek F. Constructing the number of parties // Party Politics. 2003. Vol. 9. No. 3. P. 291–315. http://doi.org/10.1177/1354068803009003002.

Golosov G. The effective number of parties: A New Approach // Party politics. 2010. Vol. 16. No. 2. P. 171–192. http://doi.org/10.1177/1354068809339538.

Korgunyuk Yu., Ross C., Shpagin S. Party Reforms and the Unbalancing of the Cleavage Structure in Russian Regional Elections, 2012–2015 // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. P. 1–27. http://doi.org/10.1080/09668136.2017.1417976.

Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. April. P. 3–27. http://doi.org/10.1177/001041407901200101.

Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. Issue 4. P. 1383–1391. http://doi.org/10.2307/1963951.

Sartori G. Parties and Party Systems: A framework for analysis. 2nd edition. Colchester: ECPR Press, 2005.

References

Vinogradova, I.M. (2024). Remote electronic voting technology in Russia: implementation experience and future prospects. *PolitBook, 2,* 51–76. (In Russian). http://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-51-76.

Gelman, V.Ya. (2008). Political parties in Russia: From competition to hierarchy. *Polis. Political Studies, 5,* 135–152. (In Russian).

Janda, K. (2010). "Governance," rule of law and party systems. *Political Science, 6,* 113–142. (In Russian).

Kurochkin, A.V. (2021). *Strengthening and rooting of political parties in Russia: the process of institutionalization in conditions of limited electoral competition*. Cheboksary: Publishing House "Sreda". (In Russian).

Lyubarev, A.E. (2023). How electoral legislation affects elections: An analysis of 35 years of Russian history. *Comparative constitutional review,* (3), 150–170. (In Russian). http://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-3-150-170.

Lyubarev, A.E. (2020). Russian party system after the 2012 reform. *Electoral politics*, 2, 1. (In Russian). Retrieved February 10, 2025, from http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy2012-goda/

Perfiliev, Ju.S. (2017). Electoral competition in the modern Irkutsk region: Municipal open pit. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religious studies"*, *21,* 62–70. (In Russian).

Petrov, Yu.D., & Grigoriev, N.A. (2018). Electoral competition in regional and municipal elections in the Republic of Sakha (Yakutia). *Vlast'* (*Power*), (7), 105–112. (In Russian).

Savenkov, R.V. (2019). Electoral potential of opposition candidates following the results of elections to regional parliaments in the Central Black Earth Region (2010–2018). *Political science*, (2), 74–94. (In Russian). http://doi.org/10.31249/poln/2019.02.04.

Shashkova, Ya.Yu. (2017). The influence of innovations of party-electoral legislation on the legislatures formation of the regions of Western Siberia in the 2010s. *Public policy*, *2,* 86–93. (In Russian).

Shilov, V.N., & Rylkina, A.P. (2013). Dynamics of political competition in Russia in the post-perestroika and post-Soviet periods. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political science. Economics. Information technologies*, *15*(27), 164–175. (In Russian).

Shpagin, S.A. (2021). Party dynamics of Russian regions following the results of the parliamentary *elections* 2019–2020. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 62, 173–183. (In Russian). http://doi.org/10.17223/1998863X/62/15.

Shpagin, S.A. (2023). Party competition in the regional elections of 2021. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, *1,* 68–74. (In Russian).

Pennings, P., & Lane, J.-E., (Eds.) (1998). *Comparing Party System Change*. London: Routledge.

Dunleavy, P., & Boucek, F. (2003). Constructing the number of parties. *Party Politics*, *9*(3), 291–315. http://doi.org/10.1177/1354068803009003002.

Golosov, G. (2010). The effective number of parties: A New Approach. *Party politics*, *16*(2), 171–192. http://doi.org/10.1177/1354068809339538.

Korgunyuk, Yu., Ross, C., & Shpagin, S. (2018). Party reforms and the unbalancing of the cleavage structure in Russian regional *elections,* 2012–2015. *Europe-Asia Studies*, *70*, 1–27. http://doi.org/10.1080/09668136.2017.1417976.

Laakso, M., & Taagepera, R. (1979). «Effective» number of parties: A Measure with application to West Europe. *Comparative Political Studies*, *12*(1), 3–27. http://doi.org/10.1177/001041407901200101.

Molinar, J. (1991). Counting the number of parties: An alternative index. *American Political Science Review*, *85*(4), 1383–1391. http://doi.org/10.2307/1963951.

Sartori, G. (2005). *Parties and Party Systems: A framework for analysis*. 2nd edition. Colchester: ECPR Press.

Сведения об авторе:

Шпагин Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (e-mail: shpagin1972@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9623-8608)

About the author:

Sergey A. Shpagin — PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (e-mail: shpagin1972@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9623-8608)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 1 231–239**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-231-239
EDN: LDCKLJ

Рецензия / Book review

Осмысливая испанскую политику. Рецензия на книгу: Баранов А.В. Трансформация партийной системы современной Испании (электоральный аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 300 с.

О.И. Зазнаев ✉, А.Р. Зарипова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*
✉ Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Для цитирования: *Зазнаев О.И., Зарипова А.Р.* Осмысливая испанскую политику. Рецензия на книгу: Баранов А.В. Трансформация партийной системы современной Испании (электоральный аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 300 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 1. С. 231–239. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-231-239 EDN: LDCKLJ

Understanding Spanish Politics. Book review: Baranov, A.V. (2024). Transformation of the Party System of Contemporary Spain (Electoral Aspect). Krasnodar: Kuban State University publ., 300 p. (In Russian)

Oleg I. Zaznaev, Aigul R. Zaripova

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*
✉ Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

For citation: Zaznaev, O.I., & Zaripova, A.R. (2026). Understanding Spanish politics. Book review: Baranov, A.V. (2024). Transformation of the Party System of Contemporary Spain (Electoral Aspect). Krasnodar: Kuban State University publ., 300 p. (In Russian). *RUDN Journal of Political Science, 28*(1), 231–239. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-231-239 EDN: LDCKLJ

© Зазнаев О.И., Зарипова А.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

В последние годы испанское государство столкнулось с чередой вызовов — мировым экономическим кризисом, сепаратистским конфликтом в Каталонии, пандемией COVID-19, коррупционными скандалами внутри монаршей семьи и в ключевых политических партиях. «Незыблемая» политическая система Испании, сложившаяся в ходе демократического транзита в постфранкистский период, стала терять свою устойчивость и способность адекватно отвечать на вызовы времени. В последние десятилетия стрессу подвергается и партийная система страны, которая, как отмечает один из испанских исследователей, претерпевает «метаморфозу» «во время фаз социальных потрясений, нарушающих устоявшееся равновесие» [Campolongo, Olivas Osuna 2024: 630].

Испанское общество и его социальная структура меняются, а значит, меняются электоральные предпочтения: две основные партии — Народная партия (НП; Partido popular) и Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП; PSOE), выступавшие в качестве бесспорных лидеров на правом и левом фланге, начали терять голоса. На политическом поле возникли левопопулистская «Подемос» (Podemos), правоцентристская «Граждане» (Ciudadanos) и праворадикальная «Вокс» (Vox), успех которых во многом связан с неудовлетворенностью избирателей «старыми» партиями. В итоге партийная система стала более фрагментированной, возросла электоральная конкуренция, а избиратели показали высокий уровень волатильности на выборах. Новые тенденции оказались неожиданностью и труднообъяснимыми загадками не только для политологов, но и для самих участников политического процесса, которые могли бы применительно к Испании повторить слова советского партийного лидера: «Мы не знаем общества, в котором живем».

На этом фоне выход в свет монографии А.В. Баранова «Трансформация партийной системы современной Испании (электоральный аспект)» [Баранов 2024] является своевременным. Данный труд продолжает идущую в научных кругах дискуссию об институционализации новой структуры партийного размежевания в европейских странах. В российской политологии проблематика эволюции партийной системы Испании уже получила определенное осмысление в работах таких авторитетных исследователей, как А.А. Куракина-Дамир, А.А. Орлов, И.Л. Прохоренко, С.М. Хенкин [Куракина-Дамир 2022; Орлов 2022; Прохоренко 2022; Хенкин 2023]. Параллельно в зарубежной научной литературе сформировался массив исследований, в которых дан системный анализ современной партийной конъюнктуры и электоральной динамики Испании на базе обширного эмпирического материала [Field 2024; Ramiro 2024; Riera 2023; Rodon 2023; Vall-Prat 2024].

В этом контексте монография А.В. Баранова вносит ряд существенных дополнений, обогащая существующий научный дискурс оригинальным аналитическим ракурсом и новыми эмпирическими данными. В книге автор ставит перед собой задачу выявить природу реконструкции идеологического и политического ландшафта, предлагает читателю продвинуться к пониманию перипетий испанской политики.

Монография состоит из трех глав, разделенных на 11 параграфов. Логика автора такова: сначала он анализирует факторы и проявления трансформаций партийной системы Испании, затем делает акцент на сравнительном анализе трансформаций политических партий Испании и, наконец, уделяет пристальное внимание трансформации партийной системы страны на региональном уровне.

Любое исследование предпринимается для устранения пробелов в науке, и рецензируемая работа — не исключение. Автор справедливо говорит о том, что в литературе «недостаточное внимание уделяется социально-классовым и социокультурным детерминантам партийных ориентаций избирателей, территориальной неравномерности поддержки партий, технологиям формирования общественного мнения» [Баранов 2024: 37]. Вне поля зрения политологов оказалась также «процедура неформальных переговоров на стадии формирования правительств» [Баранов 2024: 37]. Поэтому монография А.В. Баранова заполняет «нишу» в наших знаниях об испанской партийной политике.

Цель предпринятого автором исследования — определение направленности трансформации партийной системы Испании в 2011–2024 гг. [Баранов 2024: 3]. Указанные хронологические рамки работы выбраны неслучайно. Дело в том, что выборы 2011 г. стали последними за новейшую историю Испании, когда одной из крупнейших политических сил Испании — НП удалось сформировать правительство большинства — началась «эра» коалиций. Чередование двух партий ушло в прошлое и, как отмечает автор, возврат к нему «вряд ли возможен» [Баранов 2024: 4].

Остановимся на ряде заслуживающих внимание положений монографии. Исходной точкой анализа факторов трансформации партиомы становится разбор структурных особенностей политической системы постфранкистской Испании. Территориальное устройство пристально рассматривается автором не случайно: Испания является государством с высоким уровнем регионализации. Развитая территориальная идентичность в автономных сообществах накладывает отпечаток на институциональные практики на разных уровнях государственной власти. Территориальные размежевания и асимметрия отражаются в партийных системах регионов, отличных от общенациональной партийной системы. Возникающие конфликты между центром и региональными акторами регулярно актуализируют в политической повестке тему реформы территориального устройства. А политические партии вынуждены четко сегментироваться по шкале «унитаризм — федерализм — сепаратизм», что затрудняет достижение консенсуса.

В работе верно подчеркивается, что делигитимация и снижение электоральной поддержки становится отчетливо выраженным индикатором кризиса системных партий, возникает запрос на новых политических игроков. Автор указывает на сохраняющуюся тройственную структуру испанского электората, распределенного в основном между левоцентристами, правоцентристами и региональными националистами: «Но внутри этих „партийных семей“ возникла жесткая конкуренция между историческими и новыми партиями» [Баранов 2024: 60].

В книге высказана интересная мысль о том, что кризис доверия старым системным партиям поставил перед ними задачу адаптации под новый формат политической коммуникации и выстраивания горизонтальных сетевых связей как внутри партии, так в межпартийном взаимодействии [Баранов 2024: 76]. Доминирующие в испанской политической системе ИСРП и НП обладают сходством в организационной структуре и «восходящей мобильностью», которая обеспечивает «циркуляцию элит внутри единой системы», что сближает партии по социально-классовому составу [Баранов 2024: 76]. Именно это, по мнению автора, определило схожие проблемы, с которыми столкнулись эти партии.

В качестве ключевого вызова для левых партий Испании автор указывает на трудности взаимодействия из-за различий в политических позициях, обусловленных отсутствием опыта работы в коалиционных правительствах [Баранов 2024: 93]. Долгое время игравшая роль одной из двух ключевых сил ИСРП вынуждена находить точки соприкосновения с бывшими антисистемными радикальными игроками ради коалиционного сотрудничества, что является непростой задачей, учитывая сильные противоречия в позициях с партнерами «Подемос» и региональными партиями [Баранов 2024: 87–90]. В свою очередь, «Подемос» вынуждена с крайне левого фланга двигаться в сторону центра, что не могло не сказаться на настроениях внутри партии. В итоге сегодня левые расколоты и вынуждены искать точки соприкосновения. Как отмечается в монографии, «левая партия «Унидас Подемос», по сути, растворилась в более широкой коалиции «Сумар», что позволило сохранить уровень электоральной поддержки, но оттолкнуло самые радикальные слои избирателей» [Баранов 2024: 231].

Автор с особым вниманием рассматривает опыт правых политических партий. Имиджевые потери из-за громкого коррупционного скандала, итогом которого стала отставка правительства М. Рахоя, подвели общество к поиску идейных альтернатив традиционному правоцентризму НП. Ответом на запрос правого электората стала активизация умеренной партии «Граждане» и праворадикальной «Вокс». Автор подчеркивает изначальную слабость правых фланговых партий в Испании, аргументируя это историческим опытом, побуждающим испанское общество с опаской реагировать на радикальную правую риторику и отдавать предпочтение умеренным правым позициям [Баранов 2024: 94]. Как отмечается в работе, «Новые правые партии — и „Граждане“, и „Вокс“ в большей мере воспользовались благоприятной для критики «исторических» основных партий обстановкой, нежели сумели создать прочные организационные и идеологические структуры для стабильной поддержки своей активности» [Баранов 2024: 123], что не могло не сказаться на устойчивости положения этих сил. Партия «Граждане» находится на грани исчезновения, а успех «Вокс» зависит от готовности к сотрудничеству с НП. Автор справедливо замечает, что «распад коалиции в большей степени ослабляет «Вокс», а не Народную партию. Это может привести к расколу «Вокс» и поглощению ее относительно умеренных фракций со стороны Народной партии, как это уже произошло с партией «Граждане». В то же время запрос избирателей на поддержку правых партий сохраняется» [Баранов 2024: 124].

Однако последние региональные выборы 2023–2024 гг. высвечивают тренд на восстановление поддержки НП, а «полевение» сохраняется преимущественно в национальных автономиях (таких как Каталония), что выглядит вполне логично с учетом исторического опыта и политических взглядов правых по проблеме территориального устройства. В остальных регионах правая повестка НП и «Вокс» вызывает больший отклик избирателей [Баранов 2024: 203].

Важная черта политической системы Испании — это наложение нескольких социально-политических расколов, что усиливает партийные размежевания, делая невозможным образование больших коалиций, в то же время разное видение решения существующих проблем политической системы усложняет сотрудничество между центристами и фланговыми партиями как в стане левых, так и правых партий. Снижение электоральной поддержки системных партий с обеих сторон политического спектра фрагментирует партийную систему и ослабляет устойчивость «разношерстных» правительств, которые не могут эффективно реагировать на кризисы и проводить реформы, а партии вынуждены искать компромиссы ради продления своего сосуществования.

Еще один важный сюжет, раскрываемый автором в работе, посвящен современному тренду «прагматизации» политики партий и деидеологизации. Кейс Испании отчетливо иллюстрирует этот процесс. Автор отмечает, что классовая принадлежность и электоральные предпочтения перестали явно коррелировать между собой. Таким образом, размывание традиционной партийной сегментации снижает эффективность применявшихся ранее стратегий, создавая политическую реальность, где «идеологические тексты партий — …набор прагматических лозунгов» [Баранов 2024: 126]. Автору удалось наглядно проиллюстрировать эту ситуацию, рассмотрев в качестве примера современные праворадикальные партии, позволяющие себе ради поддержки электората общаться к традиционно левой риторике.

Отдельного внимания заслуживают замечания автора о возрастающей роли лидеров в политических кампаниях и персонификации политических партий [Баранов 2024: 96–97]. Так, харизматичного лидера с грамотно выстроенным медиаобразом стоит рассматривать как определяющий компонент политического успеха партии. В автономиях возрастает роль «региональных баронов», которые демонстрируют способность переворачивать ход кампаний в противовес общенациональным трендам. Это наводит нас на мысль, что устоявшиеся в политической науке положения требуют пересмотра в эпоху постмодерна. Медиаобраз партии и способность создавать наиболее привлекательное предложение на политическом рынке, улавливая смену общественного запроса, определяет результаты партии на выборах. Автор также подчеркивает значение интернет-технологий в электоральных кампаниях как фактора успеха молодых партий [Баранов 2024: 126, 183].

В условиях децентрализованного асимметричного устройства Испании при исследовании проблемы партийной системы невозможно обойти стороной процессы, происходящие на региональном уровне. Во-первых, как в любом многоуровневом и многосоставном государстве, региональные выборы становятся для

партий местом апробации новых электоральных стратегий. Во-вторых, избирательные кампании регионального и муниципального уровня позволяют выявить зарождающие электоральные тренды, которые с высокой вероятностью позже найдут отражение на национальном политическом поле.

В работе интересно подсвечена роль региональных партий, которые рассматриваются как ключевые акторы в многоуровневой партийной системе: «Автономные сообщества увеличивали давление на центральную власть, а спад влияния основных партий вынуждал формировать коалиционные правительства с участием региональных партий» [Баранов 2024: 226]. Рассмотрев электоральные процессы в автономных областях Галисия, Кастилия и Леон, Каталония, Мадрид, Страна Басков, автор делает вывод, что пространственные факторы детерминируют электоральные предпочтения граждан Испании. Автор отмечает среди них как наиболее значимые развитый регионализм (вопросы идентичности), выраженность социально-экономических проблем региона (безработица, миграция), размер населенного пункта и этнокультурный состав [Баранов 2024: 191].

Как ярчайший пример самобытной региональной партийной системы в монографии представлен кейс Каталонии, где партийное размежевание отражает плюрализм политических взглядов местного сообщества. Сегодня в партийном спектре представлены силы, отстаивающие идеи от полной независимости региона вплоть до формирования унитарной централизованной Испании [Баранов 2024: 149]. Этнорегиональные партии традиционно представляют интересы граждан с развитой региональной идентичностью и поддержкой процесса самоопределения региона. Граждане со смешанной территориальной идентичностью предпочитают поддерживать ИСРП, выступающую за федерализацию Испании, а настроенные происпански избиратели голосуют за НП [Баранов 2024: 149]. Также для Каталонии характерна поддержка политических сил с прореспубликанской позицией, что объясняется преимуществом в регионе левых партий над правыми.

Актуальная для испанского общества проблема формы государственно-территориального устройства из поля публичных дискуссий переходит в поле научной полемики, где нет однозначного ответа на вопрос об «идеальной» для Испании системы. При этом многие сходятся во мнении, что существующая модель требует пересмотра. Следует солидаризироваться с точкой зрения автора о том, что «противоречивость государства автономий в Испании вызвана исходной непоследовательностью модели децентрализованного унитарного государства с асимметричными уровнями полномочий автономии» [Баранов 2024: 226].

В качестве рекомендации автор предлагает остановиться на федеративной модели с территориальными субъектами для того, чтобы нивелировать этнические различия и сформировать единую идентичность. Однако вызывает сомнение эффективность предложенной автором концепция реформирования испанской модели территориального устройства, которая может быть истолкована местными элитами как ограничение прав региональных сообществ. «Призраки» франкизма, или франкистская федерализация, с нивелированием этнокультурной составляющей таят в себе риски усиление региональных конфликтов. Кроме того, вероятно,

этот проект вызовет недовольство не только в Каталонии и Стране Басков как главных стейкхолдеров децентрализации, но и в других этнорегиональных сообществах, которые сейчас демонстрируют поддержку государства автономий.

Автор высказывает позицию, что «проект Европы регионов в радикальном варианте демонтажа государств устраивает ТНК, и следует ждать продолжения процесса» [Баранов 2024: 163], однако аргументов в пользу этого тезиса не приводит. Нам представляется, что развитие событий в Каталонии (утрата сепаратистскими партиями полного контроля над правительством, снижение уровня поддержки сепаратистского проекта[1]) вряд ли позволит в ближайшей перспективе всерьез говорить о возврате к активной фазе сепаратизма. В свою очередь, жесткая реакция со стороны центральной власти Испании (отмена автономии, арест организаторов референдума) продемонстрировала, что переговорный процесс со сторонниками сепаратизма для центра недопустим, как и угрожающие стабильности существующей системе Испании реформы, а возрождение популярности правых партий в стране указывает на то, что реализация проекта федерализации Испании — вопрос не ближайшей перспективы.

В книге поднят важный вопрос о сосуществовании формальных и неформальных практик взаимодействия партий и их влияния на функционирование партийной системы. Автор указывает на неформальные практики как неотъемлемую часть межпартийного взаимодействия в Испании и объясняет их распространенность «несовершенством базовых параметров политической системы, в том числе процедур регулирования деятельности парламента, партий и выборов» [Баранов 2024: 136]. На наш взгляд, эта черта характеризует всю политическую систему Испании и находит выражение также в выстраивании асимметричных двусторонних отношений между центром и автономными образованиями, где немалую роль играют неформальные отношения.

Политические партии Испании вынуждены отвечать на изменяющиеся социальные запросы, адаптировать привычные стратегии к новым вызовам. Крупные игроки (НП и ИСРП) учитывают возрастающую электоральную конкуренцию и учатся достигать компромиссов для формирования успешных коалиционных правительств, а новым политическим игрокам приходится смягчать свои радикальные позиции в угоду выстраиванию политических союзов. В книге на примерах успеха «Подемос», «Вокс» и «Граждан» доказывается, что в условиях волатильности партийной системы пригодность к коалиционному партнерству — залог политической выживаемости партии. При чтении книги возникает закономерный вопрос о том, как коалиционные соглашения сказываются на изменении партийного позиционирования уже в условиях действующего правительства.

Подводя итог, можно вспомнить испанскую пословицу: «Vamos a ver de qué lado masca la iguana» (дословно «Давай посмотрим, какой стороной жует игуана»), что означает «Давай разберемся, в чем дело и кто прав». В своем исследовании А.В. Баранов скрупулезно разобрался во всех хитросплетениях испанской

[1] Baròmetre d'Opinió Política 2/2025. P. 67, 71. URL: https://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/9788/Dossier%20de%20premsa_1126.pdf (accessed: 16.08.2025).

партийной системы и выразил справедливую точку зрения, и поэтому мы рекомендуем его книгу каждому читателю, интересующемуся партологией и европейской политикой.

Поступила в редакцию / Received: 10.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 11.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 15.11.2025

Библиографический список

Баранов А.В. Трансформация партийной системы современной Испании (электоральный аспект) : монография. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024.

Куракина-Дамир А.А. Трансформация партийно-политической системы Испании в посткризисный период (2011–2019) // Латинская Америка. 2022. № 10. С. 64–80. http://doi.org/10.31857/S0044748X0022306-5.

Орлов А.А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022. № 2. С. 117–131. http://doi.org/10.31857/S0201708322020097.

Прохоренко И.Л. Испанская праворадикальная партия «Вокс»: роль в формировании региональной повестки в Европейском союзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 234–246. http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-234-246.

Хенкин С.М. Испания. Современное нестабильное общество. Москва : Изд-во «Аспект Пресс», 2023. 383 с.

Campolongo F., Olivas Osuna J.J. Times of Crises: Ideology and Party System Transformations in Spain // Partecipazione e conflitto. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 629–647. http://doi.org/10.1285/i20356609v17i3p629.

Field B., Sáenz de Oger A.S. Cracking the door open: Governing alliances between mainstream and radical right parties in Spain's regions // Revista Española de Ciencia Política. 2024. Vol. 64. P. 37–64. http://doi.org/10.21308/recp.64.02.

Ramiro L., Salvador M. Spain: Party system change and fragmentation // Political Parties and the Crisis of Democracy. Organization, Resilience and Reform / ed. T. Poguntke, W. Hofmeister. Oxford/New York : Oxford University Press, 2024. P. 218–240.

Riera P. Socioeconomic heterogeneity and party system fragmentation // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. 2023. Vol. 33. No. 3. P. 377–397. http://doi.org/10.1080/17457289.2020.1784181.

Rodon T., Rodríguez I. A bitter victory and a sweet defeat: the July 2023 Spanish general election. South European Society and Politics. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 335–357.

Vall-Prat P., Rodon T. The Spanish 2023 general elections: unexpected snap elections to survive in power // West European politics. 2024. Vol. 47. No. 6. P. 1419–1434.

References

Baranov, A.V. (2024). *Transformation of the Party System of Contemporary Spain (Electoral Aspect)*. Krasnodar: Kuban State University (In Russian).

Kurakina-Damir, A.A. (2022). Transformation of the party-political system of Spain in the post-crisis period (2014–2019). *Latin America*, 10, 64–80. (In Russian). http://doi.org/10.31857/S0044748X0022306-5.

Orlov, A.A. (2022). Trends in the Evolution of the Spanish Party System in the Post-Franco Period. *Contemporary Europe*, 2022, *2,* 117–131. (In Russian.). http://doi.org/10.31857/S0201708322020097.

Prokhorenko, I.L. (2022). Spanish far-right party «Vox»: Its role in shaping of the EU regional agenda. *RUDN Journal of Political Science,* 2022, *24*(2), 234–246. (In Russian.). http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-234-246.

Khenkin, S.M. (2023). *Spain. A modern unstable society.* Moscow: Aspekt Press (In Russian).

Campolongo, F., & Olivas, Osuna, J.J. (2024). Times of Crises: Ideology and Party System Transformations in Spain. *Partecipazione e conflitto*, *17*(3), 629–647. http://doi.org/10.1285/i20356609v17i3p629.

Field, B., & Sáenz, de, Oger, A.S. (2024). Cracking the door open: Governing alliances between mainstream and radical right parties in Spain's regions. *Revista Española de Ciencia Política*, *64,* 37–64. http://doi.org/10.21308/recp.64.02.

Ramiro, L., & Salvador M. (2024). Spain: Party system change and fragmentation. In T. Poguntke & W. Hofmeister (Eds.), *Political Parties and the Crisis of Democracy. Organization, Resilience and Reform* (pp. 218–240). Oxford/New York: Oxford University Press.

Riera, P. (2023). Socioeconomic heterogeneity and party system fragmentation. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, *33*(3), 377–397. http://doi.org/10.1080/17457289.2020.1784181.

Rodon, T., & Rodríguez, I. (2023). A bitter victory and a sweet defeat: The July 2023 Spanish general election. *South European Society and Politics*, *28*(3), 335–357. http://doi.org/10.1080/13608746.2024.2326300.

Vall-Prat, P., & Rodon, T. (2024). The Spanish 2023 general elections: Unexpected snap elections to survive in power. *West European Politics, 47*(6), 1419–1434. http://doi.org/10.1080/01402382.2024.2317679.

Сведения об авторах:

Зазнаев Олег Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru) (ORCID: 0000-0002-6070-5999)

Зарипова Айгуль Раисовна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (e-mail: AjgulRaisZaripova@kpfu.ru) (ORCID: 0000-0002-5810-5986)

About the authors:

Oleg I. Zaznaev — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University (e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru) (ORCID: 0000-0002-6070-5999)

Aigul R. Zaripova — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University (e-mail: AjgulRaisZaripova@kpfu.ru) (ORCID: 0000-0002-5810-5986)

ДЛЯ ЗАМЕТОК